

СТОЛИЦА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

№ 34 (196) 1994 г.

НЕГР НЕ ИГРАЕТ В ХОККЕЙ

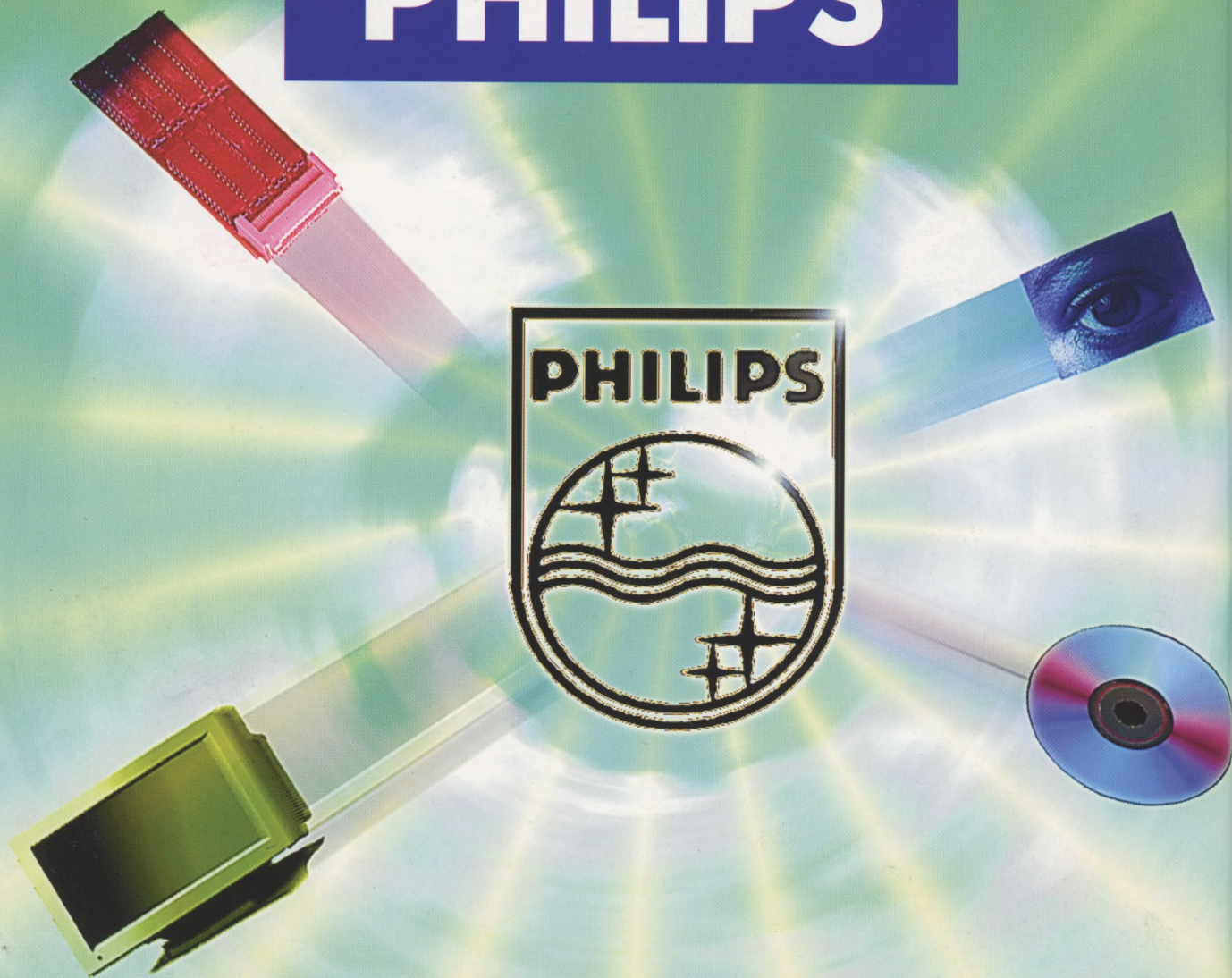
Негр играет в баскетбол
в российской команде

№ 76878

МОСКВА

ВСТРЕЧАЕТ

PHILIPS

119048, Москва, ул. Усачева, 35А

Тел.: (7502) 224 1579 (ext)

(7095) 564 8319

(7095) 584 8323

Факс: (7502) 224 1579

(7095) 564 8319

Philips Consumer Electronics

В НОМЕРЕ

14 Ярослав МОГУТИН:

Так уж повелось, что «творческая интеллигенция» у нас традиционно выполняла роль цепной шавки. Только спусти поводок, скажи «фас» — покусает любого. Александру Исаевичу такая роль не по душе, он хочет кусать без спросу, по своему усмотрению и всех сразу.

15 Дмитрий БЫКОВ:

Солженицын едет в страну, где его встречали бы не как абстрактного борца и мученика, но как сторонника вполне определенных идей. Теперь он миглом лишит «духовную оппозицию» вождя единства...

18 Алексей КРАВЧЕНКО:

Убитый в марте в ходе предвыборного митинга кандидат в президенты Мексики Луис Дональдо Колосио уже не сможет побороться за президентское кресло.

26 Епископ Суздальский Валентин:

Хребет у меня сильный, и бесхребетных я не люблю. Но я Церкви служу безоглядно.

Московский репортаж
Клад. Найдем ли мы его?
Алексей Митрофанов
Эдуард Кудрявицкий (фото) 4
**Третья годовщина
Второго Спаса**
Максим Соколов 9

Политика
Весь мир насилья. Мы
Денис Драгунский 10
Как я наконец напечатался
в «Московских новостях»
Владимир Козловский 13
«Выбрался обустроить
Россию? —
две сладкие палочки!»
Ярослав Могутин 14
Не ради Славы
Дмитрий Быков 15
Барометр показывает «бурю»
Алексей Кравченко 18

Экономика
Курс доллара в 1995 году?
Запросно
Светлана Карташова 22
Новых программ
изобретать не надо
Интервью
с Александром Лившицем 23

Жизнь
Суздаль: чем сердце
успокоится?
Михаил Поздняев 26
Застолье по-нашенски
Алексей Ерохин 30
Семейный киднеппинг
Николай Бахрошин 34
Придет серенький волчок и
укусит...
Сергей Толкачев 36
Негры российского
баскетбола
Виктор Пугачев 39

Культура
Не сердите Эдиту: она может
растолстеть
Интервью с Эдитой Пьехой 42
Долгая дорога в Россию
Марина Каминарская 50
Сделки со временем, или
Что такое хороший продюсер
Интервью
с Анатолием Воропаевым 54
Зачем Герасим утопил Муму
Дмитрий Быков 57
Ада, или Страсть
Владимир Набоков 60
Дикие животные сказки
Людмила Петрушевская 63

Письма 2
**С миру по нитке
Дневник И.** 48

На первой странице обложки
фото Юрия Роста,
дизайн С.Стыриковича

39 Виктор ПУГАЧЕВ:

И теперь в составе «Спартак» появилась «славная парочка»: выходцы из команды колледжа в Провиденсе, чернокожие баскетболисты — центровый Стив Райт и нападающий Тони Тернер.

42 ЭДИТА ПЬЕХА:

Мои почитатели идут вместе со мной по жизни. Они взрослеют, выходят замуж, женятся, потом приходят на концерт с детьми... Я живу в семейных альбомах этих людей...

СТОЛИЦА

№ 34 (196), 1994

Общественно-политический иллюстрированный еженедельник

Москва, 101425, ГСП-4, Петровка, 22

Телефоны: 928-23-49, 921-67-45

Телефакс: 921-29-85

Телекс: 413739 autp

Журнал «Столица» выходит еженедельно с августа 1990 г. Зарегистрирован Комитетом Российской Федерации по печати 25 октября 1993 г. (№ 0110344). Учредитель: редакция журнала «Столица».

Главный редактор:

Андрей Мальгин

Заместители главного редактора:

Консуло Сегура, Петр Смирнов,

Владислав Старчевский

Коммерческий директор:

Юрий Бычков

Директор издательства:

Борис Рабкин

Ответственный секретарь:

Юрий Бугельский

Отдел общественно-политической жизни:

Александр Касатов

Отдел экономики и науки:

Елена Эрикссен

Отдел правовых и морально-этических проблем:

Николай Бахрошин

Международный отдел

Андрей Голубов

Отдел искусств:

Татьяна Савицкая

Отдел литературы:

Дмитрий Быков

Отдел репортажа:

Владимир Грибанов

Отдел писем: Наталья Туровская

Над номером работали:

П.Смирнов, С.Панов, Э.Петрова,

А.Остроухов

Номер подписан в печать 17.08.1994 г.

Тираж 100 000

Цена договорная

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. При перепечатке ссылка на «Столицу» обязательна. Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о размещении рекламы звоните по телефону: 923-19-71

По вопросам распространения обращайтесь по телефону:

928-27-69

© «Столица», 1994

Отпечатано

в Финляндии в типографии

«UPC Consulting Ltd.»

с диапозитивов,

изготовленных

в фотонаборном центре

еженедельника «Столица»

Национальный вопрос нас испортил

В 28-м номере «Столицы» немало места уделено национальному вопросу в России и за ее пределами. Чечня, Северная Осетия и Ингушетия, Грузия и Абхазия... «Столица» всегда внимательно относилась к подобным проблемам — они имеют первейшее значение в политике любой страны.

Во всем мире полыхают национальные войны. Пожалуй, только чехи и словаки сумели выйти из положения с честью и без кровопролития. Они — единственное исключение из правила. А правила жестки и жестоки, раскаляется ненависть, кипят страсти... И ни одна страна, ни один народ не вправе назвать себя понастоящему культурным, пока не научится спокойно и мирно решать эти споры.

Национальный вопрос стоит одинаково остро как в государстве, так и в семье (что первично — курица или яйцо?).

Я близко знаю немало людей, которым пресловутый национальный вопрос принес подлинные страдания задолго до начала национальных войн. Так, у двух моих бывших одноклассников еврейские мамы категорически отказались признать русских жен своих сыновей. В результате оба брака быстро распались, а одна бабушка даже не пожелала ни единого раза (!) увидеть своего внука, рожденного русской женщиной.

У другой моей знакомой родители татары наотрез отказались принять русского зятя. Наконец, девушка вышла за татарина, плакала, не любила, жила стиснув зубы...

Банальные примеры? Увы, из этой банальности зародились наши сегодняшние национальные сражения, начинались-то они на обычных кухнях, в обычных ссорах и скандалах! Ведь о том, что армянин хитрый, а азербайджанец злой, ребенок узнает у себя дома.

Помню, какой болью в сердце всегда отзывался раньше вопрос о национальности при приеме на работу и поступлении в вуз (в МГУ, в МИФИ, Физтех мне дорога была закрыта). И помню, как в прошлом году сын моего друга рассказал мне с усмешкой, что его не приняли в одну известную математическую московскую школу «за фамилию». В списке класса, который набрала учительница-еврейка, не было ни одной русской фамилии, а у

П И С Ь М А

мальчика оказалась именно такая. А много лет назад меня тоже не взяли на работу в одно издательство, только, наоборот, из-за еврейской фамилии. «Что, курс переменялся?» — спросил меня с иронией пятнадцатилетний мальчишка. Но это проявления все одного и того же, ставшего еще страшнее и жестче, потому что люди стали озлобленнее.

Так что пишите, пожалуйста, об этом как можно чаще и как можно больше. Как можно честнее и откровеннее. Мы нуждаемся в правде, которая целиком еще не прозвучала.

В.ГРОСБЕРГ

Москва

Будешь богатым — станешь хорошим

Конечно, всех наших проблем, особенно экономических, так просто в одночасье не решить. Однако многие из них хоть как-то пробуют решать, а вот одной, по-моему, крайне важной, даже не касаются. Она стояла у нас многие десятилетия: проблема правильной оплаты труда.

Возьмем самые важные моменты развития страны: ее физическое и нравственное здоровье. Обратили ли мы на это хоть какое-нибудь внимание, я уж не говорю о должном, постоянном и пристальном? Нет, конечно. Если бы обратили, то именно врачам и учителям давно уже платили бы огромные деньги, от них, естественно, требуя при этом огромной отдачи. Ведь как раз они ответственны за те поколения, что вырастают, и за те, что грядут.

Плохие у нас врачи и учителя? Да уж что скрывать. Но они и останутся такими, пока не увидят, что их ценят, что в них нуждаются и что от них требуют. Требуют за те большие деньги, которые они получают. А до тех пор, пока грузчик в магазине будет получать в 3 раза больше преподавателя литературы, ничего изменить нельзя. Ничего нет позорного и страшного в том, что основным мерилом становятся деньги. Но деньги, заработанные честно, отработанные по-настоящему и правильно распределенные.

Г.ВОРОНЦОВА

Тамбов

«Кто не с нами...»

Всегда с большим уважением относился к «Столице», в особенности к ее политическому отделу. Но вот в № 27 обнаружил беседу корреспондента журнала с Дмитрием Фурманом и Денисом Драгунским, которая заставила меня взяться за перо, чтобы поспорить с редакцией.

Я не буду утверждать, что плюрализм плох или не нужен, — в конце концов, это одно из наших ценных завоеваний. Но кто-то сказал, кажется, Наум Коржавин, что плюрализм в одной голове — это шизофрения.

Да простит меня уважаемая мною редакция, но, публикуя «откровения» Фурмана, она оказалась именно такой головой, хотя всегда была головой умной. Не понимаю, что случилось. Стоило ли давать слово очевидному противнику, тем паче, что в диалоге с Драгунским он «переговорил» последнего, буквально забросал «аргументами», «доводами» и «рассуждениями», от которых у иного читателя и впрямь может «крыша поехать».

А уж лексикон у доктора исторических наук: «демократия... грязная и вонючая... альтернатива этой вони»; «затесавшаяся «пена». И, кстати, здесь же вполне определенный призыв к военным действиям: «Что же это за империя, что же это за государство, в котором ни один генерал даже танки не вывел, а ведь мог бы это сделать! Нашелся единственный честный политик — маршал Ахромеев...»

По-моему, редакция должна немедленно в суд подавать на доктора исторических наук — основания налицо.

А в дальнейшем стоит придерживаться определенного, когда-то уже четко избранного направления. Иначе непонятно: то ли курс журнал собираются переменить, то ли просто решил показать многообразие лиц.

Конечно, многообразие бывает интересным и нужным. Но не в данном конкретном случае, где, говоря словами Фурмана, «нашелся единственный честный» доктор исторических наук, очевидно, все предыдущие годы сочинявший нашу историю так, как было угодно.

Г.КРАЙНЕВ

Санкт-Петербург

«Гром победы раздавайся...»

Много лет я проработала машинисткой. Конечно, вечерами подрабатывала на дому. И вот как-то знакомые прислали мне очень симпатичную молодую женщину из Германии, которая здесь заканчивала аспирантуру. Пока я печатала ее диссертацию, мы очень подружились с Эммой, хорошо говорящей по-русски.

Однажды Эмма вдруг с горечью сказала: «Нам очень обидно, что вы все время так громко и торжественно празднуете свою победу над немцами. Мы ведь уже не те, что были, нам сейчас больно вспоминать свою позорную и страшную историю. Разве нужно без конца указывать нам на это, буквально тыкать в нос?»

Я тогда не нашлась что ответить. А вот недавно, слушая по телевидению выступление Павла Грачева, рассказывающего о готовящемся в следующем году праздновании 50-летия Победы над гитле-

ровской Германией, вспомнила мою милую Эмму и ее вопросы.

Да, мы победили. Мы с гордостью и честью можем носить имя победителя, завоеванное в жестоких и кровопролитных боях. Мы потеряли многие миллионы убитых. Но гордость не должна быть столь громкой, временами даже показной, какой иногда у нас сегодня бывает. Немцы ныне сами ведут жесткую борьбу с проявлениями нацизма, надеюсь, так будет и впредь.

Праздник должен быть, и он будет, но вот нужны ли эта помпезность, этот размах, эти грандиозные размеры — подготовка чуть ли не за год! Чувство меры в данном вопросе мы явно потеряли. Что бы мы, русские, сказали, если бы дни освобождения от российского ига начали праздновать Чехия и Словакия, Болгария и Венгрия, Афганистан и Польша? Люди — везде люди, и чувства у них на всей Земле одинаковые. Стоит беречь их.

В. НЕСТЕРЕНКО

Москва

Главному редактору
журнала «Столица»
Мальгину А.В.

Копия: Председателю Госкомимущества
Чубайсу А.Б.

В связи с выходом очередного, № 30, еженедельника «Столица» считая необходимым обратить Ваше внимание на явно безнравственный характер оформления обложки журнала. Содержание данного коллажа объективно направлено на провоцирование противостояния людей, занимающих важные государственные посты, носит оскорбительный для обоих характер.

Бесспорно, что редакция независимого издания, в соответствии с законодательством и собственной манерой подачи материала, имеет право на определенную фантазию в оформлении журнала. Но ведь есть и гражданские нормы, допустимые этические пределы, нарушение которых затрагивает человеческое достоинство.

Надеюсь, что, исходя из вышеизложенного, Вы и редколлегия журнала учтете данные замечания и примете соответствующие меры.

Ю.М.ЛУЖКОВ

От редакции:

Публикуя упомянутый коллаж, мы рассчитывали на наличие чувства юмора у его персонажей. Тем более что «противостояние людей, занимающих важные государственные посты», не нами придумано, не нами «спровоцировано».

Однако наши расчеты не оправдались. В связи с чем приносим свои извинения.

Льготная Подписка

Уважаемые
московские
читатели

«СТОЛИЦЫ»!

Если вы имеете возможность приехать за нашим журналом в редакцию, мы подпишем вас на второе полугодие 1994 года по льготной цене:

**Стоимость подписки
на один месяц
1000 рублей.**

Подписку можно оформить
в редакции по адресу:
Петровка, 22, вход со двора,
комн. № 610.

Справки по телефону:
928-10-34

Алексей МИТРОФАНОВ,
Эдуард КУДРЯВИЦКИЙ (фото)

Несмотря на всяческие трудности, на жаркую погоду и на сроки, все сжимающиеся, раскопки на Манежной продолжаются. Недавно раскопали Воскресенский мост (ориентировочно XVI века). Он соединял собою берега реки Неглинной, а в будущем, возможно, войдет в подземный комплекс, что построят под Манежной площадью.

Клад.
Найдем ли мы его?

— Клад! — кричали журналисты.

— Клад! — требовали обыватели.

— Клад! Клад! Нужен клад!

Словно на стадионе. Но археологи спокойны и молчаливы. Они — не кладоискатели, не авантюристы и даже не слишком романтики. Они — работают. Метр за метром. Столетие за столетием.

В прошлом веке на Манежной площади было всего два переулочка — Лоскутный и Обжорный. Стояли гостиницы — Карзинкина, Лоскутная... Какие-то харчевни. И опирались эти здания на фундаменты восемнадцатого века. Переулочки же — на мостовые: деревянные, бульжные времен Петра Великого.

Все это становится известным лишь благодаря раскопкам. Ведь документов по тому участку практически не сохранилось. Они погорели в московских пожарах.

Копай археологи дальше — появились бы планы старинных владений. И многое бы прояснилось в истории города. Но для обывателя это — не клад. И камни от несохранившихся гостиниц — то же самое, не клад. Разве что приехали из города Нью-Йорка потомки Карзинкиных, побывали на раскопках и торжественно приняли в дар кирпич от своей

бывшей собственности.

Главное для археолога — не клад найти. Он занимается серьезным делом. Он изучает культурный слой. И этот слой для археолога — такой же равноценный памятник, как, скажем, Кремль. А может быть, даже ценнее. Роднее — уж точно.

Археолог рассматривает каждый найденный черепок, затем черепок зарисовывают, фотографируют, везут в музей. Хотя, наверное, не каждый. На все музеев-то не напасешься.

Культурный слой вычерчивают, опять-таки фотографируют. И он остается науке.

На Манежной площади находят куски кожи, крестики, обломки керамической посуды. В прошлом году отрыли красивый белоглиняный кувшин, а рядом — рукоятку сабли. Эти вещи остались от первой половины семнадцатого века, когда на месте нынешней Манежной площади размещалась стрелецкая слобода стремянного полка.

Как-то обнаружили довольно странную картину: трехъярусный кирпичный пол, пробитый дубовыми сваями. Очевидно, строители девятнадцатого века, укрепляя новые фундаменты длинными сваями (все-таки рядом — две реки и почва ненадежная), не сморгнув,

проломили кирпич
восемнадцатого.

Не слабые в то время
были люди. И ели хорошо
— в земле запрятано
огромное количество
костей животных.

Клад ли — такая
находка? Для
археологов — клад.

Увы, когда пишется эта
заметка, строители
вовсю торопят
археологов. Нужно
уступать место
бульдозерам,
приехавшим сюда во имя
сомнительного проекта
архитектора Улькина, во
имя глубочайшей ямы
прямо под стенами
Кремля.

Недалеко от площади,
на месте Казанского
собора археологи
работали три года.
И потом уж
поставили храм.

Здесь, на территории
гораздо большей,
им отвели всего год
с небольшим.

Что для вас клад?
Сосуд с монетами?
Старинные перстни?
Беспенные книги?
Каким бы ни был
ваш ответ — возможно,
через год
ЭТО нашли бы.
А так — подцепят
грубым экскаватором
и вывезут
с мусором вон.

Третья годовщина Второго Спаса

Первую годовщину августа 1991 года еще пытались отмечать всей российской верушкой — как и в 1991 году, на балюстраде «Белого дома». В итоге Хасбулатов был освящен публикой и ускорил свою эволюцию в сторону сугубого патриотизма. Во вторую годовщину вопрос заключался главным образом в том, будет ли памятная дата отмечена уличными схватками. Зловещие ожидания, не сбывшись 19 августа 1993 года, исполнились через полтора месяца. Разговоры о «преданной революции» велись, конечно, и раньше, но после осенних событий 1993 года — как, впрочем, и после наполнившего общество свинцовой усталостью всего послеавгустовского трехлетия — совсем естественным стал вопрос, что, собственно, и зачем предполагается теперь отмечать. Правители скурились, герои проворовались, иных уж нет, а те далеке, радость избавления от коммунистической мерзотины сменяется ностальгией по старым добрым временам, да и вообще в переменчивую эпоху праздники быстро рождаются, а еще быстрее умирают. Не таков ли и день 19 августа?

В рамках исторического материализма — безусловно. Всякое видоизменение общественного строя происходит под лозунгами упразднения неравенства, а приводит к установлению нового неравенства. В этом смысле все революции обречены быть преданными. События августа 1991 года не внесли в эту железную схему ничего нового. Правда, в этом случае необходимо уточнить вину августовских победителей, да и всего российского общества: они виноваты в том, что Россия и на сей раз не осуществила прорыв из царства необходимости в царство свободы, т. е. не стала первой во всемирной истории страной, сумевшей так нарушить неуклонный закон, согласно которому эволюция общества осуществляется посредством замены одной несправедливости другой несправедливостью.

На то можно возразить, что детерминистские схемы заслоняют нравственную сторону трехлетней годовщины — апелляция к сколь угодно железным закономерностям не может отменить ни высоких идеалов, ни чувства горечи от их поругания. Воистину не может отменить и не отменяет. Вопрос, однако, в другом: что именно оказалось поругано? Стандартный ответ — «поруган был высокий порыв, собравший к «Белому дому» десятки тысяч людей и обративший их из привычной советской толпы в исполненный достоинства народ новой России». Август 1991 года — «революция с лицом Ростроповича» (не харей революционного матроса Кошкодавленко), и в это просветленное лицо революции власти смачно наплевали.

Ставящие вопрос таким образом уместно и правильно (хотя, к сожалению, неявно) апеллируют к главному смыслу событий того августа: «Вдруг кто-то вспомнил, что сегодня шестое августа по старому, Преображение Господне». А Преображение — это дарованный нам свет иной, вышей и, так сказать, более реальной, чем земная, реальности. «Обыкновенно свет без пламени исходит в этот день с Фавора», и этим фаворским светом оказались осияны участники августовских событий. Самые разные, в общем и целом весьма несовершенно и весьма грешные люди — студенты, биржевики,

Максим СОКОЛОВ

пенсионеры, рокеры, Руцкой, Ростропович, Ельцин, Хасбулатов, Явлинский, Гайдар, Аксютин, Бурбулис, Астафьев etc — вдруг явили казавшееся невозможным в сей земной юдоли единство помыслов и деяний и открылись для себя и для других лучшими чертами своей натуры. Руцкой явил нужную решительность, Аксютин, агитировавший солдат, — нужный словесный дар, Хасбулатов, ведший переговорную игру с Лукьяновым, — нужные выдержку и расчет. Те, которых мы и до и после привыкли знать в далеко не лучшем свете, тогда явились другими, какими они могли бы быть, на мгновение приоткрыв замысел Создателя о себе. Как и собравшаяся вокруг «Белого дома» разношерстная публика — в ней приоткрылось нечто новое и невиданное, и самые разные люди говорили, что они видели другую Россию. То есть — видели преображающее действие благодати. «Невозможное человеку возможно Богу».

...Тут уместно вспомнить полувековой давности реальные события, породившие светлую легенду о короле, который, чтобы спасти своих подданных, надел желтую звезду Давида, и легшие в основу повести Б.Хазанова «Час короля». В реальности все было не совсем так, но действительно, когда 28 сентября 1943 года был издан приказ о депортации датских евреев в Третий рейх, король Христиан X объявил нацистам, что первый наденет желтую звезду обреченного, а его подданные при демонстративном попуществе датской администрации организовали эвакуацию евреев через пролив — в спасительную нейтральную Швецию. Так Дания — единственная из оккупированных нацистами стран — спасла своих евреев, так Давид в очередной раз победил Голиафа, так неожиданно сбылась легенда о Хольгере-Датчанине, который спит в подземелье замка Кронборг, но проснется, когда Дании будет угрожать опасность, а на короля Христиана и его подданных тоже лег отблеск фаворского света.

Но что же было дальше?

Дальше было то, что, когда разозленные немцы интернировали датский полицейский корпус, по всем законам природы число имущественных преступлений в Копенгагене выросло в десять раз. Воровали, возможно, те же самые датчане, которые малое время назад, рискуя жизнью, спасали своих сограждан. А уже в 1945 году, когда кончилась всякая оккупация, датчане сделались сущим наказанием и форменной чумой для лежащей за проливом, избежавшей войны сытой Швеции: массовая скупка товаров, спекуляция, мелкое воровство — все, как положено. Сам же король Христиан X ничем больше не прославился. *Mutatis mutandis* в Дании все было, как в России, — с одним только исключением: не было интеллигенции, объяснявшей, как ее обманули в сентябре 1943 года, и не было датского Говорухина, который бы называл короля преступником и датчан — нацией преступников. А потом Дания встала на ноги и осталась только легенда.

Мораль, которую можно вспомнить и к третьей годовщине празднуемого 19 августа Второго Спаса, заключается в том, что в остаточном христианском маленьком западном королевстве не принято обижаться на благодать за посещение. На Святой Руси, как видим, принято, и даже весьма.

В переменчивую эпоху праздники быстро рождаются, а еще быстрее умирают. Не таков ли и день 19 августа?

Весь мир насилья. Мы

Денис ДРАГУНСКИЙ

В подземном переходе на Тверской надпись краской по белому кафелю, с яростным выворотом кисти — «Kill them all!» — «Убей их всех!» И почему-то по-английски. Впрочем, понятно почему. Превратиться в нездешнего, красивого, неуязвимого и неуловимого, в проклепанной кожанке, в шлеме и плотно прилегающих очках, на сверхмощном мотоцикле с обтекателем. Полсекунды, чтобы выдернуть револьвер и выстрелить. Входное отверстие размером в горошину, выходное — в тарелку. «Ты проиграл, парень...» Бессильно воют сирены полиции и «скорой помощи» — красивый и неуловимый увистел в ночь.

Кино. Фантазия. И уже повседневная реальность. Милиция была вынуждена стрелять на поражение. В результате взрыва выбило двери и окна. На чердаке обнаружили карабин с оптическим прицелом. Гранату бросили из проезжавшего автомобиля. Произведены залпы из реактивных установок. Соглашение о прекращении огня не выполняется. Обе стороны несут большие потери в живой силе и технике. Оппозиция призывает к бессрочной забастовке и требует досрочных выборов.

«Kill them all!» Кого — всех?

Всех, кто мешает мне жить по-моему. Иностранцев, иноверцев и отчасти иностранцев — когда они вмешиваются в наши внутренние дела. Всех, кто гораздо богаче или неприлично беднее меня — первые вызывают зависть, вторые — страх. Всех, кто бессовестно не платит долги мне или по-глобски требует долг с меня. А также всех преступников — от карманных воров до высокопоставленных коррупционеров. Не забыть про изменников родины, которые устроили августовский путч, разменяли великую страну на СНГ, штурмовали мэрию и били из танков по законно избранному парламенту, а сейчас унижают Госдуму и пытаются свергнуть президента. Бегенцев, наркоманов, извращенцев и инфицированных, в принципе, можно не убивать, а депортировать или изолировать. Но вся эта публика принимает демократию за вседозволенность, гуманизм за слюнтяйство, а доброту — за бессилие. От нашей доброты они только нагледят. И поэтому — убей их всех.

Такой вот лозунг дня.

А ведь мы до сих пор считаем себя самым добродушным, самым доверчивым и всепрощающим народом на свете. Неужели это еще одна неправда в бесконечной цепи неправд о России? А если нет, если мы и в самом деле добры и доверчивы — то из каких таких разверзшихся хлябей небесных обрушился на нас и пронизал нас этот поток насилия?

Не с телевизионных же экранов, в самом деле (даже самые убежденные патриоты-самобытники давно махнули рукой на «растленное влияние Запада»), и не из пугачевщины, якобы бродящей в крови российского человека. Нет никаких трихинов, привидевшихся Раскольникову в страшном сне. Все, к сожалению, несколько иначе.

Насилие бывает двух сортов. Реальное, актуальное, явленное здесь и сейчас — конкретное преступление, теракт, арест, расстрел. Но есть насилие, так сказать, структурное, определяющее принципы социальной организации, коваными гвоздями приколачивающее человека к помещику, колхозу, заводу, к сословию, вероиспо-

веданию, к классу, партии, национальности. Здесь российско-советская традиция не прерывалась. Примитивное самодержавие — «Его Величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответу дать не должен, но силу и власть имеет по своей воле и благомнению управлять» («Воинский устав Петра I»). Крепостное право. Крестьянская община, связанная круговой порукой. Трудовая повинность (дожившая с военного коммунизма до конца восьмидесятых, когда был отменен закон о «тунеядцах»). Бессмертная карточно-талонная система — родившись на старых российских фабриках в виде «заборных книжек», она триумфально прошествовала сквозь всю советскую и постсоветскую власть, обретая новую жизнь в условиях кризиса наличного оборота. Воинский учет, трудовая книжка, прописка — человек постоянно жил под тройным присмотром.

Особое место занимало национальное насилие. Это разделение народов на сорта в рамках советского федеративного устройства; этнические квоты во всем — в приеме в вузы, в формировании руководящих органов, в культурной политике и даже в награждении орденами и медалями; фетишизация «пятого пункта» и так далее, вплоть до осмысленно-жестоких операций устрашения, каковыми являлись истребительные депортации калмыков, чеченцев, ингушей и других российских народов.

Насилие стало языком. И в некотором обобщенном метафизическом смысле — как принцип организации сообщества, и в смысле простом, обиходном — как способ общения людей.

Но этот язык имел государственную грамматику — насиле было прерогативой власти. Огромная, разветвленная система карательных органов, умноженная на нечетное количество ее тайных помощников; система парткомов — а ведь каждый, самый что ни на есть рядовой боец восемнадцатимиллионной армии коммунистов был чутьочку выше своего беспартийного коллеги; комсомол — помощник партии; советская система, включавшая в себя миллионы депутатов; профсоюзные комитеты; бесчисленные домкомы, уличкомы и женсоветы — вся эта советская рать осуществляла государственное насилие (и, разумеется, терпела его), не выходя за жесткие рамки предписанного. Самодеятельность в области насилия могла проявиться разве что на коммунальной кухне. Или в уголовной преступности — но и там господствовал жесткий «воровской закон», на смену которому ныне, в условиях краха государственного насилия, пришел «беспредел».

Вот мы и подошли к ответу на наш вопрос. Россия всегда жила в ситуации структурного насилия. Распад властных систем и институтов привел к тому, что структура исчезла, а насилие осталось, выплеснувшись на волю и грозя затопить остатки государства.

Нечто подобное случилось в 1917 году, но Ленин сумел забыть революционный российский беспредел в такие колодки, что кровавый, по тогдашним меркам, режим Николая II скоро показался сущим парадизом. Кому-то, впрочем, по сравнению с нынешним беспределом кажется раем советский режим — этих людей можно понять. Диктатура — это порядок, тут не поспоришь. Остальное зависит от личных пристрастий человека.

Но трудно понять демократическую интеллигенцию,

ОЛЕГ ГРАЧЕВ

трудно принять тот уровень политического, да и просто нравственного сознания, которое она продемонстрировала в период, когда система советского насилия стала рушиться.

О, эти люди шестидесятых годов, которые с одинаковой радостью смотрят и в будущее, и в прошлое, преисполняясь энтузиазмом ностальгии, — как писал Джон Сперлинг в умном романе о постимперских страданиях современной английской интеллигенции. Очевидно, шестидесятиничество — общемировой феномен.

Как мы были счастливы тогда, в шестидесятые, и особенно потом, в восемьдесят пятом! После апрельского пленума, на котором Горбачев объявил о перестройке и ускорении, «Комсомолка» опубликовала статью с подхалимским названием «Весна». Но весной, в порядке общего цветения природы, из берлоги вылезают исхудавшие за зиму медведи. Самое время подкормиться, нагулять бока.

Но мы упустили это из виду. Я говорю «мы», потому что не вижу за собой никаких особых заслуг, позволяющих мне в данной ситуации называть своих коллег «они». Мелкие различия во взглядах не так важны.

Знаменем шестидесятых, а потом и восьмидесятых годов стала гуманизация насилия. Я не оговорился.

Мы с восторженным придыханием говорили о «ленинских нормах» и призывали отцов нации к ним вернуться. Потоки бессудных казней и карательных экспедиций — вот какие нормы действительно были ленинскими.

«Будьте добры, расстреляйте товарищей» — и все. Товарищей раздевали донага, ибо одежда была нужна бойцам мировой революции, и ставили на край ямы. Сталин окружил террор правовыми декорациями. Лысины Ульриха и Вышинского освещали людоедские процессы сиянием созаконности. Но этому кошмару мы противопоставили нечто, вообще не имеющее названия, и призвали воскресить этот утраченный идеал. Может быть, мы не понимали смысла слов?

Самое время поблагодарить отцов нации и лично дорогого Леонида Ильича за то, что они не вняли этим призывам.

Любой человек со стороны скажет:

Эти люди — которые говорили о «возрождении ленинских норм» и романтизировали гражданскую войну — или глупцы или негодяи. Но в любом случае их нельзя и близко подпускать к политике, к литературе, к народному образованию, и уж тем более нельзя воспринимать как глашатаев гуманитарного обновления.

Но то — человек со стороны.

А мы — мы не глупцы и не негодяи, хотя не всякий среди нас Спиноза или Махатма Ганди. Просто мы родились и выросли в обществе тотального насилия. «Весь мир насилья» не удалось не то что разрушить — не вышло даже нарушить его главный конструктивный принцип. Мир разрушили, а насилие осталось.

История не дает уроков. Но она мстит за непонимание.

«Я все равно умру на той, на той единственной граж-

данской...» — лирическая ностальгия потихоньку начинает превращаться в пророчество.

Насилие — воздух, которым мы дышим, язык, на котором мы говорим. Даже когда идет дискуссия о высоких политических материях, причем с демократических позиций.

Вспомним разговоры о вторжении в Чехословакию, которые велись после августа 1968 г. Только считанные диссиденты выражали принципиальный и последовательный протест против подавления «пражской весны». Большинство же людей демократической ориентации осуждало военную интервенцию как таковую, больше всего заботясь о международном престиже страны и — как ни странно звучит это теперь — о престиже КПСС в мировом коммунистическом движении (вот, мол, французские коммунисты осуждают). Но почти ни у кого не было сомнений в том, что СССР имеет полное право если не на военное, то как минимум на политическое вмешательство в дела страны, которая большинством советских граждан воспринималась как вассальное государство. Упрекали Брежнева, что он не сумел решить вопрос мирно, не смог договориться, убедить чехословаков, «додавить» их, заставить пойти на уступки. Но эти же самые люди восторгались профессионализмом советских десантников, сумевших быстро овладеть пражским аэропортом.

Такая же двойственность проявляется и в общественной оценке афганской авантюры. Осознание ненужности и даже преступности этой войны сочетается с ее несоразмерной героизацией и романтизацией. Страна оплакивает пятнадцать тысяч солдат, погибших в Афганистане. Но при этом мы упрямо забываем о полутора миллионах погибших афганцев, афганцев без кавычек, людей дари, пушту и других, нам неизвестных национальностей и племен. Сравним со второй мировой войной — на душу каждого убитого немецкого солдата в захоронном исчислении приходится около шести убитых солдат и мирных жителей. А каждый из наших «цинковых мальчиков» убил — или способствовал тому, чтобы были убиты — сто человек, и не только вооруженных партизан, но и мальчиков, девочек, женщин и стариков.

Политическое мышление российской демократической интеллигенции... Написал и запнулся — другой интеллигенции у нас теперь вроде бы и нет. Ельцинисты и белодомовцы, атлантисты и евразийцы, радикалы и консерваторы — все считают себя демократами в последней инстанции. Даже те, для кого слово «демократ» — ругательный политический ярлык, и то считают, что они-то и сражаются за настоящую, незаемную, национальную демократию. И так, ментальность российских интеллигентов, называющих себя демократами, представляет собой опасную смесь общедемократических убеждений, великодержавности и преклонения перед насилием как средством решения практически всех проблем — от международных отношений до уличной преступности.

Отсюда еще одно свойство российского политического мышления — пафос социальной инженерии. Вера в то, что для всеобщего счастья нужно изобрести правильную теорию. И проводить ее в жизнь последовательно и непрклонно. Силой.

К сожалению, демократические убеждения являются переменной величиной, а склонность к насилию — постоянной.

Впрочем, это давняя история. «Когда Старцев пробовал заговорить даже с либеральным обывателем, например, о том, что человечество, слава Богу, идет вперед и что со временем оно будет обходиться без паспортов и смертной казни, то обыватель глядел на него искоса и недоверчиво и спрашивал: «Значит, тогда всякий может резать на улице кого угодно?» (А.П.Чехов. Ионыч).

Произошла приватизация насилия, его разгосударствление. При всей нашей нелюбви к тоталитарной советской системе тут радоваться нечему. Тем более что одновременно произошла приватизация морали. Каждый сам себе судья и судебный исполнитель. Впрочем, нет, не каждый. Многие так и останутся в роли осужденных. Некоторые — осуждены на смерть. На случайную смерть в уличной разборке, во взорванной квартире, в межнациональном конфликте.

Лет двадцать тому назад в одной закавказской республике похитили ребенка. У родителей требовали несусветный выкуп и грозили убить маленького заложника. Местный милицкий начальник решился на весьма неординарный шаг. Он выступил по телевидению и заявил — если ребенок в течение суток не будет возвращен родителям, то милиция умывает руки и передает дело розыска и наказания преступников пострадавшей семье, а также их друзьям и знакомым. Через час ребенок уже стоял на крыльце родного дома — ибо советский Уголовный кодекс меркнет перед законами кровной мести.

Нечто подобное происходит и сейчас — но без кавказского благородства. Правоохранительные органы, ссылаясь то на безденежье, то на отсутствие нужных законов, предоставляют гражданам печальное право решать свои проблемы самостоятельно.

«Беспредел» из блатного термина стал ключевым словом, описывающим нашу политическую, экономическую и частную жизнь. Беспредел — наилучшие условия для ловли рыбы в мутной воде, для сколачивания капиталов и для взлета карьер.

Все чаще и по самым разным поводам приходится слышать, что события развиваются непредсказуемо и ситуация стала неуправляемой. Значит — полный порядок. Вода достигла искомой степени мутности.

В нынешних условиях диссидентом стать невозможно. Диссиденты боролись с нормами, а сейчас норм нет. Даже преступником стать трудно. Преступник — это социальная роль, ясная и ему самому, и окружающим законопослушным гражданам.

Делай что хочешь, а если перейдешь некую тайную грань — исчезнешь. Но никто не знает, где эта грань. На чердаке дома напротив найдут снайперский карабин. И снимут про это красивый и многозначительный телесюжет.

Эстетизация насилия началась у нас еще в эпоху безраздельного господства ленинских норм. «И подпись под приговором вилась, как кровь из простреленной головы».

Красиво. Но сейчас научились еще красивее, на бетакромовских каскетах. Как бы резвясь и играя показывают простреленные трупы, обгоревшие авто, бурые пятна крови на мокром асфальте. Жизнь — копейка? Нет, жизнь — это удачный кадр про смерть. Но все равно с этим трудно примириться. И вместе с приватизацией и эстетизацией насилия возникает грубая и примитивная вера в потусторонний мир. Астрология, уфология, биоэнергетика, беседы с пришельцами.

Дохнуло архаикой. Скоро начнем заговаривать пули и освящать ножи.

А между тем есть люди, которые борются за отмену смертной казни. «Воля ваша, а убивать закона нет», — упрямо повторяют они, как просветившийся палач Махоркин из повести Льва Толстого «Фальшивый купон».

Смешная, маленькая группа. Зачем они вообще нужны?

А затем, чтобы мы знали — если кто-нибудь из нас когда-нибудь откажется от насилия и мести, не ответит выстрелом на выстрел, то не все будут считать его трусом или юродивым.

Найдутся люди, которые скажут — «ты прав».

Как я наконец напечатался в «Московских новостях»

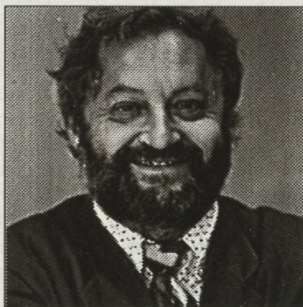
Владимир
КОЗЛОВСКИЙ

Мои отношения с «Московскими новостями» складывались неровно. В школе нам давали «Москоу ньюс» на уроках английского, хотя уже было широко известно, что язык, которым она была написана, сильно отличался от настоящего; впоследствии я подружился с машинисткой редакции, которая поведала, что среди своих газету называют «Моськой» (мне еще запомнилось, что «Советская женщина» звалась у них «Совбаба»).

Потом у меня появились другие англоязычные издания, и «Московские новости» снова попали мне в руки уже в перестройку, когда я сделался большим их поклонником и в свой первый визит в СССР в 1987 году заходил туда, чтобы взять интервью у тогдашнего замредактора Виталия Бузычкина.

Я познакомился со многими сотрудниками газеты, и одна из них, Наталья Изюмова, в сентябре 1990 года напечатала интервью со мною, в котором я ратовал за то, чтобы разбомбить Саддама Хусейна; сон мой оказался в руку, и Хусейна разбомбили, хотя и не до конца, в связи с чем он по-прежнему у власти, а Буш — нет. Комментировал мое интервью Александр Бовин, рекомендовавший менее радикальное решение, но вышло по-моему.

В 1990 году я познако-

Владимир Козловский

мился с юным сотрудником «Московских новостей» Дмитрием Радышевским; мы собирались вместе взять интервью у руководителя «Памяти» Дмитрия Васильева, но так и не дошли до него, поскольку Васильев мне отказал. На следующий год Митя останавливался у меня в Нью-Йорке, где он сделался спецкором «Московских новостей» и даже хотел было пристроить к этому делу меня, весной прошлого года отослав в редакцию мою статью насчет американской внешней политики.

Вскоре я приехал в Москву и забежал в «Московские новости» к знакомым, а заодно решил узнать, как поживает мой материал. Меня отвели к некоему Дмитрию Якушкину, который сказал: «Статья хорошая, вот мы ее даже перепечатали, но публиковать мы ее не будем, потому что вы печтаетесь в «Независимой газете».

Я изумился такой постановке вопроса и заметил, что печатался в «Независимой газете» всего недели три, да и то давно, и с тех пор ни малейшего отношения к ней не имею. Но Якушкин был неумолим, и

Дмитрий Радышевский

статью тут же напечатала другая московская газета. Потом я выяснил, что отец Якушкина был крупным советским шпионом против Америки, и несколько воспрял духом, потому что мне больше было бы получить отказ от господина из хорошей семьи.

Митя, между тем, напечатал в «Московских новостях» большое интервью со мною, поданное под лестным заголовком «Гилларовский русского Нью-Йорка», хотя я бы, конечно, предпочел что-нибудь вроде «Шварценеггер русского Нью-Йорка». В предисловии к интервью была парочка досадных пошлостей, и я высказывал Мите свое «фе», но чувствовалось, что помыслы его были чисты, и я махнул на пошлости рукой.

Я не оставлял надежды, что «Московские новости» опубликуют когда-нибудь и мою статью, а не только интервью со мною, и мечта моя сбылась в начале июня, когда в газете появился, наконец, мой материал под заголовком «Американская разведка помогла Ельцину».

Меня смутило, однако, что под статьей стояла подпись «Дмитрий Рады-

шевский».

Я протер глаза, но это чудесное видение продолжало стоять как вкопанное: передо мною была моя статья «Как американская разведка помогла Ельцину», напечатанная 3 июня в «Новом русском слове», только сокращенная и подписанная «Дмитрий Радышевский». Ошибки быть не могло: сравнительный анализ двух статей, заключавшийся в прочтении одной сразу после другой, обнаруживал почти стопроцентное совпадение текстов (разночтения ничтожны и выглядят примерно так: у меня сказано «по данным автора», а в «Московских новостях» за 5—12 июня — «по их информации»).

Попав из «Нового русского слова» в «Московские новости», статья метастазировала дальше: ее перепечатали без ссылки на источник, но с подписью «Дмитрий Радышевский» нью-йоркский «Курьер» (16 июня), а затем филаделфийский «Мир» — со ссылкой на «Московские новости» и с той же подписью (1—7 июля). Так она вернулась в Америку из Москвы.

В прошлом я замечал в Митиных политических репортажах из Нью-Йорка следы своих собственных статей, но они были, по крайней мере, переписаны своими словами. Здесь же он просто поместил мою статью со своей подписью, почти не потрудившись.

«Но я же ее сократил», — сказал он мне по телефону в свое оправдание. Действительно: моя статья за его подписью как минимум в два раза короче, чем моя статья за моей подписью. Я согласен, что она выиграла от сокращения; недаром «Мир» и «Курьер» передрали ее из «Московских новостей», а не из «Нового русского слова».

Так сбылась моя давняя мечта напечататься в «Московских новостях».

Нью-Йорк

«Выбрался обустроить Россию? — две сладкие палочки!»

Ярослав МОГУТИН

Шумиха вокруг возвращения Солженицына по своим масштабам напоминает разезды писательских агитпоездов 30-х годов. Наиболее близкая аналогия — идиллическое путешествие ненавистного Солженицыну Горького на Беломорканал. С той только разницей, что солженицынский Беломорканал 1994 года пролегает через всю Россию. Давно великий Писатель Земли Русской примерял на себя роль спасителя Отечества, давно грозился навести порядок и обустроить Россию, и вот наконец новость: едет! Ехал долго и трудно, ехал картинно...

Так уж повелось, что «творческая интеллигенция» у нас традиционно выполняла роль цепной шавки. Только спусти поводок, скажи «фас!» — покусает любого. Александру Исаевичу такая роль не по душе, он хочет кусать без спросу, по своему усмотрению, и всех сразу.

Ему не откажешь в чутье. С окончанием «холодной войны» он перестал быть для Запада важной фигурой (по этому поводу А.И. при каждом удобном случае ругает рейгановскую администрацию), стал уже надоедать своим бесконечным занудством и морализмом. Прошло время, когда Солж оттуда (так же, как и Сахаров — отсюда) засыпал американский конгресс требованиями ужесточить политические и экономические санкции против ненавистного Советского Союза. «Средних», «рядовых» американцев он в лучшем случае просто не интересуется, в худшем — раздражает.

Нужно поправлять репутацию, восстанавливать авторитет, набирать новые очки. Самое время вспомнить о патриотизме, причалить к родному берегу. Под прицелом, правда, западных теле- и фотокамер. Шоу тщательно готовилось в течение нескольких лет. Американцы облегченно вздохнули: уезжает, уезжает! «Хорошо ли вам было в Америке все эти годы?» — спрашивали вежливые репортеры. «Неплохо, — сдержанно от-

ветствовал угрюмый Солж. — Только вот администрация Рейгана запретила трансляцию моих произведений по «Голосу Америки». «Вермонтский затворник» попортил много крови не только советскому руководству.

Привыкший постоянно находиться в поле общественного внимания, А.И. не в состоянии скрыть удовольствия быть Пророком, Учителем, «инженером человеческих душ» — поп-стар, «звездой голубого экрана». «Он всегда был в центре внимания, — говорит Наталья Дмитриевна Солженицына, супруга Спасителя Отечества. — К нему никогда не относились равнодушно!»

Иначе и быть не может — стоило ли тогда затеваться!..

«Вести от Солженицына» занимают важное место во всех новостях. Шоу, устроенное на деньги Би-би-си, обладателя эксклюзивных прав на «возвращение Солженицына на Родину», превратилось в изматывающий марафон. Но чего только не сделаешь во имя спасения и обустройства! Отечественные репортеры, встречавшие Солженицына во Владивостоке, рассказывают, как купленная англичанами милиция грубо отгоняла их от западных конкурентов. Поверить, что А.И. не знал и не замечал этого, равнозначно тому, что поверить, будто Горький понятия не имел, что происходит на Беломорканале! Неужто контракт так жесток?..

Я часто задумываюсь, что такое диссидентская семья: с деспотичной, властной, расчетливой (можно сказать, практичной) женой и высокодуховным и моральным, «не от мира сего», мужем. Боннэр и Сахаров, Вишневская и Ростропович, Розанова и Синявский, Солженицына и Солженицын. В этих парах, как бы они ни отличались друг от друга, много общего.

В очередной раз эта мысль появилась во время недавней телевизионной беседы Сергея Есины и Татьяны Земсковой с Натальей Солженицыной. Странно, но ведь ждали увидеть самого Солженицына (если еще ждали), а увидели ее. И что еще более

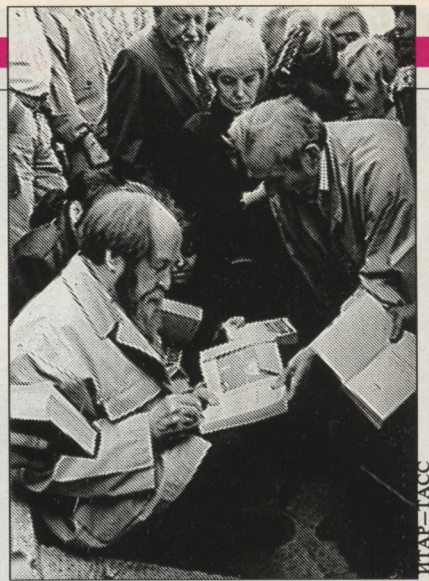
странно, от беседы этой осталось хорошее впечатление.

По сравнению с А.И., выглядящим более чем нелепо, одетым глупо и убого, так, как и 30 лет назад уже мало кто одевался (что призвано, видимо, подчеркнуть его аскетичность и отрешенность от сиюминутных проблем), Наталья Дмитриевна смотрится вполне эмансипе.

Общая оправдательная тональность ее выступления была вызвана прежде всего тем, что Солженицын во время своих гастролей по городам и весям успел наговорить много такого, что требовало и уточнений и разъяснений. Особенно нуждалась в них реплика о «безмозглых гайдаровских реформах», от которой передернулись, кажется, даже ко всему привыкшие солженицынские сыновья и после которой скорбные и героические лицо и фигура Александра Исаевича странным образом исчезли из новостей «Останкино». Наталья Дмитриевна довольно изящно и четко все расставила по своим местам. Выяснилось, естественно, что во всем виноваты журналисты: от их непрофессионализма, некомпетентности, тенденциозности, косности, неграмотности и невнимательности все наши беды. «Александра Исаевича неправильно поняли!»

Не я первый заметил, что, вернись Солженицын в Россию пораньше, г-ну Жириновскому и многим другим деятелям делать здесь было бы нечего. Уверения Солженицына, что он был, есть и будет вне политики, звучат цинично, поскольку вся его деятельность последнего времени ни к литературе, ни к культуре вообще никакого отношения не имеет. Это идеология чистой воды, идеология популистская, примитивная и тем опасная. Написанная дилетантом от политики кликушеская статья «Как нам обустроить Россию», воспринятая многими истыми демократами как руководство к действию, по сути своей стала подготовительным конспектом, черновиком исторического труда Владимира Вольфовича «Последний бросок на Юг». Конкуренция среди «спасителей Отечества» с возвращением Солженицына обострилась до предела. Наконец в глазах плебса для Жириновского обозначился достойный соперник.

Появление Натальи Дмитриевны на экране в лучшее эфирное время было призвано избавить демократическую общественность от всех этих опасений. Ей нужно отдать должное — она сделала это замечательным образом: гайдаровские реформы вовсе не так уж тупы, Солж за демократию, но с мозгами и человеческим лицом, Солж за част-

ВЯЧЕСЛАВ СЫСОВ

ТАРА-ТАС

ную собственность, поэтому и квартиру они купили за свои кровные, и дом сами строят, не дожидаясь милости от партии и правительства, Солж вне политики, Солж — друг народа и т.д. Все было очень даже мило. Ведущие наперебой задавали вроде бы даже колкие и нелюбезные вопросы, перебивая время от времени Наталью Дмитриевну, но та продемонстрировала чудеса такта и эталон интеллигентности, чем разительно отличалась от супруга, обычно дубль за дублем выкрикивающего в толпу одни и те же до скрежета зубного знакомого лозунги про землю, про собственность, про коррупцию, про воров, про власть, про Россию...

С.Есин пригласил А.И. выступить перед студентами Литинститута (им. Горького). Наталья Дмитриевна отнеслась к приглашению без всякого энтузиазма: «Солженицын не делит народ на своих читателей и тех, кто его не знает, тех, кто его любит, и тех, кто не любит! Он будет встречаться со всеми!» Из чего зрители могут сделать вывод, во-первых, о том, что Солж — супердемократ, а во-вторых, что все должны встречаться с официально провозглашенным «пророком в своем Отечестве» помимо собственной воли и в обязательном порядке.

Ленинский принцип: был бы броневик, а слушатели всегда найдутся.

Не ради Славы

Дмитрий БЫКОВ

Мне предложили прокомментировать вышеприведенный текст Ярослава Могутина (жанр его вызывает у меня сомнения — это не статья, не прозаический эссе и не драматический отрывок). Проще всего было бы сказать: господа, я не вижу оснований для публикации этой — ну, скажем, реплики: новой информации в ней ноль, о тоне говорить не приходится, цель написания неясна, с оригинальными концепциями туго, о чем автор и проговаривается: «не я первый заметил», «в очередной раз эти мысли появились»... Размышления о природе диссидентской семьи применительно, например, к Розановой и Синявскому я читаю в ...надцатый раз, довольно близко знаком с этой семьей и знаю, что все это чушь собачья: если Марья Васильевна говорит больше и ярче, то Синявский иногда одной хулиганской репликой сильнее заводит зал. А что М.В. редактирует журнал, позволяя Синявскому

спокойно писать, так ведь это не вопрос эмансипации, а дело темперамента. С Вишневской и Ростроповичем тоже не все понятно, ибо Вишневская как раз не так словоохотлива, как ее великий муж, и семья их, в общем, не диссидентская, и практичность, по-моему, там распределена поровну: Ростропович никогда не выглядит «не от мира сего». Ну да ладно, что я к словам придираюсь.

Важно иное: почему я все-таки за публикацию этого текста. Он показателен, вот в чем его прелесть. Эту показательность я и намерен прокомментировать, ибо подобными текстами Я.Могутин не только зарабатывает на жизнь, но и создает себе репутацию.

Есть некоторый феномен Могутина, от чего глупо прятаться: двадцать лет, образования никакого, а знают многие. Тут вам и ряд скандальных акций, и судебные процессы по поводу «Еще» и «Нового взгляда», и на редкость откровенное хамство практически в каждой второй публикации — при том, что пи-

ИТАР-ТАСС

сать Могутин умеет, и о Лимонове или Моррисоне писал вполне прилично, на уровне добротной провинциальной прессы. Славу Ярославу создал именно его тон — не буду сейчас припоминать ни статью «Грязные концы», послужившую предлогом для обвинения автора в злом хулиганстве, ни те эпитеты, которыми Могутин наградил одну актрису, ни его довольно-таки грязную публикацию в «Завтра» по поводу книги Е.Козловского и отношений его автора с покойным Э.Иодковским.

Как видите, я слежу за творчеством этого автора — да и как не следить, ежели свою биографию и свои убеждения он не только не скрывает, но на каждом шагу делает всенародным достоянием?! Все мы, видимо, подспудно ждали не только приезда Солженицына, но и реакции Могутина. Нас влечет запах скандала. И нам интересно, как слог нашей желтой прессы подействует на угрюмого в своем величии пророка.

Однако со слонем и моська вошла в историю, в янтаре и муха пережила века.

Параллелей к долгому проезду Солженицына через Россию уже изрядно поднабралось: В.Третьяков сравнивает его с уходом Толстого из Ясной Поляны, Могутин — с путешествием Горького через ББК. Параллель совершенно бездоказательная, поскольку Горький ехал прославлять рабский труд и плохо понимал, что делает, а если и понимал — ломал себя (стыдно повторять прописи, но ради просвещения коллеги чего не сделаешь). Тут же Могутин противоречит себе, утверждая, что Солженицын едет в роли Спасителя Отечества (даром что едет он, как сам неоднократно заявлял, в роли человека, давно не видевшего свою страну и намеренного по-

нять ее состояние). Горький что, спасать Отечество ехал? Учить и проповедовать? Он перед узниками Беломорканала власти ругал? Он Сталина «безмозглым» называл перед репортерами? Или Солженицын едет с целью прославить ход реформ? Но что я опять-таки доказываю: тут ведь главное — пнуть, а доказательства — дело третье.

Идем дальше: Солженицын «перестал быть важной для Запада фигурой» и «рядовых американцев... раздражает». Не знаю, какие рядовые американцы уполномочили Могутина делать подобные заявления, но раз отъезд Солженицына получил освещение в тамошней прессе, на первые полосы и экраны которой куда трудней пробиться, — значит, интерес к его фигуре немалый. И уж конечно в подобном тоне там о Солженицыне сроду никто не говорил: это на своем дворе всякая собака лает, как говаривал Шер-Хан, а в Штатах с Солженицыным спорили весьма пietetно. Рейган, упомянутый Мо-

гутиным, даже на встречу приглашал.

«Нужно поправлять репутацию» — выходит, Солженицын едет в Россию славы ради? Отнюдь, он пообещал вернуться еще двадцать лет назад и едет потому, что действительно хочет жить на Родине. Почему не поехал раньше — ведь закат его славы, по мнению Могутина, пришелся уже на конец «холодной войны» и шум по поводу возвращения был бы куда больше четыре года назад? Потому и не поехал, что ситуация к настоящему времени определилась, и Солженицын едет в страну, где его встречали бы не как абстрактного борца и мученика, но как сторонника вполне определенных идей. Теперь он мигом лишит «духовную оппозицию» вождельного единства, поспорив коммунистов с монархистами и вообще отделив агнцев от козлиц. Цель благая. Да и надо ж было «Колесо» закончить, чтобы получить возможность общаться с народом! Солженицын, по мысли Могутина, «вспомнил о патриотизме». Пусть Могутин назовет мне годы, в которые Солженицын о нем забывал, и я ему в ноги поклонюсь за такую журналистскую сенсацию.

Далее наш автор называет Александра Исаевича исключительно Солжем. Слава, детка, вы родились в год его изгнания. Он вас старше и, по-моему, умней, да к тому же не может вас в ответ назвать Могутей. Ну какой он вам Солж, честное слово? Это вы на кухне так его можете называть, а в прессе извольте напрягаться, целиком артикулируя эту длинную фамилию. «А.И. не в состоянии скрыть удовольствия быть Пророком... поп-стар, «звездой голубого экрана»... Насчет поп Могутина видней, а насчет звезды экрана позвольте не согласиться — воз-

вращение Солженицына по телевизору транслируется скупо, ни одного большого телеинтервью он здесь пока не дал, на встречу с Есиным вместо себя прислал жену — где ж тут поп-звезда экрана? Что, в его идеологии Могутину слышится попса? Я сам не в восторге от монархизма и бескомпромиссности, мне часто не нравится и то, что говорит Солженицын, и то, как он это говорит. И оттеснение русских журналистов англичанами — позор. Ну так давайте, полемизируйте, но насчет попстар помалкивайте — неправда это. Могутин проецирует на поведение Солженицына мотивы собственных действий и никак не может понять, что автор «Красного колеса» «затевался» не ради славы. И не ради другого Славы, который на чужом имени делает себе репутацию бесстрашного Хама. В конце шестидесятых у одного Славы, ни другой славы у Солженицына в помине не было, а было подпольное голодное существование. Запада Солженицын никогда не обожествлял и сроду туда не рвался, так что и не тамошняя известность его манила. Он был избран интеллигенцией на роль Борца и Учителя, а не сам за нее уцепился. А уж попав в Историю, надо себя вести соответственно — он и ведет.

«А.И. выглядит более чем нелепо, одет глупо и убого, так, как и 30 лет назад уже мало кто одевался... Вот тут Могутин в своей стихии: «суди, дружок, не выше сапога». Автор прилагаемого текста, видимо, хорошо разбирается в мужской моде. Спешу его поправить: так, как Солженицын, и 50 и 70 лет назад немногие одевались. Стиль рюс, рубашка навыпуск... Если бы Могутин одевал Солженицына для поездки в Россию, тот, верно, приехал бы без бороды, с панковским ирокезом, с серьгой в ухе и в костюме а-ля С.Пенкин. Не сложилось.

Далее «статья» Могутина совершенно уходит в песок, поскольку к Наталье Дмитриевне уже во всех отношениях не придерешься. Вот тут бы и задуматься о том, в каких именно местах, в каких конкретных тезисах появляются коррективы жены Солженицына, как она смягчает речь мужа и почему так происходит. Здесь и в самом деле чисто нравственная «запятая»: всегда выходят виноваты журналисты. Но Могутин опять-таки не интересуется идеологией. Ему нравится, что Наталья Дмитриевна «по сравнению с мужем... выглядела эмансипе». Как можно сравнивать мужа и жену по этому параметру — не знаю, но насчет мужчин эмансипе Могутину опять же видней.

Вспоминаются известные стихи:

«...герой избит, и жанр избит, а все, похоже, мало, и я отмечу свой приход, поставив свой синяк».

Ну вот, поставил. Чем бы дитя ни тешилось. К Солженицыну все это не имеет никакого отношения. Одно мне непонятно: когда это повелось, что интеллигенция у нас была цепной

шавкой (см. текст Могутина)? Это он о членах творческих союзов, что ли? Не была наша интеллигенция цепной шавкой. И моськой, слава Богу, не была. Впрочем, между шавкой и моськой я разницы не вижу: обе они, по-моему, суки.

Убитый в марте в ходе предвыборного митинга Луис Дональдо Колосио уже не сможет побороться за президентское кресло

То, что эта ставшая почти родной для многих россиян семья Виктории Руффо будет голосовать за правящую ИРП, сомнений не вызывает

Барометр показывает «бурю»

Мексика накануне краха «идеальной диктатуры»

Алексей КРАВЧЕНКО

Во всем мире август ассоциируется со сбором урожая, очередной победой человеческого труда над стихийными и прочими препятствиями. Наверное, поэтому в испаноговорящей стране для описания периода чих-либо сверхдоходов или успехов популярно выражение «HACER EL AGOSTO» — «делать август». Однако Мексике, готовящейся к намеченным на конец августа всеобщим выборам, последний летний месяц 1994 года обещает прежде всего взрывы социально-политических страстей, экономическую нестабильность и обострение тлеющих по всей стране конфликтов, в том числе и вооруженных.

Провозгласившая своей высшей целью защиту идеалов Мексиканской революции, бессменно правящая с двадцатых годов Институционно-революционная партия и по сегодняш-

ний день формируется по корпоративному принципу: крупнейшие профобъединения города и села являются ее коллективными членами. В свое время при поддержке националистически настроенных кругов ИРП в Мексике были осуществлены крупные социально-экономические преобразования — национализация нефтяной промышленности, глубокая аграрная реформа, принятие передового трудового законодательства, которые на многие годы превратили страну в «островок» гражданского мира и стабильности посреди бушевавшего в Латинской Америке «моря» военных диктатур.

Однако после завершения «холодной войны» и краха военных режимов в Южной и Центральной Америке ореол «самой свободной и демократической» страны региона начал быстро тускнеть.

Демократические правительства других латиноамериканских государств стали заметно контрастиро-

вать с застывшим в вечном триумфе режимом ИРП, который писатель Марио Варгас Льюса когда-то называл «идеальной диктатурой».

В конце 80-х годов политический централизм здесь сочетался с концепцией радикальной рыночной реформы, и на первых порах это давало многообещающие всходы. Целых пять лет мандата администрации президента Карлоса Салинаса де Гортари прошли под знаком бурной деятельности молодой команды технократов-единомышленников, воодушевленных идеей вывести Мексику из «третьего» мира в «первый» болезненным, но эффективным неолиберальным путем. Цель казалась уже близка — практически прекратил свое существование громоздкий и убыточный госсектор, государство стало сводить концы с концами без привычного астрономического дефицита, а полувековой протекционистский барьер, «защищавший» национальный рынок от международного разделения труда, был законодательно разрушен. Благодаря планомерным и жестким усилиям правительства население — немыслимое дело в Латинской Америке — начало исправно платить налоги, а по совокупному объему иностранных инвестиций, переваливших за 60 млрд долларов, Мексика уверенно вошла в первую пятерку на планете. Подписанные и утверждение Договора о свободной торговле в Северной Аме-

рике добавило Мексике веса в мировой экономической системе, что выразилось в беспрецедентном приеме представителя «третьего» мира в члены закрытого «клуба» промышленно развитых стран — Организацию экономического сотрудничества и развития.

Однако, несмотря на все эти достижения, прорыв к прогрессу, по большому счету, не удался. Блага от либерализации экономического регулирования и открытия национального рынка узурпировала узкая группка крупных финансистов, тесно связанных с политической элитой и зарубежным капиталом. Опубликованное американским журналом «Форбс» исследование подтвердило и без того известную рядовому мексиканцу вещь — действительно возросший национальный доход стянула на себя горстка приближенных к реформистам дельцов, тогда как «низам» не досталось почти ничего.

Вполне возможно, что при каком-либо другом государственном устройстве подобное «перераспределение» удалось бы смягчить при помощи многочисленных обычных для демократических обществ противовесов и балансиров, но Мексика, стянутая пирамидальной структурой ИРП с обладающим шестилетним мандатом «фараоном» наверху, оказалась приговорена к худшему.

После пяти «зачарованных» лет, казалось, доказавших правоту технократов от ИРП, 1 января 1994 года наступило тяжелое пробуждение — в южном штате Чьяпасе грянуло восстание индейцев и Сапатистской армии национального освобождения (САНО). Стране и системе пришлось оплачивать «долги» за привычное пренебрежение демократией, отсутствие глубинных политических реформ. Как отметил крупнейший писатель современной Мексики Карлос Фуэнтес, выступления «сапатистов» придали мощнейший импульс демократическому процессу. «Мексиканцы узнали, что в Чьяпасе существуют мужчины и женщины, сами управляющие своей жизнью, у которых имеется лишь одно препятствие — ИРП, всеподавляющий централистский механизм, ни разу в своей истории не допустивший демократии там, где должны быть ее корни, — в народе».

Более чем шестидесятилетний период политической стабильности подходит к концу. Так или иначе сегодня это признают все, но в зависимости от своей партийной принадлежности или политических воззрений местный собеседник назовет вам переживаемый Мексикой бурный этап прощания с авторитарным

Многие мексиканские фирмы позволяют себе вот такие офисы — у шестой олигархии загребущие руки

прошлым модернизацией, агонией, а то и разложением режима ИРП. Любопытно, что российскому гражданину многие из перипетий сегодняшних политических процессов латиноамериканской республики покажутся до боли знакомыми. Правящая партия, в преддверии выборов сквозь зубы признающая некоторые прегрешения недавнего прошлого, убеждает избирателей, что «надо смотреть вперед», «мыслить позитивно» и что только ее опыт беспрепятственного 65-летнего государственного управления способен обеспечить стабильность и благополучие. Однако, несмотря на свои бесспорные мощь и опыт, отлаженный и развет-

вленный партийно-государственный аппарат, осуществивший (в отличие от КПСС) эталонную, по оценкам МВФ, экономическую реформу, неизменно допускает сбой, как только речь заходит о его самореформировании. Важный симптом этого — информационная политика. В сегодняшней Мексике с ее мощной системой средств массовой информации, многие из которых придерживаются критического подхода по отношению к властям, вы едва ли сможете найти достоверные цифры, отражающие реальную экономическую, социальную и демографическую систему в стране. Никто не может назвать фактическое число безработных, уровень детской

АНДРЕЙ ГОЛУБОВ

Протесты против различных аспектов политики правящей партии становятся все более частым явлением

и взрослой смертности, преступности, экологического загрязнения, не говоря уже о данных по коррупции и прочих наиболее деликатных внутренних проблемах. Более того, никто в стране сегодня не в состоянии узнать даже приблизительные результаты предыдущих президентских выборов 1988 года, омраченных «сбоем электронной системы» подсчета голосов, который нынешние избирательные власти нехотя признали как преднамеренную акцию правительства. Этот висящий над обществом информационный «туман» не рассеивают, а нередко даже усугубляют многочисленные сводки Национального института статистики, географии и информации. Как тут не вспомнить Госкомстат СССР с его тщеславными «ариями» на мотив: «В Багдаде все спокойно», когда страна уже балансировала на краю пропасти.

Впрочем, на самые изощренные и тонкие методы официального дозирования информации мексиканцы отвечают наиболее естественным для зрелого общества образом — массовым недоверием словам и обещаниям правящих кругов, как и большей части повязанной с ними негласными пактами оппозиции. Очевидный кризис доверия к официальным институтам — один из ключевых факторов нынешнего избирательного процесса, обреченного стать историческим.

Процесс смены власти на стыке президентских «шестилеток» в Мексике всегда был кризисным, но нынешний превзошел все прежние рекорды. После начала восстания «сапатистов», давшего старт многим реальным, но явно запоздалым поли-

тическим реформам, страну подстерегают все новые тревожные потрясения, главным из которых стало убийство 23 марта кандидата на пост президента от ИРП Луиса Дональдо Колосо. Эрнесто Седильо, новый кандидат ИРП, пользующийся прочной поддержкой со стороны «динозавров» партии — ее наиболее консервативных кругов, резко сменил язык избирательной кампании, отказавшись от критики в адрес прошлого режима и обещаний демократизировать страну при помощи партии или вопреки ей. Последовавшие вскоре странные маневры следствия во главе с видным деятелем ИРП, после 8 недель расследования беспечелляционно возложившим всю ответственность на маньяка-одиночку, отнюдь не добавили доверия к властям и сделали явным раскол в правящем лагере.

Тем не менее три месяца спустя по точно такому же сценарию было проведено следствие по странной автокатастрофе, в ходе которой едва не погиб кандидат левой Партии демократической революции на пост губернатора Чьяпаса Амадо Авенданьо. За пять лет существования ПДР, отсчитывающей свой политический век с предыдущих выборов, итоги которых, по мнению партии, были сфальсифицированы властями, в Мексике погибли, в большинстве насильственной смертью, почти три сотни рядовых активистов организации. С учетом этой статистики даже самому непредвзятому обозревателю непросто найти объяснение, почему «случайные» уголовные инциденты, грузовики и легковые автомобили начали густо «косить» теперь уже лидеров

левой партии именно за считанные недели до выборов.

Тем временем череда все новых скандалов продолжает омрачать последние месяцы правления еще недавно всемогущего президента Салинаса де Гортари. В обнародованном местной прессой письме бывшего помощника генерального прокурора Эдуардо Валье главе государства утверждается, что «щупальца» наркомафии проникли в высшие эшелоны власти в республике и, в том числе, в ближайшее окружение самого президента. Правительство обошло публикацию молчанием, которое может дорого обойтись властям за считанные дни до выборов. Впрочем, вне зависимости от реакции адресата во всех подобных случаях все более очевидно проявляется факт, метко подмеченный газетой «Хорнада»: «В Мексике нет государственной инстанции, способной реально расследовать деяния властей и делать из этого положенные по закону выводы».

Как будут развиваться события в день выборов и после них, сегодня не может предсказать никто. Ясно только, что при любом варианте избежать всплеск насилия и столкновений на политической почве не удастся. По данным опросов, кандидат правящей партии сохраняет значительные шансы на победу, однако даже в случае соответствия прогнозов действительности очень много людей в этой стране наверняка не поверят официально объявленным итогам и сочтут их сфальсифицированными. Та же патовая ситуация, впрочем, грозит и в случае фактического проигрыша кандидата ИРП, поскольку «обжитую» за многие десятилетия власть еще никто и никогда не отдавал добровольно. Что может произойти дальше, предположить, к сожалению, нетрудно. Наводненная оружием Мексика с официально существующим повстанческим движением «сапатистов» на юге и пока еще не признанными его последователями в ряде других районов может заполыхать конфликтами по всей «дуге нестабильности», состоящей из полутора десятков наиболее бедных и социально неблагополучных штатов, включая окружающий столицу штат Мехико.

Мехико

Грезы французских министров

Пока чета Клинтонів занята неотложными государственными делами, не позволяющими ей серьезно думать об отдыхе, французские министры уже вдыхают воздух морских просторов, горных вершин или зеленых массивов. По традиции сразу после завершающего заседания совета министров в первой половине августа, которое, также по традиции, проходит по средам, члены правительства разъезжаются на ежегодный отдых. В отличие от большинства рядовых французов — внимание, русские министры! — они имеют более короткий отпуск — максимум три недели, да и то некоторым придется прервать его на несколько дней из-за неотложных служебных дел.

Судя по недавно опубликованным французской печатью сведениям, нынешний отпуск — последний перед главной политической битвой, президентскими выборами в апреле будущего года, — почти все министры проводят в кругу семьи, не покидая пределов Франции. Глава кабинета Эдуард Балладюр, по давню заведенному обычаю, едет в собственное

С МИРУ ПО НИТКЕ

имени в Шамони, в предгорье Альп, где пробудет до конца августа. Впрочем, в середине месяца он на короткий срок сменит горные тропинки на пляжи Лазурного берега, где вместе с президентом Франсуа Миттераном и министром обороны Франсуа Леотаром примет участие в праздновании 50-летия высадки союзников на юге Франции. Леотару при этом далеко ездить не придется: он будет отдыхать у себя дома, в приморском городе Фрежюсе, мэром которого является.

Море и солнце уютного и ухоженного французского юга притягивают к себе большинство членов правительства: от министра социальных дел Симоны Вей до министра труда Мишеля Хиро или министра сельского хозяйства Жана Пюэша. Министр культуры Жак Тубон,

правда, предпочел остров Ре на Атлантическом побережье, а министр жилищного строительства Эрве де Шарретт — городок на Луаре, мэром которого он избран. Согласно нравам возглавляемого им ведомства министр внутренних дел Шарль Паскуа место своего будущего отдыха держит в секрете. Явно не повезло министру бюджета, официально представителю правительства Никола Саркози: уже в конце августа он должен представить проект бюджета на будущий год, и поэтому вместо живописных морских волн ему предстоит дитительное погружение в статистические выкладки и финансовые реляции.

Любопытно, найдется ли хоть одна газета в России, которая опубликует подобные данные об отдыхе творителей отечественной политики?

Везет же...

В Австралии тоже отдыхают. В игорном зале одного из сиднейских клубов воцарилась полная тишина, когда был объявлен лотерейный выигрыш в 7,5 миллиона долларов. Завсегдаги убеждали журналистов в том, что это самый большой одноразовый выигрыш не только в Австралии, но и во всем мире. Кому же повезло стать миллионером за один день? Его имя первые несколько часов администрации клуба, по просьбе самого счастливого, удавалось держать в тайне, однако от любопытных ничего не скроешь.

Спустя некоторое время стали известны и другие подробности о «короле лотереи», как его немедленно окрестили досужие журналисты. Зелжко Раногадичу немногим более 30 лет, но он уже хорошо известен в игорном бизнесе. Прозвище Джокер он заслужил еще в начале 80-х годов, когда буквально разорил казино в австралийском штате Тасмания. Администрация игорного дома прибежала к самым разным ухищрениям, меняла колоды карт и правила игры, но ничего не помогало. После того как Джокер сорвал банк в 40 тысяч долларов, двери этого казино для него навсегда закрылись. Он перебрался в штат Квинсленд, и там история закончилась тем же. Крупные утверждают, что он — математический гений и моментально просчитывает все возможные комбинации и запоминает все карты.

Лотерея «Кено», в которую играл Джокер, заключается в следующем: на карточке нужно выбрать 10 из 80 номеров. Размер выигрыша зависит от того, сколько номеров будут угаданы. Лотерея идет непрерывно 14 часов в сутки, и результаты очередной игры объявляются каждые 3,5 минуты. Джокер угадал 10 из 10 отмеченных им на нескольких карточках номеров.

Система, которой он пользовался, никому не известна, однако она принесла ожидаемый игроком результат.

В сиднейских клубах все еще продолжают обсуждать небывалый случай, а Джокер там уже не появляется. Говорят, он уехал испытывать свое счастье, а точнее, разработанную им математическую систему выигрыша, в игорных домах Гонконга. Каникулы продолжаются.

Отпуск президента — дело не простое

С дочкой за покупками

Лето. Сезон отпусков. В этот период отдыхают миллионы простых смертных, набираясь сил и здоровья для следующего трудового года. Но сильные мира сего тоже не прочь отдохнуть.

Президент Билл Клинтон с супругой Хилари и дочерью Челси, вероятно, проведет летний отпуск на острове Мартас-Виньярд у побережья штата Массачусетс. Как сообщил журналистам заместитель пресс-секретаря «первой леди» Нил Лэттимор, «Клинтон намерены отправиться этим летом на Мартас-Виньярд», если только не произойдет каких-либо неожиданных задержек с обсуждением в конгрессе законопроекта о реформе системы здравоохранения.

Резиденцией им будет служить поместье бостонского земельного магната Ричарда Фридмана площадью около 20 гектаров. На его территории есть конюшни с лошадьми для верховой езды, теннисный корт. Рядом — водоем, прозванный Устричным прудом, вокруг — лиственный лес. Поместье расположено неподалеку от летнего коттеджа бывшего министра обороны США Роберта Макнамары, где Клинтон отдыхали в прошлом году.

Предположительно, президент будет находиться на отдыхе с 21 августа по 5 сентября, хотя в эти планы могут быть внесены изменения. Семья Клинтонів не имеет своего собственного дома, а летней резиденцией президента США в Кэмп-Дэвиде Билл Клинтон, имеющий предрасположенность к аллергии, пользоваться не любит.

Курс валют в 1995 году? Запросто

Пожалуй, не будет большим преувеличением сказать, что самой животрепещущей экономической информацией, которую ежедневно с нетерпением ожидают массы россиян — как занимающиеся бизнесом, — являются результаты валютных торгов на ММВБ. И не важно, есть ли у вас на руках доллары, марки и прочая «капуста» — даже не особо разбирающиеся в экономике граждане уже поняли, что изменения курса рубля по отношению к доллару сегодня наиболее явно отражают экономическую ситуацию в стране. А значит — точный прогноз этого курса, если таковой возможен, поможет принять наиболее рациональное решение в любом бизнесе. Но прогнозы наших экономистов и аналитиков относительно курса доллара, к сожалению, частенько напоминают гадание на кофейной гуще.

Программный продукт «КУРД», разработанный акционерным обществом «МирТ», наверное, все же не панацея. Но, посмотрев на него собственными глазами и сверив прогнозы с мая по июль с реальным курсом, я убедилась — прогноз работает: на 25 июля, например, отклонение составило всего лишь 3 рубля. Конечно, невозможно учесть все намерения Центрального банка и наиболее крупных покупателей и продавцов валюты, равно как и предсказать завтрашнее настроение наших законодворцев и прочие государственные сальто-мортале, но в руках человека, который не с Луны свалился, а хоть чуть-чуть ориентируется в политико-экономической ситуации, представляет себе, что происходит на рынке, а главное — умеет думать

головой, этот программный продукт — ключ к бизнесу.

Программа учитывает положение дел в валютной системе, уровень общей экономической стабильности и массу других влияющих на курс факторов, выдавая при этом, помимо наиболее вероятного, минимальный и максимальный курс доллара, а также тот, которого можно ожидать при экстремальном развитии событий. При правильной настройке программы отклонение за полгода составляет не более 1 процента, а за 45—60 дней — всего лишь 0,4 процента. Кстати, если при стандартном расчете реальный курс доллара начинает «уходить» от прогноза на 80—100 рублей, значит, начались обвальные процессы в экономике, а если отклонение составит 200 рублей, то, выключив компьютер, вы можете снять шляпу и спеть «За упокой» российской экономике. К счастью, такого разработчики программы еще не наблюдали.

На бирже с помощью этой программы, конечно, не поиграешь — глупо играть в азартные игры с Центральным банком. Зато можно просчитать, как выгоднее распорядиться своими деньгами — перевести их в валюту, положить на рублевый депозитный вклад или купить пачку векселей. Банки, которые сегодня живут преимущественно на «коротких деньгах», тоже, наверное, не отказались бы от серьезного прогноза. Да и при разработке инвестиционных программ, при подписании валютных контрактов он был бы не лишним.

Одно только плохо — то ли народ у нас слишком консервативен, с детства привык считать на дедовских канцелярских

ДМИТРИЙ ДОНСКОЙ («НГ-ФОТО»)

счетах, то ли у каждого в личном пользовании собственная Кассандра имеется, но, бывает, предлагая свою программу, сотрудники АО «МирТ» встречают тупой, непонимающий взгляд собеседника в модном пиджаке: «Оно мне надо?» Надо, Федя, надо! Сегодня научись работать нормальными,

цивилизованными методами, научись реже ошибаться в расчетах и предусматривать вероятность невозвращения кредитов, — глядишь, завтра мы станем жить чуточку спокойнее. Пусть не лучше и веселее. Хотя бы — поспокойнее. Чуточку.

Светлана КАРТАШОВА

Новых программ изобретать не надо

— Александр Яковлевич, вы принимали участие в подготовке экономических указов президента, и в том числе, конечно, и последних пакетов, касающихся активизации реформы. В какой степени учтены ваши рекомендации?

— Очень многие мои предложения (кстати, они не только мои, но и многих других экспертов), могу твердо сказать, вошли в окончательный текст указов.

— Считаете ли вы, что серьезную экономическую реформу можно проводить указами?

— Нет, конечно. Но ведь логика этих указов сравнительно проста. В них нет лозунгов типа «все силы бросить на...» Есть совокупность нерешенных проблем, по которым, в принципе, известно, что делать и как, но — не хватало либо политической воли, либо соответствующего нормативного документа. Этот вакуум и заполняют указы президента. Например, все фракции в Думе — от коммунистов до «Выбора России» — сходятся на том, что надо поскорее навести порядок в госсекторе, так? А законодательной базы пока такой не создано. Вот президент и пытается создать базу для возможности наведения этого порядка. То же — по финансовой дисциплине, по защите прав человека на рынке ценных бумаг (события последних недель вокруг АО «МММ» показали всем нам, как это важно для людей, никогда не имевших ранее дела с ценными бумагами)...

— Но реформа, согласитесь, вряд ли возможна без резкого увеличения инвестиций в нашу экономику, в том числе и иностранных. Однако иностранцы, судя по всему, не слишком торопятся вложить свои доллары в российские дела. Боятся нестабильности. Насколько, по-вашему, обоснованы их опасения?

— Их можно понять. Иностранцы, которые работают на нашем рынке, любят ходить по проторенной тропе. Когда мы их уговариваем смелее инвестировать в российскую экономику, они отвечают очень правильно: «Пусть сначала ваши пройдут, а уж потом, вслед за ними рискнем и мы»... Но все же, хотя я и боюсь взглянуть, сейчас намечается ситуация, благоприятная для большего инвестирования. Если судить по некоей «сумме факторов».

— Каких?

— Во-первых, это достаточно большие сбережения населения. Далее — положительная банковская ставка. Инфляция сегодня уже предсказуе-

Руководитель группы экспертов президента Российской Федерации Александр ЛИВШИЦ:

«Пусть островки социализма затапливает естественным путем волна рынка»

ма, что очень важно само по себе, и за пределы 10% она, думаю, едва ли к осени выйдет (несмотря даже на мероприятия по «расширению» взаимных неплатежей). Далее — строительный комплекс сейчас находится в довольно хорошей готовности, он не рассыпался, к счастью...

— Значит, «все хорошо, прекрасная маркиза»?..

— Почти... Знаете, тут как в математике: все перечисленные условия — необходимые, но... недостаточные. Нужно серьезно заниматься совершенствованием инфраструктуры инвестиционного процесса, то есть конкретно прорабатывать — кто будет инвестировать, в каких инвестиционных формах и так далее. Думаю, что правительство сумеет этот вопрос конкретизировать к осени.

— А каковы взаимоотношения экспертов президента с правительством и парламентом?

— С правительством хорошие. С Думой и Советом Федерации — тоже, хотя тут, конечно, не всегда идет гладко. Бывают иногда экстремальные выбросы...

— С чьей стороны?

— Я тут прочел программу, предлагаемую коммунистами. В этом тексте мне близка только... озабоченность. А по конкретным предлагаемым механизмам — очень сомневаюсь, что все это технически осуществимо, да и вообще необходимо.

— А вот с трибуны Думы председатель Комитета по экономической политике Сергей Глазьев сказал, что нет надежды на скорое эконо-

мическое возрождение, так как, в частности, мы потеряли ценную технологию, особенно — наукоемких производств...

— Я согласен с Сергеем Юрьевичем, такие опасения действительно есть, но, по-моему, не исчерпаны еще и возможности исправить ситуацию.

— Значит, вы согласны с сегодняшней программой правительства Черномырдина? Или у вас есть своя программа?

— Никаких новых программ изобретать и не нужно. Стратегия того, что надо делать, есть в Послании президента Федеральному Собранию. Другое дело — какими механизмами это выполнять. На этом и следует сосредоточить усилия центра и регионов.

— В этой экономической стратегии учтен региональный фактор? Или опять все — и «ЦЭУ», и подачки — будет из Москвы?

— При подготовке указов мы, конечно, старались учесть региональный фактор. Больше того, я решительно боролся с теми проектами указов (а были и такие), которые предлагали существенно ущемить права регионов (что в чисто экономическом смысле, может быть, и было обосновано). Я считаю, что ситуация сегодня с регионами все-таки сравнительно спокойна, зачем же ее раскачивать, вызывая недовольство на местах? Пусть иногда действия там не совсем «рыночные»... Пусть эти редкие «островки социализма» затапливает естественным путем волна рынка, не стоит устраивать взрыв с уничтожением «островка» как такового...

— Вы говорили о появляющихся условиях для иностранного инвестирования в нашу экономику. В какой степени надо «открыть» экономику России?

— Делать это надо осмотрительно. Учитывая российские интересы. Я думаю, что сегодня Россия еще не готова к полнейшей интеграции в мировую экономику. Полное «открытие ворот» пока для России нежелательно и даже опасно... Ибо не все наши отрасли готовы к открытой конкуренции на внутреннем рынке с иностранными товаропроизводителями. Должна быть разумная прагматическая стратегия.

— Она у нас, вы считаете, есть?

— Мечтаю, чтобы она была у нашей власти.

— Вы подключены к ее разработке?

— Пока нет...

Григорий КРОШИН

«ИБЕРИЯ» - испанские авиалинии

- 4 раза в неделю до Мадрида и Токио на «Боинге - 747»
- Лучшие стыковки на Латинскую Америку

Тел.: 921-92-93, 923-05-76, 923-04-88

Факс: 924-80-54

Адрес: Кузнецкий Мост, 3

MIAMI NONSTOP. **once a week**

Полет через Хельсинки с удобными стыковками

Москва - Майами

Майами - Москва

Вылет в **16.25**

Вылет в **23.40**

Прилет в **21.50**

Прилет в **21.35** (на следующий день)

Один раз в неделю начиная с 02.11.94

На самолетах компании ФИННЭЙР

Камергерский пер.6, Москва,103009

Тел. 292-87-88, 292-17-52, 292-33-37 Факс: 292-49-48

МИХАИЛ ВОЛКОВ («ПРЯМОЙ ПУТЬ»)

Суздаль: чем сердце успокоится?

Михаил ПОЗДНЯЕВ

Не знаю, вовремя ли я поехал в Суздаль. Примчись я туда вместе с другими журналистами четыре года назад — что увидел бы, о чем бы написал?

Был бы правдив — или всего лишь правдоподобен рассказ о бунтаре-архимандрите, ушедшем и уведшем за собой свой приход из подчинения Московской Патриархии? Не заслонили бы нечто более существенное плакаты, с которыми бабушки-пикетчицы четыре зимних месяца ходили вокруг церкви, требуя оставить с ними в Суздале их настоятеля отца Валентина? Что смог бы я понять из их письма, с которым они обратились в конце концов к митрополиту Виталию, первоиерарху Русской Православной Церкви Заграницей, прося владыку принять их под свой омофор? Где Суздаль — и где Джорданвилль, штат Нью-

Йорк? Где кубанский казак Анатолий Петрович Русанов, в монашестве Валентин, — и где архиереи Зарубежного Синода, половина из которых покинули Россию в первой волне эмиграции, детьми, а другая половина родилась на чужбине (есть меж них и вовсе иностранцы)?

Осенью 90-го, когда новоизбранного Патриарха Алексея II уже начали величать «церковным Горбачевым», соблазнительно было сравнить Валентина, теперь уже епископа Суздальского и Владимирского, управляющего делами Российской Православной Свободной Церкви, с Ельциным; сюжет раскручивался столь эффектно, что просто немислимо было тогда говорить и писать о Суздале вне политического контекста, — и опять, значит, открылась бы мне, случись приехать в Суздаль тогда, лишь часть правды, и оприч всех рассуждений о юридической и канонической правоте общины Цареконстантиновского храма

оставалось бы некоторое недоумение: а бабушки-то здесь при чем? И не было ли в деяниях владыки Валентина того же своеволия, которое проявляли в ту пору мы все, вкусившие глоток свободы?

А потом — новая полоса в его жизни: конфликт с несколькими зарубежными архиереями, зачистившими в Россию и всякий раз покидавшими ее со скандалом, будь то присвоение себе одного из приходов епископа Валентина (в конце 92-го их число уже перевалило за полста), или приобретение церковной утвари в Софринских Патриарших мастерских (товар за океаном нарасхват), или дружба с «Памятью» (вплоть до автопробега по Москве с пением под гармошку и скандированием всяческих непристойностей, за какие во Франции, например, недолго и под суд угодить).

Они приезжали — и уезжали, а расхлебывал их кашу епископ Валентин.

«Свой среди чужих, чужой среди своих» — если угодно, это и о нем, о его натуре и судьбе. Даже и не заостренная формула.

Свыше тридцати лет в Патриархии — путь ухабистый, негладкий, с трениями постоянными, с окриками и угрозами сломать карьеру. Да и то: до побега — целых семнадцать лет на одном месте. На Суздале свет клином нешто сошелся? Будь поговорчивей да похитрей — ходил бы нынче в митрополитах.

Помню, в девяностом один батюшка сказал: «Валентин не сахар. Он трех Владимирских архиереев пересидел! Так что уж не держите его за святого».

При одном из наших разговоров нынешним летом он сам о себе сказал:

— Когда у меня были ссоры с архиереями, всё относили к моему трудному характеру. Я не скажу, чтобы он был сахарный. Хребет у меня сильный, и бесхребетных я не люблю. Но я Церкви служу безоглядно. И уход мой случился не просто так. Я ведь в Суздале был один как перст. Каждый день туристы, делегации, важные гости. Всех — ко мне. Я их вожу по городу, о каждой церкви, о каждой иконе в музее могу рассказать лучше любого экскурсовода. Потом угощаю их — я, без хвастовства, здорово готовлю: все эти горшочки, разносолы. Провожу — а с меня сразу просят письменный отчет. Рапорт.

Всё двадцать лет заставляли писать. Я их не писал упорно, выкручивался как мог, пока архиепископ Серрапион меня не прижал. Тогда я начал, раз в два-три месяца, писать ему примерно так: «Сего числа по вашему благословению встретил-проводил...» Они терпели, кривились, потом — опять на ковер: «Да что это у тебя за отчеты? Ты пиши как положено, как я пишу. Во столько-то были там-то, присутствовали такие-то, поименно, были такие и такие разговоры...» Я выслушал и говорю: «Владыко — а это уже был епископ Валентин, тезка мой, — я

что-то не очень понимаю, где нахожусь, в кабинете архиепископа или в КГБ?» Он помрачнел: «Не понимаешь — так я тебя выгоню». «Не надо меня выгонять. Сам уйду». И ушел...

Он ушел — и был запрещен в священнослужении «за непослушание»: для монаха резолюция убийственная.

Он ушел, и вышел к людям, и сказал им: — Знаете, дорогие, меня от вас отлучают за отказ доносить в ГБ на иностранцев и туристов. Вместо меня назначают человека, который долго служил за границей и, конечно, доносы писал исправно. Решайте сами, с кем хотите дальше быть и молиться.

До сих пор — до поры, когда я наконец попал в Суздаль, — самое поразительное в этой истории, что уход был совершен не одним человеком, но всем миром, единодушно. Как богоизбранный еврейский народ на сорок лет ушел в пустыню, так малая суздальская паства, малое и немощное стадо четыре года держит свой путь в пустыне. И не озлобилось, не возгордилось, не замкнулось в своей ограде — больше всего я боялся увидеть в Суздале э т о. Нет этого. Дух любви, нелицемерного покаяния и тихой молитвы объединяет людей, сказавших четыре года назад своему пастырю: «Уходим!»

Не уход — но приход.

Ведь, затворя ли тихо за собой дверь, хлопая ли ею, мы не обязательно уходим, выходим откуда-то, а, может быть, входим, приходим куда-то, где — наше место...

— Я не искал своего. Я был свой в Патриархии, плоть от плоти ее. Но меня самого изумило, как люди храбро приняли решение. Мне тогда многие говорили: «Что вы делаете! Вы же против такой машины пошли, она же вас изомнет и сотрет с лица земли!» — а я смотрю на старушек и на ребятишек и отвечаю: «Ничего, на милость Божию...»

Суздаль не Москва. Двенадцать тысяч населения, верующих, как говорится, «ноль-ноль целых». Но вот за эти четыре года паства моя, пусть немного, но все же увеличилась, в городе и неподалеку от него у нас восемь храмов, приходскую школу открыли, куда дети уже и родителей приводят. Трапезная наша открыта для всех, свой дом я отдал под жилье суздальскому духовенству, там останавливаются и приезжие. Год назад появился у нас монастырек женский маленький. Мы просили у властей хоть один из четырех древних монастырей, нам предложили тот, где сейчас около тридцати семей проживают. Им надо, значит, выстроить жилье да еще потом в монастыре реставрацию провести, а там, кроме келий, три храма, — у нас не хватит ни сил, ни жизни... Так мы им, собравши с миру по нитке, выстроили маленькую обитель. Пусть

живут, молятся. Правда, там в комнате по два, даже по четыре человека... но они довольны. Эти монахи — из катакомб, из разных мест: из Грузии, из Казахстана, из Сибири. Они приезжали в Суздаль на богомолье, уезжали к себе обратно, потом снова появлялись. И все чаще стали просить: «Как бы нам тут остаться до скончания века. У нас там ни кола ни двора, ни родни, ни батюшки!» — ну, я их выслушал, потихоньку подумал и взял к себе...

Я ведь, вы знаете, сам возрастал при таких монахинях-катакомбницах. Помню, как домой к нам по ночам приходил батюшка тайком, служил всю ночь Литургию, на рассвете мы причащались. Мне было лет двенадцать, когда я ему сказал: «Батюшка, хочу быть монахом, постригите меня!» — он удивился и говорит: «В следующий раз». И так я множество раз его просил, и всегда слышал от него это: «В следующий раз». Лет пятнадцать мне было, когда однажды я его не спросил, пострижет ли он меня, а сам за него сказал: «Батюшка, опять в следующий раз, да?» «Да». Ну, тогда я и уехал.

Уехал в Тбилиси, потом в горы, где жило тогда несколько старцев. Был у них келейником, псаломщиком — так прошел еще год.

Вернулся на родину, и так Богу было угодно, что я встретился с архиепископом Одесским Борисом, за которым поехал в Одессу и поступил в семнадцать лет в монастырь. Это было очень страшно — но я боялся не обетов монашеских, а того, что мне за это придется отречься от Христа. Мне те монахи, которые меня воспитывали, говорили: «В Патриаршей Церкви с тебя возьмут подписку, что ты будешь во всем послушен безбожникам!» И, когда мне в монастыре сказали, что через несколько дней меня посвятят в иноки, я сразу подумал: «Убегу!»

О пророчествах и чудесах, о Промысле Божьем он не любит говорить всеу — зато часто повторяет: «На все милость Божья... как Богу будет угодно...», но в юношеском этом «Убегу!» мне послышалось что-то неслучайное, что-то прямо касающееся всей его судьбы. Хотя сегодня он остерегается каждого неосторожного слова, неосмотрительного шага.

Суздальская колоколенка, садик, посаженный им на клочке земли меж двух первых возрожденных им храмов: березка, рябинка, елочка — для него привязка на местности, колышек, как вон для той козочки-монашенки, щиплющей травку за церковной оградой. Вся чернышка, один носик беленький. Когда в двух шагах от нее остановился Крестный ход, она, тварь бессловесная, застыла, слушая со всеми, чуть склонив голову, Евангелие, а когда процессия двинулась дальше кругом ограды — пошла следом. Но колышек удержал.

Десять лет назад в Суздаль интуристов

было больше, чем местных жителей, сувенирных лавок и погребков — больше, чем храмов, а из тридцати храмов действующий — один. На вопросы заморских экскурсантов, все ли церкви функционируют, отец Валентин честно отвечал: «Все», — имея в виду не только те, где музей, но и те, где склады.

Гуляя воскресным вечером по Суздалью, сегодня можно подумать, и небезосновательно, что овечек и козочек здесь больше, чем посетителей музеев, а церковью — больше, чем жителей, из коих треть купается в речке Каменке, еще треть безмолвно сидит в заведении под вывеской «Славянский Бар», а остальные — у владыки Валентина.

Еще в Суздале есть импортное мороженое, подложины торговцев клубничкой и земляничкой, неумолкающая горлянка, стая ворон, заставляющих здешние Кремлевские куранты звонить через каждые восемь с половиной минут, и рейсовый автобус, совершенно пустой, но дисциплинированно тормозящий на всех остановках, друг от друга на дистанции сто метров.

Все храмы и монастыри Суздаля ныне числятся действующими — но действуют лишь те, что переданы прихожанам владыки Валентина.

— Первый Патриарший храм открылся год спустя после того, как мы ушли. А сейчас они все забрали. Только чтобы нам не досталось. Мы подаем прошение — и мгновенно собирается «десятка» от Патриархии, люди, которых мы в глаза не видали (ведь от нас никто не ушел), их регистрируют, и нам на этом основании — отказ. Так и по всей России происходит; а в моей Суздальской епархии сейчас больше девяноста приходов, от Кавказа до Новосибирска и даже Дальнего Востока. Вот, Патриархии в Суздале отдали Собор, Смоленскую, Никольскую, Знаменскую. Казанскую церковь мы много раз просили — нет, и ее забрали. И вот тоже чудо: сразу отдали ее в аренду художественному училищу, и теперь там в алтаре рисуют обнаженную натуру.

Мы с этим смирились — и потом, они нам не конкуренты. У них прихожан четыре-пять человек. Служат редко. Привозят на автобусах «массовку» и устраивают «шоу», показуху для галочки. А потом — они сами не знают, что с этим добром делать. Мне знакомый батюшка из Патриархии сказал: «Эх, если б все в аренду сдать, мы сделали бы бизнес, накопили бы денюжку, а потом, глядишь, и церкви бы привели в порядок». А я — наоборот: дают — сразу ремонтирую, поскорее, чтобы начать в храме молиться. Они ведь и молиться не любят, все наспех, все для той же галочки. Вы же сами видели: вот вчера, в девятом часу вечера отошла у нас служба, начали мы ее в четыре, а в одиннадцать часов пошли служить молебен царственным мученикам

— в тот самый час, когда их убивали. Утром в полшестого — опять молебен с акафистом, в семь — правило, потом Литургия, сейчас вот покушали, пару часиков отдохнем — и опять на молитву. Мне-то теперь, слава Богу, ничего больше и не надо...

Владыка, говорю я ему, а не думаете ли вы, что ваш уход, ваш побег еще не завершился? Ведь вы теперь впали в немилость уже митрополита Виталия, оправдавшего бесчинства в России с в о и х, зарубежных архиереев-туристов, а вас — отправившего на покой, а многотысячную паству вашу — бросившего на произвол судьбы. Что же дальше?

— Я никогда не ждал от владыки митрополита и Архиерейского Синода Зарубежной Церкви таких решений, хотя и видел, сколько на нас грязи лилось в эти годы, какие на нас писались клеветы, кое-что мне в копиях передавалось. Я понимал, что нашего ухода нам здесь многие не простят и будут нас стараться опорочить в глазах нашего нового священноначалия. Но я не мог допустить, что архиереи русской церкви будут отзываться о нас, своих собратях, сородичах, как о «нечисти», о «homo soveticus», что нас всех, прежде чем с нами общаться, по их словам, предстоит «русифицировать». Если бы касалось меня одного, я бы молчал, как промолчал в ответ на очень многое. Но это все было сказано о Народ Божием, О Церкви Гонимой! И тогда мы с владыкой архиепископом Лазарем (Журбенко), окормляющим с 1981 года те катакомбные приходы, что перешли на положение почти легальное, и в совещании с нашим духовенством и мирянами решились на шаг крайний, но единственный: последовать указу Святейшего Патриарха Тихона, изданному еще в ноябре 1920 года, предписавшему российским архипастырям при отсутствии в России высшей канонической церковной власти и в случае невозможности нормальных сношений с высшей церковной властью вне России создать Временное Высшее Церковное Управление. Мы его и создали. Казалось бы, этот указ — дела давно минувших дней! Но писал его не просто последний наш законно избранный Патриарх, а Патриарх-священномученик и исповедник, и он как будто о нас думал перед очередным своим арестом.

Очень бы я хотел, чтобы об этом указе, об этом нашем решении узнало как можно больше людей, — не ища себе славы, но веруя, что вот — путь, вот — выход из того раскола, которому подверглась в этом веке наша Церковь. Потому что мы, следуя патриаршему указу, как будто возвращаемся к той точке, откуда раскол пошел, из-за непонимания людьми воли своего Первосвященителя.

Я много теперь думаю вот о чем. Когда

начались в России перемены, это была такая возможность для покаяния, и сколько говорили об этом — но так до конца и не поняли. Все думали так: нам каяться не в чем, пусть другие каются. Так было и в Патриархии, так было, увы, и в Зарубежной Церкви. Честили, обличали друг друга, а сами все более грешили. А попутно шла самая натуральная идеализация. Ведь это любопытно, что за границей, в том числе и в лоне Зарубежной Церкви, начали превозносить Алексея II и Патриархию Московскую в то же самое время, как мы здесь принялись идеализировать митрополита Виталия и его Синод! Я когда приехал к ним Америку в первый раз, то готов был всем руки целовать — и целовал! Но постепенно я всмотрелся сквозь слезы умиления и увидел, что и им ничто человеческое не чуждо. Я и сейчас снисходителен к ним, они живут все же вдали от России, не знают ее, даже боятся ее, но доверяют ей, одним словом, как не доверяют мне, на каждое мое решение восклицая: «Не так!» Типично эмигрантский, диссидентский окрик: «Не так!» Ну, ради Бога, приезжайте, покажите нам, как надо! Нет, к этому они не готовы. Они готовы одернуть, прикрикнуть, вызвать Валентина на ковер. А меня, вы знаете, на ковер вызывать бесполезно — я на таких коврах крутился! Я на ковре себя очень неплохо чувствую... Да я их не осуждаю, я сыновне благодарен владыке митрополиту Виталию за то, что он нас принял под свой омофор в очень опасную минуту, — а если бы он тогда промедлил, нас бы, вероятно, успели раздавить. Но все решения последних лет, принятые в отношении к нам Зарубежным Синодом, — или запоздалые, или пагубные, или никакие.

Вот у них только что прошел Архиерейский Собор, и мы все, живущие в десятках городов, каждый день спрашивали друг у друга: «Что слышать?» — потому что ждали их справедливого решения, ждали, что они преодолеют эти свои внутренние нестроения, бьющие по нашим головам. Они ничего не решили, перенесли на осень. И это, может, добрый знак. Знак того, что они потихоньку понимают, что Свободная Церковь Российская — это не один строптивый Валентин и его суздальские бабушки, а что-то посерьезнее. Это уже, по-моему, и в Патриархии понимают.

И сегодня я всем, кто не в меру ругает или превозносит Патриархию или Зарубежную Церковь, говорю одно: «Приди, поживи, помолись с ними — Бог тебе даст понять все, что увидишь и услышишь. Не с чужих слов, не из чужого опыта — а ты сам все поймешь, с Божьей помощью».

Хотя долго еще мы так существовать не сможем. Раскол может дойти до погубительной крайности. Вот почему, поминная на богослужении митрополита Виталия, а в келейной молитве — Алексея II,

я всегда взываю: «Господи! Дай исправить! Дай не погубить, но воссоздать! И так, чтобы людям не причинить боли. Потому что по такому пути дальше колесница Православия не пойдет. Если дальше — то тупик!»

Почему Суздаль? Четыре года назад я бы не сумел ответить на этот вопрос. Сегодня — какие-то отголоски ответа звякают в ушах, подобно суздальским Кремлевским курантам. Да не мне, залетной вороне, давать ответ. Спрошу напоследок у владыки — тем паче, надо и мне честь знать, и ему часок передохнуть.

— Владыка, почему Суздаль?

— Вы в музее были? Видели сами — Суздаль был столицей Руси Православной, здесь просиял целый сонм святых. Мощи самых почитаемых — преподобных Евфимия и Евфросинии — у нас в Цареконстантиновском храме, я добился их возвращения. Еще до ухода. Сегодня бы — не вернули...

Здесь, между прочим, вскоре после революции был старец-странник. И ему стали плакаться, что вот, был не город, а святыня, а теперь все храмы закрыли, кое-что и порушили, мощи осквернили... Он выслушал, улыбнулся так и говорит: «Потерпите. Придет время, и засияет ваш Суздаль ярче прежнего. И потекут к вам дары из-за океанов, и золото, и серебро!»

Ну, золотая-серебра к нам не потекло, а мука-соль была. Гуманитарная помощь. И мы до сих пор на нее живем — не стали сразу по ведру раздавать, а придержали. Крупа, маслице постное, сахар... Вот сейчас мы это доедаем. Что будет дальше? Страшно. Страшно — но Бог даст день, Бог даст и пищу.

А потом гляжу — перевод почтовый, на сто тысяч, даже не написано от кого. О, радость какая! Сто тысяч — это для нас подарок. Мы ведь сейчас не можем даже нанять плотников полы в храме стелить, так что будем всё сами, всем миром. Мы уж привыкли — и молимся миром, и строимся. Обитель ведь тоже строили своими руками: архидиакон Иоанн, игумен Иринарх, епископ Серафим, мой викарий — такие мастера!

От власти местной и от населения помощи ждать трудно. Хотя если бы двенадцать тысяч сбросились по одной тысяче раз в год — каким бы стал Суздаль! Нам сейчас предлагают еще взять несколько храмов — не администрация, конечно, а охрана памятников, они-то еще беднее нас! — но мы не в силах. Пока что...

А мне лично вообще ничего не нужно. Я наконец могу все силы отдать молитве, уединению и тому, чтобы заповеди Христовы не нарушать. Все, что имею, — все для церкви...

Вон мой домик — посмотрите, на шкафу — гробик. Я его себе загодя построил. Он большой, конечно, по моей комплектации, но ничего лишнего в него с со-

МИХАИЛ ВОЛКОВ (© «ПРЯМОЙ ПУТЬ»)

бой все равно не возьмешь.

Я приехал в Суздаль вовремя — в канун двойного праздника. Я не знал, что 17 июля — не только день убиения царя-мученика Николая и сродников его, но и память преподобного Евфимия, игумена Суздальского Спасского монастыря, строителя и благоукресителя города, целых полвека совершавшего в нем свой подвиг. А на следующий день, 18 числа, — память преп. Сергия Радонежского, современника и сподвижника чудотворца земли Суздальской. Как все вроде бы далеко — и как близко, рукой подать.

Уезжал из Москвы в дождь и холод. Возвращаясь — въехал в темную километровую стену ливня и града. А в Суздале все четыре дня были лучезарные.

Шли Крестным ходом с мощами преп. Евфимия и иконой царя-мученика — и тихое дуновение овевало, воздух почти горный. Стали, входя обратно в храм, прикладываться к деревянной гробнице с мощами — ее держали при входе, на плечах, четверо священников, — и повеяло миром. Тем, что не через «И», а через «Ижицу». За шаг до порога владыка Валентин окропил с головы до ног освященной водой из речки Каменки, на берегу которой полвека строил храмы игумен Евфимий.

Мощи игумена — в храме, где служит сегодня владыка Валентин. Иконы из обители Спасо-Евфимиевой — в музее, вход куда стоит тыщу триста. На обед в монастырской трапезной — рыбные щи в горшочке. У епископа Серафима, прошедшего в катакомбах полжизни, а может, и больше, — руки плотника. В кармане у владыки Валентина — набор таблеток от диабета. На шкафу в его каморке — огромный гроб.

В Суздале очень вкусный ржаной хлеб.

В гостинице «Ризоположенской» (бывш. монастырь) третий месяц за неуплату налогов отключена вода. Каждому постояльцу администрация выдает пустой двухлитровый баллон из-под «Пепси». Колонка — в ста метрах, в монастырском дворе, под березой.

Когда-то здесь, как и в любом другом монастыре, был источник. В каком месте? Где он спрятан под землю? ■

Застолье по-нашенски

Алексей ЕРОХИН

Свадьба. Все вдупелину, естественно. Из-под стола выкарабкивается вдребезину бухой мужик и спрашивает:

— Кто еще с невестой не спал?

Прифранченный малый в съехавшем набок галстук поднимает голову из миски с салатом:

— Ну, я.

— А ты кто?

— Как кто? Жених...

Анекдот, конечно. Но жутко жизненный. В стиле действительности.

Русское застолье — это, вероятно, абсолютно уникальное явление в мировой практике. Несметное обилие закусок, среди коих классический соленый огурчик и неперменный салат «Оливье», который настолько пришелся по душе и брюху нашему народу, что в результате был переименован в «Столичный». «Между первой и второй — промежуток небольшой». Как и между последующими, и даже более того: первый-то промежуток и является наиболее продолжительным, ибо по ходу пиршества межрюмочные паузы, как правило, имеют тенденцию к сокращению. В результате на поданное горячее сотрапезники смотрят уже осовело и мутновато и, затушивая окурки в недоеденных шпротах (о, неповторимый запах...), продолжают талды-

чить о своем, не забывая, разумеется, опорожнить очередную стопочку, — и сколько же едва надкусанных котлет по-киевски и куриных окорочков с хрустящей корочкой ушло в поименные ведра невестребованными («хорошо бы собаку купить», согласно рекомендации И.А.Бунина). Далее — нестройный «Хасбулат удалой, бедна сакля твоя» (вариант: «Эй, Баргузин, пошевеливай вал») либо «Ромашки спрятались, поникли лютики» (вариант: «К сожаленью, день рожденья только раз в году»). Возможный — порой даже более чем — стихийный мордобой здесь опустим.

Погуляли. Пару пива с утра. Все довольны, кроме жен и тещ-щ. Азбучно — как «мама мыла раму» (после блевавших в окошко гостей?).

Съестное изобилие, кстати, это не догма, ежели застолье происходит в шинке. Пара бутылок водки и — один салатик: не столько для закуски, сколько ради отмазки от официанта. Да и в голову помощнее ударит (а что еще нам, русским, надо?). Далее — по Блоку (см. «Незнакомку»): «Медленно, медленно начинают кружиться стены кабачка. Потолок наклоняется, один конец его протягивается вверх бесконечно. Корабли на обоях, кажется, плывут близко, а все не могут доплыть».

Да и то: «Куда ж нам плыть?..»

У Блока спорили насчет сортов

сыра («Я рошефор кушал!») — и это гениально:

«Человек в пальто (громко, как ружейный залп)

Бри!

Собеседник

Ну это... это... знаете...

Человек в пальто (угрожающе)

Что знаете?

Собеседник (уничтожен)

Гениально потому, что как бы между прочим, детальки вкусной ради, точно схвачен алгоритм русского нетрезвого разговора. Можно спорить о сыре пошехонском и голландском, о конфитюре вишневом и клубничном, о строе тоталитарном и демократическом, о вероисповедании католическом и православном, о водке «Абсолют» и «Столичной», о Буке и Бяке — но в самом безобидном застольном разговоре русских людей частенько вылезает вот такая форма полемики наотмашь.

Застолье нас преображает. И когда в «Веселых ребятах» у Александра животная орава бурно прет на уставленный яствами стол — ба, да это же гости дорогие пришли, и поросюлю того, в блюде закемарившего, я знаю, и жену его, Вальку.

Как человек, всю жизнь употребляющий только легкие сухие вина в чрезвычайно ограниченных количествах, дивлюсь я на вас. Столько

квасите — а никак не выработаете приемлемой системы, которая позволила бы сей процесс упорядочить.

Но вот явилась наконец лучом света во мраке невежества брошюрка Наталии Старинской «Искусство застолья», призванная гармонизировать питейный хаос.

Прежде всего здесь предлагается «концептуальная оснастка веселого застолья», состоящая из восьми принципов (развлекательности, взаимного почитания, энтузиазма и т.д. — вот только принцип ненадирания не учтен).

«России повезло, — провозглашает автор, — потому что есть она, тайна русской души, есть некоторое духовное слияние, единение наших людей, позволяющее нам чувствовать друг друга ближе, чем в странах с другой историей, с культом индивидуализма, и что полыхает пламенем по сердцам в трагические минуты нашей истории».

Что ж, утрем пот, проступивший от полыхающего внутри сердечного пламени, и обратимся к тайне русской души, каковая перманентно, как известно, горит. Главный секрет тут, надо полагать, тот, что надобно и духовное слияние сохранить, и не упиться в стельку. Задачу эту призваны решить разнообразнейшие тосты: их здесь собрано аж сто двадцать штук — иные из Шекспира, иные из Пушкина, а в большинстве просто сочиненные автором.

Что ж, дело хорошее. Не будем же мы уподобляться скучным англичанам, у которых сплошное «Чирз!» — и все тут. Давайте-ка полыхнем!

Итак:

*Болят сердце, ноет грудь,
Не махнуть ли что-нибудь.*

Если же с кардиограммой и артериальным давлением все в порядке, можно иначе:

*Комарики-мушки,
Выпьем бормотушки.*

Бог его знает, при чем тут комарики, но зоологический акцент в тосте — штука перспективная. Например, сразу приходят на ум варианты: «Петушки да курочки, выпьем политурочки», «Эх, кузнечики-махаончики, не дерябнуть ли одеколончику». Логика та же — железная.

Движение небесных тел также представляет массу веских поводов для поднятия бокалов:

*Светит месяц, светит ясный,
Пьем за этот миг прекрасный.*

Либо:

*Месяц укрылся за тучкою
И появился опять.*

*Позвольте рюмочку водки
За ваше здоровье принять.*

Астрономический кругозор тут, пожалуй, слишком узок — и такого

рода тосты всякий может разнообразить, используя школьный курс астрономии. Меня, допустим, мгновенно осенило: «На небосводе вспыхнула Венера — надо квакнуть рюмочку мадеры». Можно и этак: «Пролетала в вышине комета — наливай по стопочке «Привета».

Диапазон тостов, предлагаемых «Искусством застолья», на зависть широк. Ежели кому-то скучно пить «за приоритет духовного в нашей жизни!», то уже на следующей странице он может почерпнуть такую вот миленькую застольную частушечку:

*Все мужчины у нас в моде,
На ушах висит лапша.*

*Только женщины все злые,
Спать ложатся не ебша.*

Женщин, безусловно, жалко — но старину Ожегова еще жалче: изрядно он в гробу поворочался от столь пикантного словообразования.

Демонстрируется здесь красноречие и другого рода. Вот, к примеру, «Тост математика» (наберитесь, однако, терпения): «Приступая к семейной жизни, новобрачным следует понять, что это загадочное математическое образование представляет собой то алгебраическое уравнение n -го порядка с действительными и мнимыми корнями, то систему уравнений со многими неизвестными, то многократный интеграл в пространстве Гильберта, а то и знакопеременный ряд. Решение и сходимость этих образований зависит от умения новобрачных пренебречь бесконечно малыми второго и большего порядка, извлечь корень разумного и осуществить преобразование ситуации по методу Фурье, Лапласа и любви. И тогда дискретное пространство счастья будет конформно преобразовано в непрерывное. Поднимем бокалы за счастье молодых».

Уф-ф... Теперь я знаю, что математиков надо попросту на порог не пускать и сразу посылать куда-нибудь подальше — в то же пространство Гильберта. Забудришь такую текстую, выдашь за свадебным столом — наверняка ведь побьют.

Лучше уж выбрать вариант простенький и универсальный:

*Сидит заяц на заборе,
Ломом подпоясанный.*

*А кому какое дело?
Выпьем за хозяйку.*

Но довольно ворошить эту кладезь пошлости, завершающуюся пламенным призывом: «Зажжем огонь во мгле души!» А то ведь запылещ похлепце Шурика из «Кавказской пленницы».

Мгла в душе сгущается — и плывут, плывут корабли на обоях...

Фирма

«Под знаком Пи»

при участии

журнала

«Столица»

предлагает

широкий выбор

земельных участков

под дачное

и коттеджное

строительство

по Рублево-Успенскому,

Минскому, Можайскому

шоссе.

Приемлемые цены!

Элитные районы!

Оформление

в кратчайшие сроки

и за счет фирмы!

Разнообразная помощь

в строительстве

Звоните!

Тел./факс

923-19-71

SMIRNOFF

SMIR

St. Peter's
VODKA
DISTILLED
ALCOHOL

Семейный киднеппинг

Николай БАХРОШИН

«Киднеппинг» — слово иностранное. На русский переводится как похищение детей. И карается как одно из самых тяжелых преступлений, по всей строгости соответствующих статей Уголовного кодекса. Впрочем, здесь, предупреждаю сразу, они не понадобятся. Потому что история эта относится к той категории судебных дел, которые называют гражданскими.

Тем не менее юристы знают, что именно в гражданских процессах разворачиваются самые драматические коллизии, психологические повороты, достойные пера классиков. Что криминал? Пришел, увидел, убил... Плоско, неинтересно и, в сущности, все за деньги. А вот взять, например, семью — какой психологический фон: ненависть, любовь, отчаяние, и все это, образно говоря, без отрыва от кухонного стола.

Историю, о которой я хочу рассказать, тоже можно назвать семейной.

А начало было хорошее. Ира Фридман и Валера Долотин учились на физтехе, и, больше того, учились вполне успешно. Любовь, брак, семья. В 1987 году родился сын Мак-

сим, которому оба родителя были рады. Еще больше были рады бабушки и дедушки, для которых внуки — прямое продолжение их самих. А тут и аспирантура подоспела, и не где-нибудь, а в Америке. В 1990 году они отправились туда всей семьей. Дела молодой семьи на «обетованной земле» не заладились с самого начала. Когда миновали первые восторги, выяснилось, что коммунистический принцип «кто не работает — тот не ест» давно эмигрировал и процветает теперь даже под звездно-полосатым флагом, а бабушки-дедушки далеко, и надо еще учиться, и ребенок внимания требует.

Если Ира еще как-то обвыкла, обрела хрупкое равновесие между семьей и учебой, то у Валеры научная карьера быстро покатила под гору. Один научный руководитель, второй... В сентябре 93-го его из аспирантуры отчислили. Семейные дела к тому времени тоже пришли в упадок. Супруги стали врагами, а сын — единственным связующим звеном.

Вскоре Валера ликвидировал совместный счет, забрал все деньги, которые там лежали (6 тысяч долларов) и вернулся в Москву. В декабре за ним последовала Ира с сыном. Прие-

хала оформить развод. Так что дальнейшие события разворачивались уже на нашей территории.

— Извините, как зовут вашего мужа? — уточнял я, ковыряясь в блокноте.

— Пишите просто — подонок!

Ответ явно не из курса «Этики и психологии семейной жизни». Но тоже можно понять. Был июль 1994 года. Своего сына Ира не видела уже четыре месяца...

Нет, сначала их постсемейные отношения еще сохраняли некое подобие интеллигентно распавшегося брака. Ну разошлись, ну не сошлись характерами, ну не плевать же друг в друга, в конце концов, не сражаться из-за семейно-кухонного инвентаря, бешено закипая слюной. Первое время Валера жил у Ириных родителей, потом уехал к своим родителям, в Курск.

30 декабря 1993 года было принято решение Мосгорсуда о разводе. Валера на суд не явился, однако решение опротестовал. Из-за нарушения процессуальных формальностей дело передано другому судье.

События развивались. В начале марта Валера приехал в гости к сыну, находившемуся у родителей Иры, забрал ребенка якобы погулять и увез в Курск. Когда перепуганная Ира рванулась за ними, сына она не нашла ни в квартире у родителей Валеры, ни у его друзей. Мальчика спрятали. А дальше началось то, что можно назвать кошмаром. Начались поиски ребенка.

Родственники Валеры были настроены более чем агрессивно — нет, никогда. Милиция? Там только разводили руками. А чем мы можем помочь, дело семейное, в суд обращайтесь, куда же еще. В РОНО ей сказали более откровенно: «Скоро привыкнете». Мол, лучше вам сына и не искать, видеть мать для ребенка будет непоправимой травмой, и, вообще, вы намерены жить в Америке, а мы намерены вырастить из вашего сына российского патриота.

Ходила, искала. Видела квартиры, где он до этого находился, но самого ребенка Ира так и не нашла. «Больше ты его не увидишь» — ответ везде был стереотипным. Свекровь, пользующаяся в маленьком Курске большим влиянием (как-никак завуч ПТУ), проявляла чудеса изворотливости и конспирации.

Еще несколько поездок в Курск. С родителями, с подругами. Результат тот же. Опять Москва, ГУВД, РОНО, суд, словом, совершенно неожиданно для себя аспирантка американского университета вступила в тот замкнутый круг, очерченный еще Ильфом и Петровым, где, как справедливо замечают классики, действует «центроостремительная сила сутяжничества» и

ВЛАДИМИР ШИШОВ

становится человек уже не просто человеком, а потерпевшей стороной.

Да, было все. Звонки с угрозами и проклятиями, подметные письма на работу к папе Фридману, патриотические высказывания, словом, весь тот набор внутрисемейного выяснения взаимоотношений, когда «противоборствующие стороны» готовы вцепиться друг другу в волосы. Был суд. Процесс длится и по сию пору. Бушует. Ответчик на заседание не является. Сына Ира так и не видит.

Судебные органы часто именуют «третьей властью». «Еще бы, власть законодательная — раз, власть исполнительная — два, ну а третья, конечно, судебная: толстые тома кодексов, комментарии, встать — суд идет!

Власть? Каждая власть лишь тогда чего-нибудь стоит, когда она умеет защищаться, не к ночи будь помянуто имя автора. Но справедливо. Есть у юристов такое понятие, как «дыра в законе». К сожалению, таких дыр в нашем гражданском законодательстве сколько угодно.

Возьмем, к примеру, простой развод. Просто? Не тут-то было. Она разводится, а вот он не является. Непорядок, конечно, и штраф предусмотрен. Ну и что? Штраф мизерный, другими способами воздействия судьи не располагают, и даже простой развод может тянуться годами. А что уж говорить о делах более сложных, действительно требующих «полного и всестороннего изучения»? Уже не годы, десятилетия в перспективе.

Жизнь сложна. Это аксиома. И как бы ни пеняли мы на всеобщую криминогенность, разгул, беспредел, Уголовный кодекс худо-бедно способен за себя постоять, чего не скажешь о нашем заброшенном, полужизнь и нищем «гражданском процессе», который задуман как определяющий, регулирующий не отдельные аномалии, а нашу жизнь как таковую.

Грустно, граждане. Беззащитно.

Что же касается наших героев, то для них «центростремительная сила» все еще продолжает набирать обороты. Было назначено несколько судебных заседаний. Они по тем или иным причинам откладываются, процесс идет...

Можно, конечно, за неимением лучшего поговорить о морали — куда, мол, раньше смотрели, ведь добровольно женились, не под расстрелом же, сами теперь и расхлебывайте. Слова умные и справедливые. Пока касаются кого-то другого. Так что, по известной русской поговорке, беречься следует не только от сумы и тюрьмы. Я бы еще добавил — от судебных процессов.

Лечение + Красота

Когда хотели подчеркнуть чье-либо аристократическое происхождение, говорили, что у человека голубая кровь. Но вот несколько лет назад в прессе появились сообщения о проведении в разных странах фундаментальных исследований в области создания синтетических кровезаменителей, способных выполнять функцию эритроцитов — переносчиков кислорода.

Большая программа существовала и в СССР, и отечественные ученые добились определенных успехов, создав препараты «Перфукол» и «Перфторан», получившие символическое название «ГОЛУБАЯ КРОВЬ». Активную часть ГОЛУБОЙ КРОВИ составили перфторсоединения. Уникальность этих компонентов ГОЛУБОЙ КРОВИ в том, что они способны растворять и транспортировать в ткани молекулярный кислород, а также облегчать проникновение в них биологически активных соединений. Не исключено, что это открытие так и осталось бы достоянием лишь специальных областей медицины, если бы не перестройка. Специалисты лаборатории, в которой была создана ГОЛУБАЯ КРОВЬ, сумели не только сохранить свои достижения, но и продолжили исследования в созданном ими научном центре АО «НИЗАР». На основе компонентов ГОЛУБОЙ КРОВИ можно создать лекарства с уникальными лечебными свойствами. Но фармацевтическое производство требует больших начальных вложений, а лекарства не могут быть слишком дорогими. Поэтому, не оставив мысли о выпуске лекарств, в фирме «НИЗАР» взялись за разработку и производство лечебных косметических средств. И здесь компании принадлежит мировой приоритет в использовании в косметике компонентов ГОЛУБОЙ КРОВИ. Созданы принципиально новые косметические средства, способные на равных соперничать с продукцией известнейших французских фирм. Сейчас фирма «НИЗАР», реализуя свой проект «ЖИВАЯ КОСМЕТИКА», на основе липосом и компонентов ГОЛУБОЙ КРОВИ выпускает увлажняющий крем «АСФОДЕЛЬ». Этот буквально омолаживающий кожу крем с гипоаллергическими свойствами способен не только разглаживать морщины, но и предотвращать воспалительные процессы на коже, заживлять ранки, облегчая проникновение в кожу биологически активных веществ и являясь для кожи своеобразным кислородным коктейлем. Выпускается и специальная косметика, регулирующая загар, а также средства интимной косметики как для мужчин, так и для женщин.

Мы привыкли принимать за эталон французскую косметику, считая себя аутсайдерами. Сейчас наш рынок буквально завален второсортной продукцией никому не известных на Западе фирм. А уникальные разработки АО «НИЗАР» способны не только заполнить наш рынок высококачественной отечественной продукцией, но и вывести Россию на лидирующие позиции в производстве косметических средств на основе компонентов ГОЛУБОЙ КРОВИ.

Продукцию АО «НИЗАР» всегда можно приобрести в аптеке № 1 (отдел косметики) и в других аптеках и универсамах Москвы.

Телефон для оптовых покупателей: 150-83-66

Придет серенький волчок и укусит...

«Крокодилы». Какое понятие обозначается этим словом в сленге? Вор? Мошенник? Убийца? Не угадали. Так маленькие девочки и мальчики — жертвы плотской любви взрослых, называют своих учителей.

В Таиланде около 200 тысяч детей «берутся взаймы» у семей бедняков. Или просто похищаются в лагерях беженцев, втягиваются мафиозными сетями в детскую проституцию. В отелях Бангкока, Патаяи маленьких мучеников избивают, насилуют. Клиентура? В большинстве случаев — это туристы со всего мира и, конечно, из Европы. Сами дети и придумали для любвеобильных гостей с Запада милый эпитет «крокодильчики». Педофилия: болезнь или преступление? Однозначно ответить нельзя. В любом случае общественность обеспокоена тем, что совращение малолетних становится вполне обычным делом. Большинство раскрытых случаев педофилии остаются безнаказанными. Даже если кто-то и предстает перед судом, наказание не сравнимо с тем ущербом, который наносится здоровью и психике ребенка. Можно ли положить конец этой скандальной

практике, недостойной цивилизованного общества?

«...В фирме у Робинсона я был вначале одинок. Мною владела меланхолия. Что за товар? Малыши — мальчики и девочки, — развращенные до мозга костей особи самого худшего образца, которых страшно увидеть и во сне, профессионально подмигивали мне, беззастенчиво предлагая свое тело. Но все это было не то. На вид — малопривлекательные, и еще все, без сомнения, сифилитики, а может быть, и похуже.

Когда я вышел из этого пропитанного развратом дома, то вдруг столкнулся со свежим и очаровательным мальчиком, который с невинным любопытством рассматривал меня. Отличный выбор, как говаривал когда-то мой друг Жискара. Чудный мальчишка, искрящийся свежестью, красотой, хитростью и лукавством. Говорит на прекрасном английском, примерный

школьник тринадцати лет. Он не хотел, чтобы я целовал его, зато превосходно делал минет, а потом отдался мне полностью...

После обеда — любовь с маленькой «розочкой» четырнадцати лет. Настоящая дикарка. После секса она чистила зубы, а обувь протирала туалетной перчаткой. В постели лепестки этой розы, этого нераскрывшегося на вид бутона, осыпались страстью и любовным жаром.

С точки зрения интеллектуального любовного градуса все, с чем я имел дело в Азии, — гораздо более низкая ступень, чем французские «амурчики». Зато в Азии все на редкость пикантно. Да, это острая приправа, специя, пряность. Но к чему? Пряность — в достатке, но нет самого блюда в виде сопротивления со стороны объекта любви...»

Что это? Дневник маньяка? Случайно найденные на помойке записки ненормального? Отнюдь. Это выдержки из опубликованной книги писателя Габриэля Мацнеффа, который описывает собственные впечатления от опыта общения с малолетними.

Мацнефф — лицо, известное в обществе. Его книга «Карт-бланш» — для тех, кто пропагандирует насилие над детьми без малейшего зазрения совести. Стремление одно — дать практике педофилии рекламную трибуну, позволить взрослым при поддержке беллетристики безнаказанно насиловать детей.

А мальчик и девчужка, которых писатель совращает в Бангкоке, с садистским удовольствием описывая это в своей книге, — таких сотни, тысячи и в других странах третьего мира, ставшего объектом

сексуального туризма для лиц, стремящихся избежать наказания за свои «шалости» в Европе.

Все педофилы, тайно или явно, отстаивают право на свое чувство, создавая теорию так называемой «свободной любви». Для них любить, и это само собой разумеется, — значит вступать в половой контакт. Они ссылаются при этом на ценности демократического общества, на свободу, на право детей распоряжаться собой. Они даже взывают к Фрейду, напоминая, что дети изначально не ангелы, а потенциально многоликие извращенцы. И этот факт общество, не желающее взваливать на себя лишнюю обузу, лицемерно берет на вооружение.

...Отец заходит в спальню своего четырехлетнего сына пожелать ему спокойной ночи и застаёт ребенка в расстроенных чувствах. «Папа, а ты знаешь, что тот господин со стройки заставил меня сделать»? И в наивно-корявых оборотах следует ужасающий рассказ сына о том, как «дядя со стройки» заставил ребенка за конфетку делать взаимный минет. «Скажи, папа, а он имел на это право?»

Потрясенный отец вызывает соседа сверху в качестве свидетеля, чтобы мальчик и при нем описал все детали акта насилия. (В отсутствие матери, уехавшей в командировку, отец маленького французца по имени Матье попросил присмотреть за ребенком сторожа со стройки, на которой работает сам). Через два дня, когда возвращается мать, напуганный поднятым шумом ребенок не разжимает зубы. Она настаивает. Матье все рассказывает, и мать убеждается, что с ее сыном случилась беда.

В 1992 году Неформальная служба социологических исследований Франции подсчитала, что от двух до двух с половиной тысяч детей ежегодно становятся жертвами сексуального насилия с отягчающими обстоятельствами, включая инцест. По данным министерства здравоохранения, в школах, по крайней мере, один ребенок из класса подвергается сексуальному совращению в той или иной форме. Но это, по мнению специалистов, далеко не полные данные. «Едва ли 30 процентов случаев насилия детей со стороны педофилов доходит сегодня до суда», — утверждает один из французских адвокатов, специализирующихся на защите обиженных детей. Конечно, случаи детской проституции в Париже остаются пока единичными. А существующая в столице Франции мафия специализируется на торговле румынскими и югославскими детьми, на которых не распространяется дьянь французского правосудия. По крайней мере, об этом свидетельствует руководство Центрального отделения общества по борьбе с торговлей человеческими существами.

Все это верно. Тем не менее среди легальных маршрутов сексуального туризма — в Таиланд, Шри-Ланку, на Филиппины, а

Множатся тиражи «натуралистских» журналов гомосексуальной ориентации; становится все легче приобрести «художественное ню» детей в более чем вызывающих позах...

сейчас уже и во Вьетнам, уже протоптаются тропки и в европейские страны. Например, в Португалию. Процветает «гласность наизнанку», позволяющая давать в шикарно иллюстрированных журналах развороты с изображением обнаженных детских тел, половых органов. Множатся тиражи «натуралистских» журналов, открыто гомосексуальных изданий, содержание которых еле вмещается, а зачастую и выплескивается за установленные законом рамки. Не так трудно приобрести «художественное ню» детей в позах, навещающих на мысль, что никакое это не «ню» вовсе, а каталог для желающих насладиться свежатинкой. От печати не отстают и электронные средства массовой информации, дающие в информационных программах «горячие десятки», «двадцатки» самых сексуальных подростков месяца, года, а иногда дающие «живые» интервью-диалоги (практика, с успехом перенимаемая французским телевидением), в которых «интересные» гости голубого экрана дают скрытую рекламу самих себя. К примеру: «Меня зовут Фабиан, мне тридцать лет, как вы сами замечаете, недурен собой. Ищу молодого, неоперившегося птенца для дружбы и взаимных ласк». Короче, идет массированная артподготовка, цель которой — внушить обществу, что педофилия — вполне нормальное, даже в чем-то банальное, явление. Общество, таким образом, скрыто благословляет порнографию и разврат, авансом снимая с себя вину за возможные сексуальные преступления.

Существуют различные способы, с одной стороны, полуполигального культивирования педофилии, с другой — сокрытия печальных ее последствий. И в этом, как ни странно, преуспевает церковь. Порой можно даже подумать, что святые отцы идут в авангарде «сексуальной педофильской революции». Известен нашумевший случай в американском штате Миннесота. Некий молодой человек, Франк Фиц-

патрик, обвинил аббата Партера в том, что тот совратил Франка еще в детстве. После этого публичного заявления на аббата посыпались обвинения от других его жертв, которых он лишил чести в разное время и в разных местах. Всего поступило шестьдесят восемь заявлений. Но самое удивительное в этой истории то, что в течение очень долгого времени после огласки позорного прошлого (а может быть, и настоящего) аббата он долгое время оставался неуловимым. Церковь по своим каналам переводила его из штата в штат, и правосудие было в полной растерянности. Закон настиг аббата Партера в Массачусетсе. На день суда против него было выдвинуто сорок восемь официальных заявлений.

Но это еще цветочки. По полуофициальным данным, четыреста американских священников преследуются в судебном порядке за педофилию. Несомненно, священная братия баловалась с невинными детишками издавна, но тайну строго блюли лишь до сего дня.

Первый серьезный приговор был вынесен в 1987 году. Тогда аббат Гилберт Гот признал себя виновным «в насилии и совершении актов содомии с 37 детьми» и был приговорен к 20 годам заключения. В мерилендскую тюрьму угодил шестидесятипятилетний священник Дэвид Холлей за неоднократное совращение детей от 8 до 12 лет. Судебные процессы с тех пор не прекращаются.

Но вот заковка. Действиям американского правосудия препятствует сама церковь. Известны факты, что церковь в отдельных случаях тратит до 25 тысяч долларов для «умасления» жертвы и ее семьи, с тем чтобы они забрали свое заявление обратно. Всего американская церковь израсходовала более 500 миллионов долларов, чтобы замаять дела священников-педофилов. В ближайшие годы, по мнению наблюдателей, эта сумма должна удвоиться.

Пикантность ситуации заключается в том, что, даже решаясь на такие расходы, слуги Божии предпочитают сохранять «благопристойное» молчание. Философия проста: признавая гласно, что христианские истины проповедаются с амвона людьми далеко не совершенными в моральном отношении, церковь лишается определенной силы своего влияния на светское государство, подчиняясь ему в вопросах морали и тем самым, опосредованно, лишаясь доходов от разочарованной в святости служителей церкви паствы. Скрывая позор священника, церковь ничего не делает ни для жертвы, ни для насильника, что усугубляет ее вину. Кроме того, само понятие «педофилия» лицемерно замалчивается руководителями богоугодных учреждений. Тщетно искать слово «педофилия» в обновленном катехизисе 1992 года. В знаменитой энциклопедии «Тео» это понятие вскользь упоминается в статье «Гомосексуализм», хотя это совершенно разные явления и с психиатрической, и с социальной точек зрения.

Американская церковь по меньшей мере должна была последовать примеру канадского епископата, который играет в некую строгость. В октябре 1989 года канадская церковь решила, что «сексуальные насильники, имеющие отношение к кругу служителей церкви, по первому требованию духовного руководства должны предстать перед светскими властями и правосудие должно свершиться». Канадское духовенство получило поддержку папы Иоанна Павла II. В своем письме он подтверждает новозаветный постулат: «Беда тому, кто берет грех на душу». В то же время папа констатирует, что «подавляющее большинство епископов и священников — примерные последователи учения Христа». К тому же глава вселенской церкви не упускает шанса обвинить прессу: «Действительно, паршивые овцы, затесавшиеся в наше стадо, заслуживают сурового наказания, но постоянное обмусоливание этого вопроса в средствах массовой информации вызывает не менее греховным чувством поиска сенсации», — говорит Иоанн Павел II, забывая, что миллионы долларов были потрачены церковью на то, чтобы купить молчание несчастных жертв.

Шокированная такими заявлениями заокеанская пресса, особенно «Нью-Йорк таймс», тотчас робко вставила слово, что, мол, проблема сия не является исключительно американской и что не только протестантская и ортодоксальная, но и иудейская церкви имеют в своем лоне извращенцев. Но не мешает напомнить, что американская церковь охватывает до 58 миллионов верующих — почти треть населения Страны Желтого Дьявола. Этим, на верное, и объясняется размах скандала вокруг священников-педофилов.

Но если Америка лобит размах во всем, в том числе и в педофильской статистике,

старушка Европа такими рекордами похвастаться пока не может. Вероятно, священники здесь поскромнее в своих вкусах и пристрастиях. Во всяком случае, во Франции известно лишь о нескольких «невинных» забавах святых отцов. Известен случай в католическом колледже святого Жака в местечке Жуаньи (департамент Йонна), который до поры до времени считался элитарным учебным заведением для детишек из богатых семей. Случай показателен прежде всего тем, что творить под высоким покровительством, оказывается, можно что угодно, когда угодно и с кем угодно.

В первые дни после очередных каникул тринадцатилетний мальчонка Жюльен начал беспрестанно звонить родителям, говоря, что ему в колледже очень плохо, и обливаясь при этом слезами. Он жаловался на ужасное самочувствие и настроение, но объяснить истинную причину этого по телефону отказывался. Постепенно начало выясняться, что Жюльен не был одинок в своих жалобах на головные боли и резь в животе. Некоторые его одноклассники тоже испытывали чувство тревоги, выражая ее в телефонных разговорах со своими товарищами. И вот настал день, когда Жюльен позвонил родителям и сообщил: «Мама, директора колледжа посадили в тюрьму...»

Что же происходило за стенами этого религиозного учебного заведения? Его директор, сорокатрехлетний А.Ж., оказался под следствием по подозрению в совершении несовершеннолетних учащихся, не достигших 15 лет. Отец троих детей, А.Ж. попал за решетку, но через несколько месяцев был выпущен под контроль юридических органов. Он спокойно и даже радостно отпраздновал Новый год со своей семьей, в то время как два десятка семей соvrращенных детей не получили никакой сатисфакции.

В процессе дознания мальчики 12–13 лет сознались, что вынуждены были молчать обо всех этих темных делах, боясь исключения из школы и из чувства стыда. Потом, когда они начали рассказывать о многочисленных актах садизма, которым их подвергал директор, у следователей волосы встали дыбом. «Мы думали, что родители нам не поверят», — говорили несчастные мальчишки, оправдывая свое долготерпение и молчание.

Как и другим «избранным» директором, Жюльену пришлось несколько раз пройти «комнату пыток». Вечером, как только остальные преподаватели расходились по домам, директор по очереди распределял наказания ученикам, которые, по его мнению, «плохо себя вели». По его выбору дети могли на весь уик-энд остаться запертыми в совершенно пустой школе или проделать определенные операции в душевой директора колледжа, смежной с его кабинетом. «После того как мне пришлось несколько раз по приказанию директора помастурбировать под душем, —

рассказывал Жюльен, — руководителю школы этого показалось мало. Он потребовал, чтобы я сам выбрал инструмент для своего исправления: нечто вроде острой отвертки или тяжелого молотка, с помощью которых он мучал меня, заставляя заниматься сексом».

А.Ж. страстно любил бег трусцой. И в это полезное для здоровья занятие он втягивал своих подопечных. Он уводил с собой всегда одну и ту же группу мальчиков в огромный парк, окружавший колледж, и проделывал там с ними определенные оздоровительные процедуры. По приказу директора школьники должны были играть в мудреную игру под названием «засовывание палой листвы в спортивные шорты своего товарища». Потом доходила очередь и до самого директора, который с удовольствием пополнял запас листвы в шортах своих мальчиков.

А потом были знаменитые вечеринки по вторникам у директора. Там он не скупился на угощения, сладости и на кока-колу, в которую, как вскоре поняли ребята, подливал какое-то лекарство. Как рассказывает Жюльен, наутро, ничего не помня, он просыпался совершенно одетым в своей спальне. Что происходило, пока он спал?

Один из учеников, чьи родители отказались подавать жалобу на господина А.Ж., участвовал во многих таких вечеринках. «Однажды ночью, когда этот мальчик пошел к себе спать, — вспоминает Жюльен, — он сказал, что у него очень сильно болят ягодицы. Он горько плакал. Я спросил его, в чем дело. Он ответил: «У меня умерла мама».

Все эти обвинения, от которых отказывается А.Ж., очень серьезны. Но есть вещи и похуже: отношение к происшедшему епархиального начальства департамента Йонна. Оказывается, еще до начала работы в этом колледже на А.Ж. жаловались родители и других школ. Потом были зафиксированы и другие случаи. И каждый раз многоопытного воспитателя молодежи переводили в другое учебное заведение без всяких серьезных последствий. Святых отцов и здесь больше беспокоила честь мундира, а не страдания маленьких мучеников, которые наложили неизгладимую порочную печать на их здоровье и душевный мир.

**По материалам зарубежной прессы
подготовил
С.ТОЛКАЧЕВ**

Фото из журнала «Нувель обсерватор»

Негры российского баскетбола

Виктор ПУГАЧЕВ

«**Н**е прикупить ли нам Джордана?» — этот вопрос любым человеком, хоть мало-мальски знающим сегодняшний баскетбол, воспринимался бы как шутка. Но если б этот вопрос вы повторили совершенно серьезно, то реакция была бы категоричной: пригласить пусть и закончившего свою карьеру в НБА, однако все равно лучшего баскетболиста Америки, читай — мира, в любой наш клуб — это же бред собачий!..

Но это вчера. Не сегодня. А сегодня харьковский клуб ТИИТ абсолютно серьезно вынашивает именно эту идею. Да что там идею! — харьковчане отправляют Джордану факс, зондируя возможность его выступлений в составе их команды. И все это воспринимается как должное. Ну, почти как должное.

А с другой стороны, киевская женская баскетбольная команда «Динамо» еще вон когда заполучила чернокожую американку Медину Диксон. И та, не успев акклиматизироваться, в матче 1/8 Кубка европейских чемпионов принесла киевлянкам всего тринадцать очков. Зато сами они в ее присутствии сыграли так, что обошли в следующем круге розыгрыша Кубка московский ЦСКА — лучшую команду СНГ, а теперь лучшую в России. Кстати сказать, армейским баскетболисткам урок пошел впрок: вскоре Медина Диксон играла уже в составе ЦСКА.

...Но поговорим о мужском баскетболе. В частности, о московском «Спартаке». Здесь смотрели на вещи трезво, считаясь с реальностями. И не замахивались, в отличие от харьковчан, на баскетбольных звезд класса Джордана. Дело в том, что в США существует не только знаменитая НБА, но есть еще и НСА — студенческая лига. Она мало в чем уступает самой НБА и, уж во всяком случае, является ее постоянным и самым ближайшим резервом. Так вот, мос-

ковские спартаковцы обратили внимание именно на команды НСА. И теперь в составе «Спартака» появилась «славная парочка»: выходцы из команды колледжа в Провиденсе, чернокожие баскетболисты — центровый Стив Райт и нападающий Тони Тернер. Чуть позже к ним присоединился еще один игрок из США — Чак Эвансон.

Возникает вопрос: почему не именитые ЦСКА или «Динамо», а недавний новичок высшей лиги «Спартак» стал пионером привлечения в наш баскетбол американских профи? Ответ лежит, скорее всего, в личности и методах тренера московского «Спартака» — Сергея Селиванова.

Много лет он проработал в детско-юношеской спортшколе Тимирязевского района Москвы. Сколько прошло через его школу юных баскетболистов — и не сосчитать! Многие именно он открыл дорогу в большой спорт. Не найти, наверное, в России, а в Москве уж точно, команды, в которой бы не выступали воспитанники Селиванова. Выступали уже в ранге мастеров.

Никто не удивился, когда Сергей Селиванов стал главным тренером нового «Спартака». Он взял команду из первой лиги и вывел ее в высшую. При том, что руководителем команды является не кто иной, как его тезка Попов — еще недавно один из лучших мастеров нашего баскетбола, неоднократный чемпион страны, отыгравший и в Турции, где тоже был не из последних. И хотя чином Попов вроде бы повыше (генеральный директор баскетбольного клуба «Спартак»), чем его бывший учитель в спортшколе, тем не менее непосредственно с командой работает Селиванов.

Контакт между двумя Сергеем оказался, похоже, полным. На их новый «Спартак» болельщик пошел сразу. Впрочем, это неудивительно. Само название команды имеет некую притягательную силу — вспомним популярность футбольного «Спартака»

В игре форвард «Спартака» Тони Тернер

во все времена. Правда, баскетбольные фаны не столь неистовы, как футбольные. Но команду свою любят не меньше и матчей ее не пропускают.

И, конечно же, именно в этой команде должно было произойти новое явление — участие в русском баскетболе американских профи.

...В УСЗ (универсальном спортзале ЦСКА), где «Спартак» арендует несколько помещений, а на главной арене еще и выступает в официальных матчах на правах хозяина, мне удалось перекинуться несколькими фразами с чернокожим игроком Тони Тернером. Его американских коллег — Стива Райта и Чака Эвансона в этот день в зале не было. Последний уехал в Штаты — он еще не закончил учебу в Провиденсе и помчался «подчищать хвосты» у себя в колледже. Тренер Селиванов считает, что Чак обязательно вернется в «Спартак».

Как в наше смутное, трудное для спорта время платить этим профи? И чем же еще, кроме выгодного контракта, можно их привлечь?.. Недавно закончивший колледж все в том же Провиденсе, двадцатидвухлетний Тони Тернер успел попробовать себя в Италии и Греции, где были готовы заключить с ним контракты, а вот поди ж ты — выбрал московский «Спартак»!.. Сам Тони объясняет это откровенно: его не устраивали суммы контрактов, которые предлагали на Апеннинах и на земле Древней Элла-

ды. И когда в далекой, заснеженной России предложили больше, он согласился. О чем ни разу не пожалел.

С его точки зрения, в нашем баскетболе все идет нормально. Его даже не смущает, что некоторые календарные матчи приходится играть в малых, по существу, тренировочных залах — вроде динамовского на улице Лавочкина. Хотя Тони признал, что в подобном зальчике ему прежде доводилось играть разве что в детстве.

В общем, содержание ответов моего немногословного чернокожего собеседника можно было бы уместить в знаменитое американское «О' кей!» Поэтому мои коварные вопросы и расспросы пришлось на долю Сергея Селиванова.

Сергей хоть и вышел из детских тренеров и не похож на хитреца, оказался все же не так прост. На мое недоумение: неужели заработки американцев, которые они могли бы иметь у себя на родине, можно сравнить с теми, что им предложил «Спартак?», Селиванов сказал: «Видимо, можно, раз приезжают и играют». И это все, чего я добился в ответ на свой вопрос.

Пожалуй, мы начинаем овладевать коммерческими навыками, если люди спорта, далекие от бизнеса, научились добывать деньги, достаточные для оплаты американцев. Правда, молодой команде «Спартак» помогли в МГФСО — Московском городском

физкультурно-спортивном объединении.

— И все же, кто бы вас ни опекал, кто бы ни платил деньги заокеанским «варягам», но то, что могут заработать американские баскетболисты у нас, едва ли соизмеримо с тем, сколько они имели бы у себя или в других богатых странах? — снова подобрался я к теме оплаты.

— Разумеется, пригласить к нам и оплачивать Майкла Джордана — затея просто несерьезная! — пояснил Селиванов. — Но в США столько сильных игроков, что их хватит на половину всего баскетбольного мира. Поэтому немало их выступает за пределами своей родины. Так чем же мы хуже других, почему не можем пригласить этих больших мастеров поиграть у нас? Конечно, материальные требования у них повыше, чем у наших спортсменов, и их приходится выполнять. Но не стоит думать, что американцы достались нам за какие-то фантастические суммы. Я, естественно, не стану называть размер их зарплаты, но поверьте, что эти деньги не пробили брешь в бюджете нашего клуба. Не будем заглядывать в чужой карман. Раз американцы приехали и выступают за нашу команду, значит, наши условия их устраивают.

— Большим местом нашего баскетбола стало отсутствие на матчах зрителей. Даже лидеры играют при полупустых залах. Изменило ли участие

американцев в играх нашего чемпионата эту безрадостную картину? — поинтересовался я.

— В значительной степени, — подтвердил Сергей Селиванов мои предположения. — Мало того, интересней стал сам спартаковский баскетбол: с появлением чернокожих партнеров наши спортсмены явно прибавили в игре. Теперь результат наших встреч с любым противником, даже с лидерами чемпионата, предсказать мало кто решится. А зритель пошел на матчи — ведь кому же не интересно посмотреть заокеанских игроков не по телевидению, а так сказать, живьем. Большое внимание получил «Спартак» и во время турне по США — американские журналисты буквально не давали прохода ни нам, ни нашим черным коллегам. И это только начало. Сейчас контрактами «Спартака» с заокеанскими баскетболистами занялся опытный агент из США, работавший еще со знаменитым Александром Волковым — одним из наших первопроходцев в самой НБА.

...В отделе баскетбола Российского спорткомитета мне сообщили, что целый ряд наших тренеров снаряжает гонцов за океан. Так что в новом сезоне, скорее всего, зрители нашего чемпионата окончательно перестанут удивляться участию в нем темнокожих игроков с родины баскетбола.

Уважаемые подписчики журнала «Столица»!

Только для Вас Центр лазерной терапии проводит высококвалифицированное медицинское обслуживание с применением последних достижений науки и техники с 20-процентной скидкой оплаты за лечение.

ТЕРАПИЯ:

- острый инфаркт миокарда,
- ишемическая болезнь сердца,
- окклюзионные заболевания сосудов ног,
- язвенная болезнь желудка и двенадцатиперстной кишки,
- неспецифические заболевания легких.

АРТРОЛОГИЯ:

- ревматоидный артрит,
- деформирующий остеоартроз и др.

НЕВРОЛОГИЯ:

- невралгия тройничного нерва,
- неврит лицевого нерва,
- дисциркуляторная энцефалопатия и др.

ОТОРИНОЛАРИНГОЛОГИЯ:

- острые и хронические воспалительные заболевания ЛОР-органов.

ДЕРМАТОЛОГИЯ:

- нейродермит,
- экзема,
- красный плоский лишай,
- трофические язвы, псориаз.

УРОЛОГИЯ:

- хронический простатит,
- импотенция и др.

ГИНЕКОЛОГИЯ:

- функциональное трубное бесплодие,
- хронический сальпингоофорит и др.

СТОМАТОЛОГИЯ:

- пародонтоз,
- афтозный стоматит,
- десквамативный глоссит,
- герпетический стоматит и др.

Адрес: Москва, 1-я Сокольническая, 8 (м. «Сокольники»). Тел. 269-43-54. Предъявите квитанцию о подписке на «Столицу» на 1994 год, и лечение Вам обойдется на 20 процентов дешевле!

Консультации по диетотерапии при различных заболеваниях бесплатно. Тел. 269-43-54 с 10.00 до 15.00, Валентин Николаевич.

НИКАКИХ ТЕЛЕВИЗОРОВ

НИКАКИХ КОНСЕРВАНТОВ

НИКАКИХ ЖВАЧЕК

НИКАКИХ ЕСЛИ

НИКАКИХ СЛЕЗ

КАКИЕ ЗАПРЕТЫ В 6 ЛЕТ?

Не сердите Эдиту: она может растолстеть

ГРИГОРИЙ КУЗЬМИН

Эдита Пьеха родилась на севере Франции. Когда ей исполнилось девять лет, переехала вместе с семьей в Польшу. С золотой медалью окончила педагогический лицей и была направлена на учебу в Советский Союз. Выбрала Ленинградский университет, отделение психологии философского факультета. Там и свела ее судьба с А.А.Броневицким. Эдита стала его женой и солисткой ансамбля «Дружба».

Из подробностей личной жизни. Имеет дочку Илону, которую хорошо знают любители эстрадной песни. Проживает в центре Санкт-Петербурга рядом с Октябрьским концертным залом. Вместе с ней живет ее внук, тринадцатилетний Станислав. Внучка Эрика живет с

родителями своего отца. Недавно появился еще один член семьи — французский бульдог Вилли.

Из подробностей творческой жизни. На профессиональной сцене уже 37 лет. Нарушив этикет советской эстрады, требовавший петь не сходя с места, первой сняла микрофон со стойки. Первой и пока единственной из наших эстрадных певиц дважды была удостоена чести выступать на сцене парижской «Олимпиады». Первой из наших артистов оказалась на подмостках знаменитого «Карнеги-холла». Первой полетела в Афганистан. Удостоена многих орденов и почетных званий, в том числе — первой среди женщин — звания «Почетный гражданин России».

— Ваше детство прошло во Франции, отрочество — в Польше, с юности по сей день вы живете в России. Человеком какой национальности вы себя ощущаете?

— Я не признаю слова «национальность». Оно какое-то механическое, формальное. Конечно, я полька. Но это, скорее, происхождение. Я не знаю своей родословной — моим родителям было не до этого. Отец умер от силикоза, когда мне было четыре года. Потом умер брат — от туберкулеза. Все потому, что они работали в шахтах. Мы очень бедно жили.

— Бедная шахтерская семья... Откуда же у вас такая статья королевская?

— А вы знаете, у моей мамы девичья фамилия была Королевская. И мама умела быть королевой. Если бы она попала на какой-нибудь прием во дворец, держалась бы достойно. Потому что это в крови у поляков. Можно быть чернорабочим, но не из книжки узнать, что ты человек, а ощущать это. Это не аристократизм, а достоинство.

— А вам знакомо чувство неприязни к человеку другой национальности?

— Чувства неприязни ни к кому нет, но вот немцы, например, для меня чужие по своей природе. Мне не нравятся их запрограммированность, расчетливость. Даже их пунктуальность. Наверное, потому, что я сама не в ладах со временем. В Германии мне к утренним съемкам приходилось с вечера готовиться. Я раскладывала: чашку — сюда, ложечку — туда, кипятильник — чтобы оставалось только включить... Чуть ли не рисовала себе маршрут, чтобы не опоздать... Я рассеянная. Могу бежать в ванную, по дороге увидеть, что розы завяли, — возьму их, подстригу, отнесу в другую комнату... И уже забуду, что мне надо было в ванную.

— Вы не устаете от публичности своей жизни?

— Моя личная жизнь занимала очень маленькое место в той жизни, которую я прожила. И если бывала достоянием публики, так только доброжелателей. А врагам недостаточно было информации, чтобы иметь возможность желчь извергать.

— Неужели вы никогда не дали повода для злословия?

— У меня было слишком мало времени, чтобы нашуметь скандалами, — некогда. И я стараюсь избегать острых ситуаций. К примеру, я знаю, что не каждый швейцар в гостинице любит артистов. И знаю, что любую незначительную перепалку можно превратить в скандал. Поэтому стараюсь сглаживать углы. Вот такая история, например.

С братом. Эдите — 2 года. Фото из семейного архива

Естественно, у меня, как у каждого артиста — мы, по-моему, родились с этим, — кипятильник, плитка, кружка, ножик... Но электроприборами пользоваться в гостинице не положено, поэтому, уходя из номера, кипятильники прячем. Это вроде игры — все работники всех гостиниц знают, что у артистов всегда есть кипятильники, но делают вид, что не знают этого. Но и мы должны соблюдать правила игры — не забывать прятать... И вот однажды (кстати, это было в Москве), такая попалась горничная вредная — она залезала ко мне

в чемодан, и я оставалась без кипятильника. Каждый день приходилось покупать новый. Благо он тогда стоил два рубля... Но молча все это переносила. Как-то я возвращалась после концерта и еле несла цветы — так было много. Иду, счастливая, и чувствую огромное желание с кем-то поделиться этими цветами, радостью своей... Навстречу женщина — ну, думаю, вот с ней я и поделюсь. И вдруг вижу, что это та самая горничная, которая меня обижает все время... Но я решения своего не изменила. У меня самые мудрые решения всегда от

чувств идут, а не от разума. Даю ей половину цветов: «Это — вам». И вся сияю... И это мое сияние оказалось сильнее ее озлобленности. Она расплакалась: «Я же столько кипяточков у вас отняла...» Но все-таки я убедил ее взять эти цветы, она поплакала, потом принесла все кипяточники. Оказалось, этой издерганной, усталой женщине так необходима была капелька человеческого внимания, тепла.

— **А как вы относитесь к своим поклонникам?**

— Мне больше нравится слово «почитатели», а отношусь я к ним, как к обычным людям. И если после концерта стоит сто человек или двести — просят автограф, я буду стоять и писать. Даже если дома меня ждут гости... Мои почитатели идут вместе со мной по жизни. Они взрослеют, выходят замуж, женятся, потом приходят на концерт с детьми... Я живу в семейных альбомах этих людей...

А когда в 1987 году наш Ленинградский обком отверг предложение присвоить мне звание народной артистки СССР к тридцатилетию творческой деятельности, мои почитатели завалили возмущенными письмами обком, Министерство культуры, даже ЦК... И меньше чем через год звание все-таки дали. Вынуждены были дать — устали читать письма... Так что можно сказать, мне это звание присвоили мои почитатели.

— **Зачем вам нужно было это звание, за которое даже денег не платили?**

— Это была формальность, конечно, но формальность необходимая. Звание — это знак того, что ты причастен к высшей касте в искусстве. У нас это выражалось не в материальном благополучии артиста, а в этом звании. Пропев 30 лет при аншлагах, в любой западной стране я бы имела миллионы, если не миллиарды, на счете в банке. А в нашей стране я имела 25 тысяч на книжке, когда справляла тридцатилетие творческой деятельности.

— **И тем не менее вы человек обеспеченный?**

— Где она — моя обеспеченность? Я не бедная, конечно. Дорогих пиროжных купить могу... То есть живу нормально, но только пока имею работу. А если мне не будут предлагать выступать, придется придумать... Правда, я многое умею делать. Не пропаду. Могу быть гримером, парикмахером, могу быть консультантом в дорогом салоне одежды... В конце концов могу быть менеджером у какого-нибудь молодого артиста и помочь ему стать очень известным.

— **Вам приходилось когда-нибудь выполнять «социальный заказ»?**

На Московском фестивале молодежи и студентов. 1957 г.

ВАЛЕНТИН ХУХЛАЕВ

В Доме звукозаписи. 1964 г.

ВАЛЕРИЙ ГЕНДЕ-РОТЕ

С А.Броневицким и дочерью Илоной. 1971 г.

ВАЛЕРИЙ ГЕНДЕ-РОТЕ

ВАЛЕРИЙ ГЕНДЕ-РОТЕ

— Нет, «заказных» песен я никогда не пела. Ни одной.

— **Видимо, поэтому вам звание *вовремя и не дали.***

— Зато я пела «Огромное небо», «Балладу о хлебе», «Балладу о Тане Савичевой», зато я «День Победы» спела через столько лет, после всех, но иначе, чем все. У меня эта песня начинается тихо, под гитару, как размышление, как горькое воспоминание война-ветерана. Как будто он, перелистывая старые фотографии, вспоминая друзей, думает о том, кто из них жив, кого уж нет... И только потом, постепенно песня набирает силу и — финал. Это уже День Победы на Красной площади. Впервые я эту песню спела в Будапеште, где наших воинов захоронено, наверное, больше, чем живет людей в нынешнем Будапеште. Тогда, слушая эту песню, плакали военные, на слезу не очень щедрые, плакали матери, приехавшие на могилы своих детей.

...Выходя на сцену, я каждый раз отдаю себя всю, до последней клеточки, я делюсь со слушателями всем, что есть у меня в душе. И мне верят, меня понимают. А это огромное счастье для артиста...

— **Эдита Станиславовна, а если бы вы не встретились в свое время с Броневицким...**

— Стоп. Я сразу вас перебею, потому что слишком часто мне говорят об этом. Да, конечно, он очень мне помог в начале творческого пути. Но думаю, что Броневицкий тоже не стал бы Броневицким, если бы мы не встретились.

— **Он имел на вас большое влияние?**

— Да, он был властный человек. И даже какой-то гипнотической силой обладал. Как-то он, рассердившись, сказал: «Ты по-английски никогда не будешь говорить. Тебе это незачем». И все — имея явные способности к языкам, я даже не пыталась заняться английским. Во мне засело это «никогда», как приказ. Но выяснилось, что как артистка я совершенно не поддаюсь дрессировке, и Броневицкий пустил меня на самотек. Поэтому наши отношения в творчестве складывались таким образом — когда ему что-то не нравилось, он говорил: «Ты это делаешь очень плохо, ужасно. Ты некрасивая. Ты выходишь на сцену, как каракатица». И я садилась и думала — как сделать лучше и как не быть каракатицей. Изучала биографии кинозвезд, училась гриму по фотографиям Лоллобриджиды, читала мемуарную литературу...

Но это было позже. А начиналась наша «Дружба», то есть моя работа в ней в качестве солистки, с того, что Броневицкий записал и аранжировал

те 10—20 польских и французских песен, которые я знала с детства.

И вот в новогоднюю ночь с 55-го на 56-й год я вышла на сцену Ленинградской консерватории (а в зале, между прочим, сидели профессора), вышла, как была — в стоптанных туфлях, старой юбочке, — и спела польскую песенку о красном автобусе. Успех был такой, что бисировать ее пришлось четыре раза...

Очень быстро наш ансамбль стал известен в Ленинграде, записали первые пластинки, на Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве «Дружба» получила золотую медаль. После этого уже началась профессиональная работа.

— **А акцент у вас на самом деле был или вы его использовали как элемент имиджа?**

— Имидж... Таких слов в то время не было. А акцент был супернатуральный. Я тогда знала всего около сотни русских слов. И, конечно, произносила их на польский манер: «Говорю тебе люблю». Критики меня за это без конца ругали... Но благодаря этому я научилась сносно говорить по-русски, как видите. И горжусь этим.

— **Вы любите читать мемуары. Что вы там ищете?**

— Это мои университеты жизни. Меня завораживает жизнь людей, которые шли и добивались своего в искусстве. Я хочу знать, как они работали. Эдит Пиаф, Марлен Дитрих, Айседора Дункан — что они делали, чтобы найти себя, свой образ, как теперь говорят, имидж. Это ведь только сейчас многие его просто покупают.

— **Как покупают?**

— Очень просто. Возьмут вас, нарисуют лицо, парик подберут или стрижку сделают, посадят на диету. Запишут шикарные фонограммы... Вам останется только рот открывать.

А меня интересуют настоящие артисты, личности. Я прочла не одну книгу о жизни оперных певцов. Мне было интересно, как они распевались, какой голосовой режим соблюдали, что делали, чтобы выкопать, вынуть из себя максимум того, что природа дала... Разные бывают таланты... Есть артисты, которым от Бога дан голос, но не хватает артистизма, вкуса. Мне ближе поющие артисты, какими были Утесов, Шульженко... Шульженко великолепно владела своим голосом, хоть он и небольшой был. Пугачевские трактовки мне нравятся. Ей и в техничности не откажешь... К Вике Цыгановой, например, можно по-разному относиться, но это человек безусловно талантливый. Это личность. Или Аллегрова... Это артистки, которые, я думаю, знают, где находится филармония, кто такие Гайдн, Ра-

С академиком П.Л.Капицей. 1978 г.

37-й концертный сезон. 1994 г.

ВАЛЕРИЙ ГЕНДЕ-РОТЕ

вель, Мусоргский.

— А имели ли вы отношение к формированию певицы Илоны Броневичкой?

— Моя дочь — очень самостоятельный человек. Французская школа — это единственное, в чем я принимала участие. Потом я уже была лишней. Даже на выпускной вечер она меня не пустила. Сказала: «Ты не пойдешь, потому что все будут смотреть на тебя, а не на нас». Я была очень огорчена. О том, что она собирается поступать в театральный институт, уз-

нала за четыре месяца до этого выпускного вечера. Я никогда не вмешивалась в ее жизнь. Только сказала: «Как постелешь себе, так и выспишься. Делай, что хочешь. Но когда тебе будет плохо, приходи ко мне. Я тебе помогу». И наши взаимоотношения складываются по этому принципу. Она приходит ко мне, когда трудно. Двери для нее всегда открыты. А когда у нее все хорошо, она может и забыть позвонить... Но я горжусь ее силой воли, ее самостоятельностью. Илона — сложившаяся личность, ко-

торая знает, зачем живет.

— Ваши сценические костюмы всегда вызывали восхищение публики. Кто придумывает ваши платья?

— Сейчас я работаю с художником Нонной Меликовой. Даю ей записанную на кассету программу, к которой она должна придумать костюм. А потом я должна свои песни «втиснуть» в те образы, которые она придумала. Я не надеваю платье только потому, что оно модное. И мне смешно, когда артистки выходят на сцену, например, в перчатках только потому, что перчатки сейчас в моде. Или темные очки... Впрочем, это как раз понятно — когда глаза пустые, их лучше закрыть очками.

— Вы слишком строги. Все-таки эстрада, не претендующая на высокое искусство...

— Почему это не претендующая? Я не ставлю Эдит Пиаф или Вяльцеву ниже Марии Каллас. Просто не надо сравнивать сахар с перцем и пытаться выяснить, что лучше. Так и искусство — оно не бывает высокое и низкое. Есть искусство. А есть неискусство. И есть люди, сообразившие, что можно зарабатывать деньги, выходя на сцену. Такой была, например, группа «Ласковый май», которую я обычно называла «Майский лай». Такие люди очень хорошо разбираются в бизнесе, но к искусству это не имеет никакого отношения.

— Мы знаем вас около 40 лет. А вы все такая же — стройная, красивая. Как вы поддерживаете форму?

— Стараюсь ежедневно ходить пешком, всегда — на гастролях, дома. И неплохо — даже специалисты говорят — играю в бадминтон. Спорт для меня — это необходимость, чтобы не выползать на сцену, а выходить.

— В своих интервью вы обычно даете какие-то рекомендации по системе питания. Кстати, что это мы пьем такое вкусное и интересное?

— Это меня в Болгарии научили. Мне немало пришлось поездить по жарким болгарским дорогам на гастролях... Когда устанешь и спать хочется, надо пить растворимый кофе с холодным тоником, кока-колой или просто минеральной водой — сразу просыпаешься и становится прохладно. Вот этот напиток вы сейчас и пьете.

— Но мы еще и пирожные едим. А как же ваша знаменитая диета?

— Сладкое я ем, когда очень устану, понервничаю. Когда мне плохо. Так что не расстраивайте меня — я могу стать толстой. Но вообще-то я не позволяю себе расстраиваться и раскисать, и потому вся моя жизнь — это диета.

Наталья ЛОГИНОВА

Первым делом, первым делом вертолеты...

**«Черная акула»
ЦСДФ, Госкино РФ,
к/ст им. Горького,
реж. В.Лукин**

Сие кино я смотрел, рыдая от умиления и ностальгии. Еще бы! Лицеизречь не просто старое доброе советское кино, а снятое сегодня, но со всей атрибутикой «вчера». Это сказка, это песня, как говорит мой друг Саша Киселев. О, эти незабвенные лощеные цэрэушники, коварно плетущие свои заговоры в тени роскошных кабинетов, с высокими стаканами в руках, в которые налито не иначе как знаменитое виски с содовой. О, эти источающие азиатское коварство под медоточивыми улыбками душманы, чуть что втыкающие своим проштрафившимся подручным ножи в спину. О, эти хамовато-жестокосердные и рэмбообразные американские агенты, одной рукой пакостящие миру и демократии, а другой ногой вляпавшиеся в наркобизнес. О, эти родные до слез русские лица храбрых портняжек из спецназа, идущих в последний и решительный в чужую страну и вздыхающих на привале о старушке-маме и поспевшей под Рязанью картошке. А над всем этим эпическим полотном а-ля Проханов гордо реет буревиственник, черной молнии подобный (то есть главный герой фильма — боевой вертолет Камова, который американские империалисты в бессильной злобе прозвали «Черной акулой»). И нет Ка-50 преград на суше и на море. И крушит он сверху, при поддержке спецназа снизу, всю эту американско-душманскую нарковаль, блестя огнем, сверкая блеском стали. Естественно, малой кровью и на чужой территории. И вскипает, как ярость благородная, скупая мужская слеза от переполняющего чувства гордости за легендарную и непобедимую. И хочется жить и работать, как завещал великий. И чтоб от Москвы до самых до окраин как хозяин. И чтоб Союз нерушимый навеки скрепила

великая Русь!
Бог ты мой, куда же это меня занесло вместе с фильмом и «Черной акулой?»
Пора вернуться на грешную и рыночную землю. К рекламным титрам, которые сопровождают весь фильм. В них — название фирмы Камова, факс и телекс. Желаете пару «Черных акул»? Звоните. Но помните: мы рваный рубль не берем! Впрочем, это, кажется, из другой песни.

Петр СМЕРНОВ

Комедия об одиноких депутатах

**«Союз одиноких
сердец»
Театр им. Ермоловой,
реж. В.Андреев**

Как вам понравится такой незатейливый сюжет: муж, презираемый женой-феминисткой, кандидаткой в депутаты Крыжопольской Городской Думы, поднимает бунт и организовывает собственную избирательную кампанию? Мимоходом он соблазняет (о, исключительно морально!) всех соратниц своей супруги по партии. И в конце концов выигрывает бой. Стеб в духе времени, милая и смешная однодневочка по пресе Л.Зорина, которую в кайф играть актерам. Это очень заметно, так как спектакль идет в малом зале, а зрителей вконец развеселившиеся персонажи в финале вытаскивают на сцену танцевать. Конечно, у серьезного театроведа или утонченного зрителя-эстета этот спектакль вызовет в лучшем случае недоумение. Солодные люди, уважаемый театр, и что они дурью маются? Но ведь еще Станиславский с Качаловым не считали зазорным польку-бабочку станцевать на капустниках МХТ. Владимир Андреев очень тонко чувствует, чего не хватает сегодняшнему зрителю. А не хватает нам здорового смеха, легкой мелодраматической грусти (название-то какое: «Союз одиноких сердец»). Да и хеппи-эндов не хватает. По крайней мере, в театре. Так что на зрительский успех этот спектакль обречен.

Сцена из спектакля «Союз одиноких сердец»
Бессмертная — В.Иванова, Женихов — В.Андреев

А если еще принять во внимание, что главную роль играет по-прежнему блистательный Владимир Андреев, можно смело проводить вечер культуры (большой актерской культуры) и отдыха (полноценного) в Ермоловском театре.

Елена САСИМ

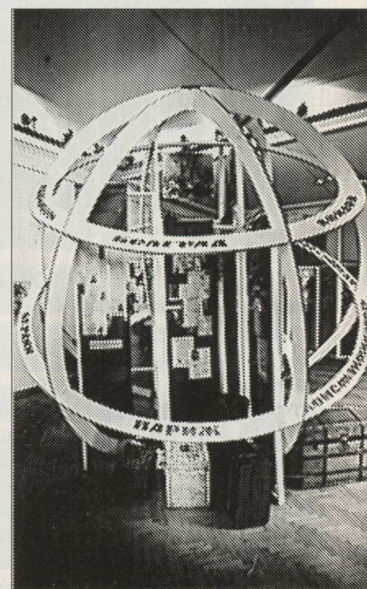
Конец калининианы

**Постоянная экспозиция
«Пути и судьбы
русской эмиграции»
Филиал музея Революции**

Все дороги ведут в Рим. Судьбе было угодно, чтобы пути русской эмиграции привели ее не куда-нибудь, а в бывший музей всеосозного старости. Калининiana уступила место документам совсем другого свойства. Теперь здесь и рукописный подлинник воспоминаний русского офицера, принимавшего участие в защите Зимнего, и программа вечера 1930 года «Алло, блины» Шанхайского общественного собрания, и расписки М.Цветаевой, П.Струве, З.Гиппиус в получении денег от Комитета помощи русским писателям. В изобилии представлены газеты, в том числе «Сатирикон», юмор которого напоминает старую присказку: «Мы рождены, чтоб Кафку сделать былью». Даже сейчас не особенно весело становится от шуток типа: «Ищу работу. Прихожу на дом. Агент ГПУ». Выставка

знакомит с самыми разными идейными течениями эмиграции: сменовеховцами, евразийцами, Русской православной церковью... Только вот что странно: в музее, кроме старушек-смотрительниц, никого. Что это — отсутствие рекламы или просто схлынула волна интереса к нашей возвращенной истории? А может быть, дело еще и в том, что, сменив экспозицию, музей не смог зажечь новой жизнью и дух в нем остался прежний. Изменилось время, изменилась тематика, но в оформлении выставки чувствуется старая стилистика и старый почерк.

Марина ШУКИНА

Сцена из спектакля «Волки и овцы». Мурзавецкая — Л.Полякова, Аполлон — А.Коршунов, Чугунов — В.Коршунов

За чем пойдешь, то и найдешь

«Волки и овцы»
Малый театр,
реж. В.Иванов

Мастера Малого театра показали широкому зрителю свою новую работу. Что сказать об этом глубоко национальном, испoенном соками почвы искусстве? Что перспективно написанные на заднике сосны были бы еще больше похожи на настоящие, если б их размер как-нибудь соотносился с пропорциями сцены? Что, побеседовав с расстановкой, чувством и толком, и впрямь не худо поднапустить для потехи какой-нибудь скабрзности — пощупать, скажем, по ошибке колени безобразной тетки Анфусы, а не аппетитной вдовы Купавиной? Что внезапное вторжение в декорацию четвертого действия ориентальных мотивов, для которых текст Островского вроде бы не дает никаких оснований, — есть смелое переосмысление первоисточника и дальнейшее плодотворное развитие принципов сценического реализма? Что добрые традиции русского театра, никак не увядающие в стенах «дома Островского», заключаются в следующих признаках персонажей: хитро поглядывающий — это плут Чугунов, быню притоптывающий — это охальник Горецкий, неловко путающийся — это увальня Лыняев, грузно пыжащаяся — это ханжа Мурзавецкая, прицельно шурящийся — это хват Беркутов и т.д.? Что, в сущности, названным действующим лицам и их исполнителям вообще нет нужды творить, выдумывать, пробовать, ибо золото на белом в сочетании с рдяным

так действует на воспринимающие центры публики, что аплодисменты извергаются ею, словно слюна из фистул павловских собак? Что, наконец, Малый театр, который не без причин издавна считается прибежищем рутины и ретроградства, теперь счастливо отстал на круг и из арьергарда перешел в авангард, возглавив плотную группу изготовителей кича — искусства, как известно любому рядовому постмодернисту, самого передового? Что за чем пойдешь, то и найдешь, что правда — хорошо, а счастье — лучше, что не все коту масленица, сердце не камень,

а повторение — мать (заметьте, что не отец) учения?

Михаил СМОЛЯНИЦКИЙ

А как у вас с жизненным опытом?

Пластинка «Are You Experienced?»
Группа «The Jimi Hendrix Experience»

На вопрос, поставленный в названии диска, приходится вежливо ответить: «Спасибо, так себе». Какой там, в самом деле, опыт, если музыка середины века доходит до нас только к его концу? Можно себе представить, какой эффект произвел бы этот диск, выйди он у нас в стране своевременно, даже с задержкой, скажем, года на два, на три. Хоть маленьким тиражом, хоть «по заказу Общества филофонистов», как «Картинки с выставки» Мусоргского в исполнении Эмерсона, Лейка и Палмера... Говорят, Элвин Ли, солист ансамбля «Ten Years After», когда при нем кто-то заикнулся насчет расовой принадлежности великого Хендрикса, выпучил глаза и, хватив кулаком по столу, заорал дурным голосом:

«Хендрикс — не черный и Хендрикс — не белый, Хендрикс — это Хендрикс!» Вот уж что верно, то верно. Припоздавшая пластинка сама по себе не из самых сильных работ достославного Джимми — дебют как-никак. Но по ней уже ясно видно, кто есть кто. Если всего три человека способны сыграть так, то ясно — один из них работает за троих-четверых. И ясно кто.

Что в итоге? Мы стали богаче на один жизненный опыт — Джимми Хендрикса. Вот только кого нам за это благодарить, не вполне ясно: ни на конверте, ни на самом диске нет никаких указаний на то, кем данная пластинка выпущена, за вычетом разве что тщательно замазанной (но все же различимой) полидоровской эмблемы на лицевой стороне обложки. Зато — о, чудеса полиграфического репродукцирования! — всеми цветами радуги сияет наклейка, бог весть когда, кем и по какому поводу прилипавшая на пластинку-оригинал: «special price», то бишь «специально сниженная цена», свидетельство какой-то давнишней распродажи... Тоже какой-никакой жизненный опыт.

ВЕРА ЗУБАРЕНКОВА

Хенрик ИННЕС

Дневник У.

Искусство - «пробное клеймо цивилизации, жизненная энергия нации», считают англичане. Поэтому неудивительно, что именно в Англии появились первые аукционные дома, торгующие произведениями искусства. Они и сейчас остаются в мире самыми крупными. Это Кристис и Сотбис (Sotheby's), который отметил в нынешнем году свое 250-летие.

Долгая дорога в Россию

Первые торги, проведенные 11 марта 1744 года, носили другое имя, и на них были выставлены только книги. Сэмюэл Бейкер представил публике библиотеку «высокочитимого сэра Джона Стэнли, насчитывающую несколько сот ценных книг из самых разных областей изящной словесности», которая была продана за несколько сот фунтов стерлингов. За два с половиной столетия выросли не только цены, но и размах деятельности аукциона, и его престиж в мире. Бейкер едва ли узнал бы свою фирму, окажись он сегодня на Нью-Бонд стрит в Лондоне, тем более узнай, что созданный им аукционный дом торгует не только книгами или произведениями искусства, но и любыми редкостями — от уникальных гоночных машин и космических скафандров до плюшевых медвежат, принадлежавших поп-звездам XX века. Неизвестно, как он отнесся бы и к одному из последних аукционов, на котором был выставлен архив знаменитого шпиона Кима Филби. Так или иначе, он не остался бы равнодушен к успехам созданного им дела.

Сэмюэл Бейкер был человеком без амбиций и связей. Ему и его преемникам нужно было серьезно думать о репутации своей фирмы и вести дела с определенным щегольством: ведь им приходилось продавать библиотеки таких людей, как герцоги Девонширский и Букингемский, граф Пембрук, скандальный журналист-политик Джон Уилкс или легендарный Талейран. Именно на Сотбис попали те тома, которые Наполеон взял с собой в ссылку на остров Святой Елены.

Коллекционирование в XVIII веке было не менее распространенным явлением, чем сегодня, и все мало-мальски приличные семьи собирали свои библиотеки, а у некоторых людей страсть к приобретению книг превращалась в настоящую манию. Плодом именно такой мании была библиотека некоего Ричарда Ролинсона, которая насчитывала около двухсот тысяч книг. Ее продажа заняла у Бейкера целых пятьдесят дней. Чтобы справиться с такими протяженными и масштабными торгами, Бейкер после двадцати лет единоличного ведения дел пригласил к себе помощника-компаньона Джорджа Ли, который после смерти патрона разделил груз управления фирмой с племянником Бейкера Джоном Сотбис. Так и появилась на художественном рынке фамилия, известная сегодня едва ли не всем в мире. В 1842 году умер последний представитель семьи Сотби, но, как бы ни менялось руководство

Дом, в котором прошли первые торги Сэмюэла Бейкера в 1744 году

аукционного дома, какие бы времена ни переживал рынок, оставалась ли фирма частной или превращалась в акционерное общество, первым в списке владельцев стояло имя Сотби.

К началу нынешнего столетия Сотбис стал признанным лидером книготоргового рынка Англии, включил в сферу своих интересов сначала монеты и медали, а потом и все произведения искусства — антикварные и современные. Фирма расширялась, несколько раз менялся ее лондонский адрес — по мере роста престижа контора переезжала во все более фешенебельные районы, пока в 1917 году не купила особняк на Нью-Бонд стрит, где располагается до сих пор.

Литературу все больше вытесняли живопись, скульптура, декоративно-прикладное искусство. Приходили на работу новые специалисты и эксперты, с каждым из которых связана целая эпоха в истории Сотбис, ибо многие работали тут по нескольким десятилетиям. Среди них был и Питер Уилсон, который первым предсказал взлет популярности (а соответственно и цен) на импрессионистов. Он вышел на пенсию в 80-м году, а до этого больше полувек был

главной фигурой англо-американского художественного рынка. Достаточно вспомнить выставленную на Сотбис в 1958 году коллекцию Голдсмита, куда входили семь самых знаменитых полотен импрессионистов. Впервые со времен Сэмюэла Бейкера было объявлено, что на аукцион следует явиться в вечерних туалетах и смокингах. Среди зрителей в зале были в тот вечер Сомерсет Моэм, Энтони Куин, Кёрк Дуглас и леди Черчилль. Семь картин были проданы за 21 минуту, и аудитория стоя приветствовала величайшие торги века. Был поставлен рекорд для того времени — сумма продаж составила 781 тысячу фунтов стерлингов.

Тот же Питер Уилсон раньше своих соперников понял, что арт-рынок становится международным, и его стараниями в середине 50-х годов офисы Сотбис появились во многих крупных городах Европы и Америки. Наступило время сенсационных продаж и рекордных цен. Вершина 60-х — покупка музеем «Метрополитен» рембрандтовского полотна «Аристотель рассматривает бюст Гомера» за 2 миллиона 300 тысяч долларов — не была превзойдена

Перед торгами в главной галерее Сотбис в Лондоне

в течение 18 лет, пока рынок не потрясла следующая сенсация: тернеровская «Джульетта с няней», проданная за 7 миллионов 40 тысяч долларов. Новые и новые рекорды ставились только для того, чтобы следующие торги превзошли предыдущие по ценам и ценности выставленных на продажу вещей.

В семидесятые годы Сотбис подобно многим фирмам предпочла «выйти в люди», и эта операция оказалась очень удачной, акции неуклонно поднимались в цене. Конечно, они не достигали недавних показателей «МММ», но педанты-англичане были весьма довольны тем, что в 78-м году, к примеру, котировка ценных бумаг Сотбис выросла вдвое. Но в 80-х годах на арт-рынке начался спад, и в 83-м фирма снова стала частной — ее купил американский бизнесмен Альфред Тобман с небольшой группой инвесторов. Сенсации не прекращались. Чего стоил, например, аукцион Сотбис в Женеве, на котором драгоценности графини Виндзорской были проданы за 50 миллионов долларов — в пять раз дороже, чем предсказывали осторожные эксперты. А вот самые недавние достижения: в 87-м году «Ирисы» Ван Гога при стартовой цене 15 миллионов долларов были проданы почти за 54 миллиона, причем торгующиеся прибавляли по миллиону, а в мае 90-го одно из полотен Ренуара было оценено уже в 78 миллионов.

За последние 10 лет оборот Сотбис увеличился в пять раз. Сегодня этот аукционный дом имеет сотню отделений во всех частях земного шара, а общая цифра его продаж за прошлый год перевалила за миллиард долларов. Как и прежде, за два-

Хранилище Сотбис

три дня перед аукционом работы выставляются для публичного обозрения. Причем вход свободный, чтобы желающие могли полюбоваться шедеврами, которые должны перейти из одной коллекции в другую или из музея в частные руки, как недавно случилось с ваноговскими «Подсолнухами» из Лондонской Национальной галереи.

Впрочем, у успехов и рекордов есть и обратная сторона. Торги становятся все более будничным мероприятием, и никто уже не является на них в вечерних туалетах. Лишь наличие среди лотов выдающегося произведения искусства или какая-нибудь скандальная история продающегося наследства способны выз-

вать оживление публики. Аукционная работа поставлена на поток: на разных этажах особняка на Нью-Бонд стрит проходит одновременно несколько выставок и продаж. Искусство здесь, в первую очередь, товар, поэтому никто не вспоминает ни о музейных правилах хранения, ни об экспозиционных принципах. А специалисты, между тем, иногда высказывают сомнения в подлинности произведений. Бывало всякое. Например, в прошлом году на Сотбис продали несколько фальшивок русского авангарда, да и в этом году летний «русский» аукцион вызвал нарекания — уж больно «правильными» были некоторые из выставленных произведений, а коллекция слишком

точно отражала уровень спроса на русское искусство. Хотя Сотбис сегодня — фирма такого масштаба, которой вряд ли повредят подобные упреки. Все можно списать на плохих русских экспертов или на то, что наш авангард начала века слишком легко подделать. Впрочем, сегодня Сотбис — единственная западная аукционная фирма, имеющая русский департамент и проводящая «русские» аукционы. Именно она шесть лет назад кардинально изменила художественную ситуацию и табель о рангах в

ЭДУАРД КУДРЯВИЦКИЙ

Питер Баткин ведет аукцион на Арт МИФе

рыми секретами успеха старейшего английского аукционного дома. Среди них были принцип «стараться выжать деньги даже из камня» и артистизм ведущего торгов, от которого на 50% зависит исход мероприятия. Теперь Баткин регулярно посещает Москву и Петербург, готовя аукцион, предположительно назначенный на 95-й год. По его словам, судьба «настоящего» русского Сотбиса в руках Минфина: работа фирмы строится на четкой юридической основе, а наше законодательство на этот счет весьма туманно, даже несмотря на недавний указ о регулировании торговли предметами старины. Сотбис собирается делать ставку на шедевры из местных частных коллекций, ввезя также небольшое количество произведений из-за рубежа, и надеется добиться налоговых льгот для продавцов и покупателей. Наш дремлющий внутренний рынок сулит Сотбис большие прибыли, ведь «ню рашнз» падки на знаменитые торговые марки и обладают весьма солидными средствами. Местные антиквары трепещут — им придется в грядущей конкурентной борьбе несладко. А пока 250 лет опыта и преодоления трудностей противопоставлены не менее опытной и успешной бюрократической машине, и вскоре станет ясно, войдет ли Россия в империю мирового лидера аукционного дела — фирму Сотбис, созданную в 1744 году Сэмюэлом Бейкером.

Марина КАМИНАРСКАЯ

России, когда долгие годы непризнанные на родине художники проснулись после аукциона знаменитыми. С тех пор мода на перестройку на Западе прошла, Кристис и Филипс закрыли свои русские отделы как неперспективные. Но Сотбис надеется на лучшее и регулярно два раза в год проводит в Лондоне торги, посвященные нашему искусству. Декабрьские, кстати, привлекли большое количество покупателей из России, июньские — напротив — ни одного. Музеи обнищали, господа в малиновых пиджаках не торопятся вкладывать деньги в искусство при нынешних высоких банковских процентах, а новые корпоративные коллекционеры не заинтересовались выставленными произведениями. Но и без нас аукцион прошел успешно. Русских покупателей заменили японские, которые в последнее время целенаправленно скупают нашу живопись конца XIX — начала XX века.

Теперь Сотбис собирается серьезно выступить и на российском внутреннем рынке. Уже назначен директор по его исследованию — Питер Баткин, очаровавший московскую аудиторию во время последнего Арт МИФа. Он тогда поделился некото-

Сделки со временем, или Что такое хороший продюсер

В 27-м номере «Столица», публикуя интервью с руководителем «Фора-фильм» А.Разумовским, начала разговор о финансовых проблемах отечественного кино и людях, которые решают эти проблемы, — продюсерах. Герой сегодняшней публикации — коммерческий директор объединения «Шанс» (возглавляемого Сергеем Жигуновым), 26-летний Анатолий ВОРОПАЕВ, отвечающий за финансовую сторону последнего грандиозного проекта объединения — 50-серийного телефильма по романам А.Дюма «Королева Марго» и «Графиня Монсоро». Беседу с Анатолием Воропаевым ведет кинокритик Виктор МАТИЗЕН.

— Повстречав вас в коридоре, мы с коллегой переглянулись и решили, что вы и есть коммерческий директор, хотя вас раньше не видели...

— Если вы хотите сказать, что от меня пахнет деньгами, это комплимент.

— Это комплимент, если от вас пахнет деньгами, которые не пахнут.

— У нас солидные инвесторы, так что с этим все в порядке.

— Вы могли бы их назвать?

— Вообще-то они меня об этом пока просили не распространяться.

— Разве они не заинтересованы в огласке своего участия в таком деле?

— А может быть, это мне не хочется делить с ними славу? Я шучу, конечно... Могу сказать, что огромную помощь нам оказывает «Мосбизнесбанк». Он первый в нас поверил, и мы его не подвели. Кроме того, нам помогает «Мединтертрейд». Это крупная фирма, торгующая медикаментами. Чему вы улыбаетесь?

— Представил себе, как вы можете их отблагодарить: герцог де Гиз в вашем фильме извлечет портмоне, а внизу появятся субтитры: «Если бы он держал свои лундоры в «Мосбизнесбанке», его кошелек был бы втрое толще!». А когда оправившийся после дуэли граф спросит лекаря: «Как вам удалось так быстро поставить меня на ноги?», тот ответит: «Потому что я покупаю лекарства только у «Мединтертрейда!»

— Вы шутите, а между тем мы будем расплачиваться со своими вкладчиками рекламным временем... Мы подписали с «Останкино» договор, согласно которому за право показать наш сериал — а он будет демонстрироваться с 1 сентября 1995 года по три серии в неделю четыре ме-

сяца — первый канал предоставит нам свое рекламное время. Это своего рода бартерная сделка.

— Да это же просто гениально: за еще не снятый фильм платить еще не наступившим временем!

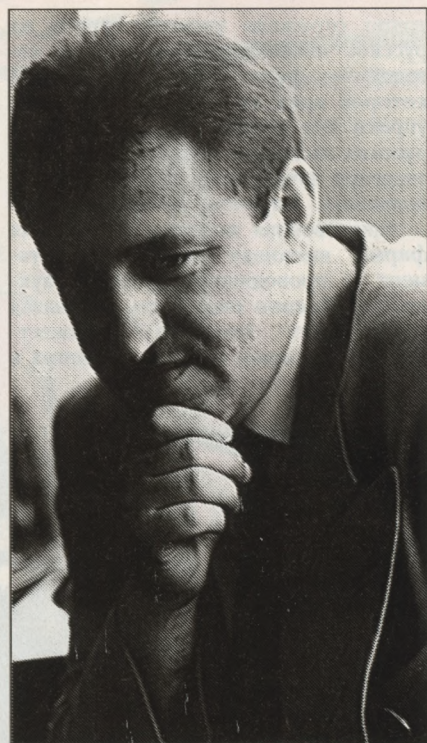
— Поэтому только уверенные — благодаря своим силам — в завтрашнем дне люди могут затевать и финансировать дело, которое даст отдачу минимум через год. Но, если подумать, время — это не просто деньги, это большие деньги. Уже сейчас большие. А через год — огромные. И очень выгодно заплатить сегодня, потому что завтра придется платить гораздо больше. Сейчас уже верхняя цена минуты рекламы на ТВ достигает двадцати тысяч долларов, и когда она перестанет расти, неизвестно. Фьючерсные сделки со временем — выгодная штука.

— Сложно было объяснить это вашим инвесторам?

— Сложность была в другом. Сейчас практически все денежные структуры относятся к кино с большой опаской, потому что кинематографисты сильно наследили. Приходили творцы и говорили: «Дайте нам денег — мы хотим снять кино!» А тогда считалось престижным вложить в это средства. Да и просто приятно было: не во что-нибудь, а в кино! Люди давали деньги, фильм снимался, но часто нигде не шел. А для режиссера, бывает, достаточно: показал родным и близким, сидит и радуется. После таких пустозвонов приходишь и слышишь первый вопрос: «Какие у вас гарантии?» Поэтому в первую очередь позаботились о гарантиях. Как я уже сказал, нам открывают кредит под залог рекламного времени, которое будет принадлежать нам через год. Это принятая в мировой практике схема.

— И все-таки, как ее принимали ваши партнеры?

— Те, кому мы ее предлагали, говорили, что это очень интересно, и просили подробнее ознакомиться их с проектом. Мы приезжали и проводили эдакий ликбез по кинобизнесу. Встречались по несколько раз и убивали на это пять-шесть часов, потому что специфику этого дела очень трудно объяснить неспециалисту с первого захода. И часто после того, как проект проходил экспертизу кредитно-финансового отдела, оказывалось, что либо в банке нет денег, либо банкир не уверен в том, что в 1995 году не случится третий путч, в ре-

Анатолий Воропаев

зультате которого «Останкино» возьмут штурмом, а со всеми, кто имел с ним дело, рассчитаются по коммунистически. Да мало ли что взбредет в голову, если люди не уверены: «А вдруг вы возьмете наши деньги и улетите в Израиль?» Приходилось отвечать: «Конечно, улетим. Только не в Израиль, а в Чехию. Часть сьемок будет именно там...»

— Чем же вы все-таки прошибали ваших осторожных собеседников?

— Это зависит от того, с кем говоришь. Когда сидят два давно знакомых человека, то можно сказать: «Вася, ты меня знаешь — я же не стану втягивать тебя в дело, в котором сам не уверен...» И тут уже смотря с какой стороны Вася меня знает. Если с хорошей, то пойдет мне навстречу...

— А если с плохой, вы сами не пойдете к нему на встречу?

— У меня таких Вася нет.

— А если он вас не знает?

— Тогда можно предложить ему попробовать. Кое-что «Останкино» выделило нам уже в этом году. И когда потенциальный инвестор видит, что мы готовы предоставить ему прайм-тайм, он понимает, что механизм работает. А если он подумает о том, что название его фирмы проплывет по телеэкрану столько раз, сколько покажут каждую из серий фильма, то потянется за кошелеком.

— Как же вы договорились с «Останкино», чтобы оно согласилось сто раз, утром и вечером, показывать вас народу?

— Это заслуга Сергея Викторовича Жигунова. У нас с ним разделение труда. Чтобы осуществить наш про-

ект, требуется взаимодействие столько фирм, пошивочных цехов, декорационных мастерских, техники... Одних счетов сотни: «Предоплата за оружие». То-то в банке, где не все знают, чем мы занимаемся, шархнутся! В принципе, не будучи специалистом в кино, я доверяю Жигунову в оценке перспективности проекта: его прогнозы оправдываются.

— А прибыль, по определению Р. фон Мизеса, есть плата за правильный прогноз, а не присвоенная капиталистом прибавочная стоимость, как полагал папа Карло... Но как это вы с нашими темпами успеете за год снять 50 серий?

— С нашими — успеем. Более того, рассчитываем отнять еще 12 серий «Сорока пяти».

— Как показывает кинематографическая практика, финансовые реки имеют скверное обыкновение пересыхать. Знаете, сколько картин «стоит» на «Мосфильме» и «Ленфильме» из-за отсутствия денег?

— Там плохие коммерческие директора. Наша река состоит из нескольких ручейков, и, если с одним что-то случится, остальные подстрахуют.

— Случалось уже такое?

— Было. Партнеры подвели. На решение проблемы оставалось семь часов: с 11 вечера до 6 утра. Пришлось помотаться по городу...

— Из ваших слов можно заключить, что коммерческому директору помимо деловой сметки важно иметь связи, хорошую репутацию и быть находчивым.

— Верно. Кроме того, нужно уметь убедить партнера в том, во что сам веришь.

— А высший класс — это убедить в том, во что сам не веришь?

— Для афериста — может быть. Но я с таким проектом не свяжусь...

— Есть ли у вас в запасе особо убедительные приемы?

— И вы хотите, чтобы я их вот так выдал?

— Когда мне это сказал Арчил Гомиашвили, знаменитый и как актер, и как владелец клуба «Золотой Остап», я ответил, что Остап, спроси я его об этом, из 400 сравнительно честных способов отъема денег наверняка поделился бы одним. И Арчил Михайлович согласился...

— Я смотрю, у вас тоже хватает убедительных приемов. Что ж, придется и мне поделиться. На переговоры я приглашаю с собой известных актеров. Перед ними трудно устоять.

— Помните, товарищ Бендер так же использовал гражданина Воробьянинова, дабы склонить эмпмана Кислярского к финансированию «Союза меча и орала»...

— С той разницей, что наш проект не мифичен и предполагает отдачу, а приглашенный мной артист играет самого себя, а не гиганта мысли и отца русской демократии. Может, ты

На съемках «Королевы Марго»

все это придумываешь про кино, а сам думаешь схватить деньги и смыться? А тут живое доказательство сидит!

— Вы рассчитываете на успех?

— Успех мы готовим. Нужно, чтобы песни из фильма были на слуху, пелись на концертах. Нужно подготовить киноверсию сериала. Пусть утром в кинотеатре идет французская версия «Королевы Марго» с Изабель Аджани, а вечером — наша. Люди должны чувствовать себя обойденными, если они не посмотрят то, что смотрят все.

— Во что обойдется ваш сериал?

— Скажем так: для нас это много, а для Европы мало. И ни слова больше.

— Кстати, на чем вы снимаете? На «Бетакаме»?

— На «Кодаке».

— Да ну? Тогда и я снимаю шляпу.

— То же сказал Депардьё, когда узнал об этом от Жигунова.

— Но сняться отказался?

— Они беседовали на другие темы.

— Интересно, сколько вы обещаете актерам?

— На этот раз вы хотите, чтобы я выдал вам не свою, а чужую тайну?

— В таких случаях я цитирую мадам де Сталь: «В России все тайна и ничто не секрет...»

— Тогда зачем вы спрашиваете?

— Ну почему на Западе никто не скрывает своих гонораров?!

— Потому, что их хватает на телохранителей!

— Теперь понял: ваши актеры получают столько, что на телохранителей не хватает...

— Конечно, у нас не тот уровень оплаты, что в Голливуде, но это достойный заработок.

— Ваши планы не ограничиваются экранизацией Дюма?

— Думаем создать собственную киностудию и снимать хорошую массовую продукцию. Ту, что не нагнета-

ет тревогу, а, наоборот, рассеивает беспокойство.

— «Массовая кинопродукция так называемых «демократических» стран, обслуживая интересы капиталистов, отвлекает трудящиеся массы от революционной борьбы...»

— А трудящиеся массы сами рады отвлечься.

— Не зря я начал с того, что вас выделяло из мосфильмовской тусовки. Нет, это был не запах денег, даже в метафорическом смысле. Может быть, стиль? Как по моей одежде видно, что я во всяком случае, не коммерческий директор, так по вашей заметно, что вы не режиссер, не актер и вообще не совсем из этого мира. Этот фиштактовый костюм, этот пестрый галстук, эти темные очки сбоку... Как бы вы сами определили свой имидж?

— Темные очки — случайность. Хотя, может быть, и нет... Скажем так: стиль пижонски-деловой. Деловой говорит о том, что ты работаешь с финансами и вообще человек серьезный. А доля пижонства показывает, что ты работаешь не где-нибудь, а в кино.

— А раньше вы где работали?

— В строительстве. Вижу, вы хотите спросить, как бы я оделся, если бы пришел искать деньги под строительный проект.

— Допустим...

— Конечно, не так. Никогда бы не пришел в подобном костюме. Хотя, опять-таки, это зависит от того, с кем необходимо договориться. Если со старым товарищем, ты не должен ему показывать, что слишком занесся. Он торгует сигаретами, я — минутами рекламного времени. Но оба мы — торговцы. Способности одинаковые, разные сферы приложения сил. Мой вид должен ясно свидетельствовать, что дело обязательно пойдет.

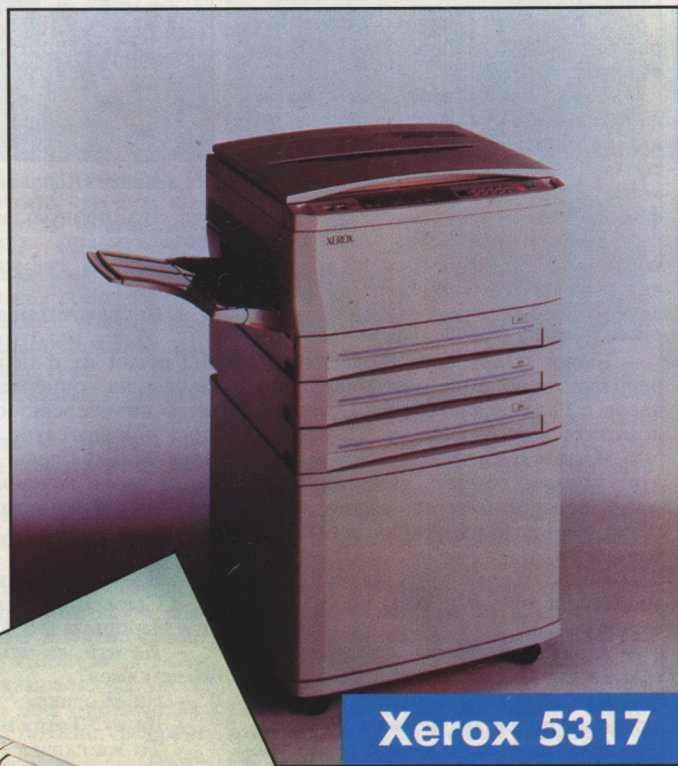
КОПИРОВАЛЬНЫЕ МАШИНЫ, ОТВЕЧАЮЩИЕ ВАШИМ ПОТРЕБНОСТЯМ

Наши копировальные машины простые в обращении, бесшумные в работе и безвредные для окружающей среды, создадут Вам максимум удобств и сделают работу просто удовольствием. В этом Вы можете быть уверены, сотрудничая с компанией, имеющей почти 30-летний опыт продажи высококачественного офисного оборудования в СНГ.

По вопросам покупки и обслуживания машин Хероx обращайтесь к ближайшему Уполномоченному дилеру фирмы **RANK XEROX**

Xerox 5332

Xerox 5317

Уполномоченные
дилеры Rank
Хероx в Москве:
Фан: 943-6216
АДФ: 299-4675
Мегалит: 111-7719
А1.ТИС: 928-4831
Лампорт: 125-1101
Инвен: 962-9104
Ками: 278-9412
Линко: 292-7985
Ранибо: 203-0407
Атлас: 928-320
Авалон: 143-8786

Xerox 5220

Уполномоченные
дилеры Rank Хероx в
Москве:
РВК: 924-7986
Майкросэйдж:
316-8742
Глобал:
245-8789
Балчуг: 124-4938
Интерюнити:
318-5113
М.Т.Т.: 492-0301
Лизинг Бизнес: 128-9590
Контракт-М: 286-0538
Модитар: 292-3612
Вега-С: 127-9005
Альфа: 229-6034

Зачем Герасим утопил Муму

К 140-летию публикации повести
И.С.Тургенева «Муму»

Дмитрий БЫКОВ

- *Мама, мама, кому это памятник?*
- *Толстому, деточка.*
- *Который «Муму» написал?*
- *Нет, милый, «Муму» написал Тургенев.*
- *Написал Тургенев, а памятник Толстому?!*

«Муму» — безусловно самое популярное произведение в русской литературе. Чем это обусловлено: относительной доступностью, кажущейся простотой, неизменным местом в школьной программе, а то и невеликим объемом — Бог знает. Так или иначе, более ста лет «Муму» служит символом русской прозы, ее народолюбия, гуманизма, социального протеста, сочувствия к угнетенным и любви к животным. Сочинения более хрестоматийного, чем маленькая повесть Тургенева, ровно 140 лет назад явившаяся публике на страницах «Современника», не сыскать. «Я в своей жизни прочел две книги — «Муму» и «Анна Каренина», и то не помню, в какой из них Герасим свою собачку под паровоз бросил» — кто не знает этого бородатого скетча? Количество анекдотов, пародий и перлов из школьных сочинений стало лучшим памятником повести, заблаговременно похороненной под томами методических пособий. Как верно заметил Горький в «Самгине», Толстого и Достоевского читают, а Тургенева прочтывают — из уважения к русской литературе. Между тем при свежем взгляде на предмет становится абсолютно ясно: в «Муму» содержится ответ на самые болезненные вопросы современности. Надо только вчитаться.

Нет, есть видимость прочтения и даже культурного контекста. Например, блистательная фраза В.Шендеровича: «Что такое собака Баскервильей? — Муму, которой удалось выплыть». Есть народное выражение «Муму», применяемое обычно к медлительным, неудачливым людям, склонным слезливо жаловаться на судьбу, оно расшифровывается как «му.ло-мученик»; есть почти кощунственная идиома «Муму е.ть», то есть тянуть время и морочить голову (этимология неясна). Наконец, есть целая песня, весьма популярная в студенческих аудиториях и до недавнего времени казавшаяся

сю автору этих строк народной. Создателем ее оказался превосходный драматург и поэт Георгий Полонский. Мы приводим здесь канонический текст этой песни с незначительными сокращениями и без многочисленных народных вариантов.

*За что Герасим утопил Муму?
Со школьных лет меня буравит
жалость:*

*Она ведь не мешала никому,
Она и твякать громко не решалась!
И вся собака — с варежку твою!
Герасим же — наоборот, верзила...
Так верила малышка бугаю,
Что и в последний миг не возразила!*

*А Бог — он видел все. Но издалека.
И не вмешался. Это как всегда.
— За что? — шептала темная осока.
— За что? — казалось, всхлипнула вода...*

*Я не кричу «Тургенева — на мыло!»,
Но тот сюжет — в крови у нас,
в кости:*

*Все так и шло, и ехало и плыло
По этому собачьему пути...*

В последнем автор «Доживем до понедельника» глубоко прав.

Символично, что самое известное произведение русской литературы сочинялось под стражей, «на съезжей». Тургенев таким образом распахивался за некролог Гоголю. Под арестом его держали с апреля и почти до лета; «Муму» написана стремительно, поскольку история была известна Тургеневу лично и досконально. Крепостной его властной матери, дворник по имени Андрей, отличался от Герасима только одним: утопив свою собаку, он вернулся к барыне и работал исправнее прежнего. Если верить указаниям Тургенева, Муму была испанской породы — с длинными ушами, пушистым хвостом, большими выразительными глазами. Герасим утопил ее в совершенно диких тогда местах на Москве-реке, то есть примерно напротив нынешних «Лужников». Несмотря на такую отчетливость деталей, вопрос «Зачем Герасим утопил Муму?» остается по-прежнему без ответа. Это, смею думать, основной вопрос философии, коренной вопрос всякой революции и, без сомне-

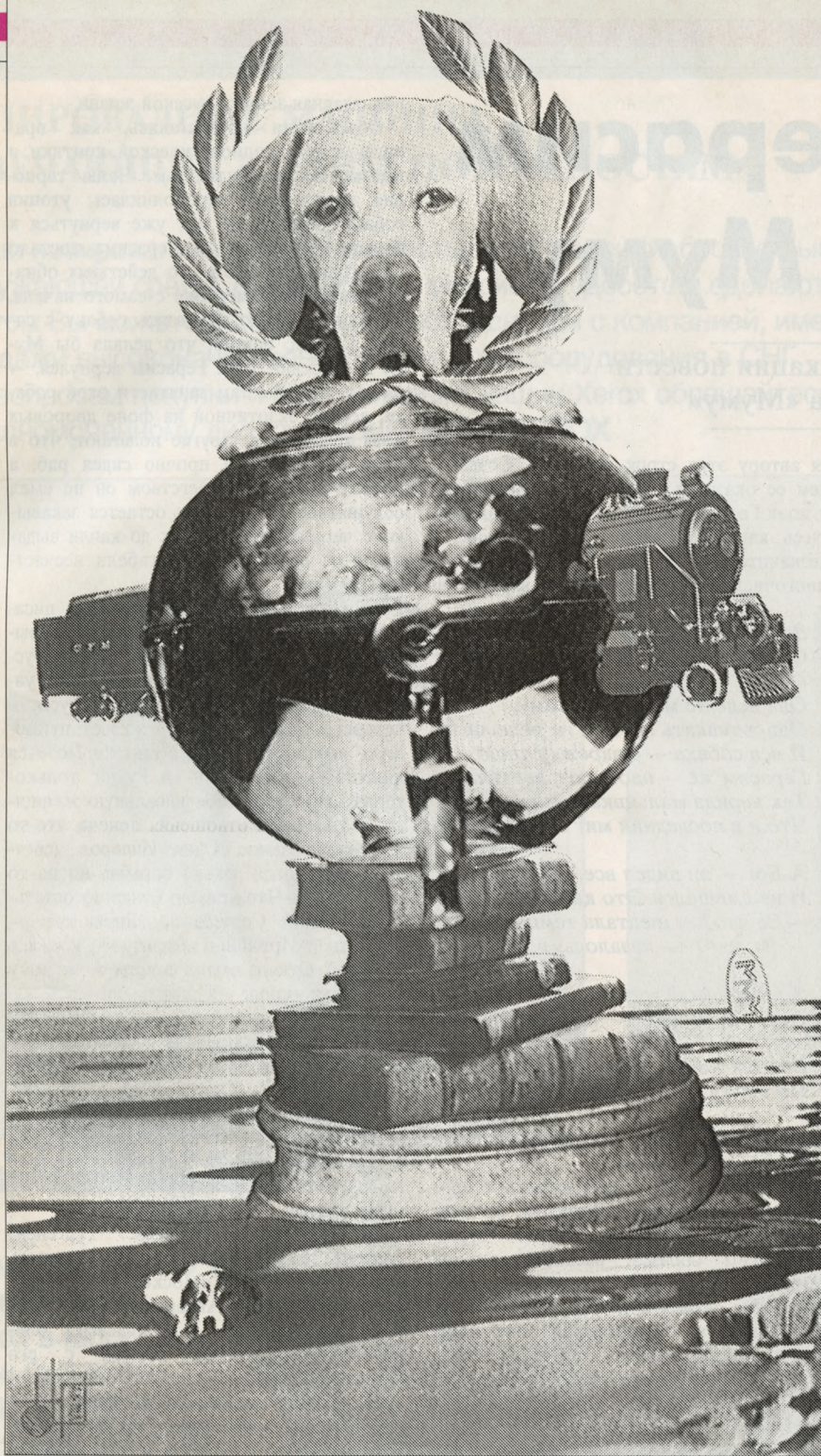
ния, главная загадка русской жизни.

Объяснения предлагались, как правило, в духе социологической критики и потому весьма натянутые. Чаша терпения крепостного переполнилась; утопив собаку, Герасим не мог уже вернуться к барыне. Поскольку у Герасима достало силы бежать и все в его действиях обнаруживает это намерение с самого начала, ничто не мешало ему взять собаку с собой. Правда, неясно, что делала бы Муму на деревне, куда Герасим вернулся, — но нашлось бы там занятие и этой собаке, весьма экзотичной на фоне дворовых псов тех времен. Другие полагают, что в Герасиме слишком прочно сидел раб, а потому даже перед бегством он не смел послушаться, — но и тут остается загадка: с чего бы это раб так до капли выдался из него в момент гибели несчастной собаки?

Тургенев вообще загадочный писатель; его персонажи действуют вызывающе алогично, но такова логика русской жизни. Санин бросает Джемму, увлекшись хищной куртизанкой, а русский человек на randevу обнаруживает пугающую нерешительность, чуть только Ася шепчет ему «Ваша» — и Рудин, только-только влюбив в себя идеальную женщину, в ужасе бежит от нее, лепеча что-то невразумительное. Один Инсаров действует по строгой логике борьбы, но на то он болгарин. Что мешало Базарову остаться с Анной Сергеевной, Литвинову — убежать с Ириной, Герасиму — убежать с Муму? Откуда этот внезапный зигзаг в поведении героя, когда ему остается, казалось бы, только сломать прежнюю жизнь и ударить в новую с предметом любви под мышкой? Есть тут русская особенность: повернуть в двух шагах от счастья, не осмелиться на последний шаг, отказаться от утопии, когда, казалось бы, вся природа уже затаила дыхание и сматривает на тебя выжидательно: ну, милый, ну! Одно усилие — и все прекрасно!

Первоначально повесть Тургенева должна была появиться в насквозь славянофильском «Московском сборнике» братьев Аксаковых, которые радостно увидели в Герасиме олицетворение русского народа с его корневой силой и — добавим от себя — хронической глухонемой. Если Герасим символизирует народ, то что символизирует Муму? Не будь в этой истории столь многозначного подтекста, Тургенев бы за нее не взялся.

Глухонемой Герасим — богатырь почти былинный. Молодой прозаик под сильным влиянием Гоголя не пожалел красок на развесистые гиперболы: от метлы его поднимается ветер, ладони с лопату, кровать он себе сладил такую, что не погнулась бы под ста пудами, и т.д. В личной жизни богатыря случилась драма: он полюбил прачку Татьяну, которую силком и жестоко выдали за пьяницу Капитона. Муму, подобранная Гераси-

мом на Москве-реке как раз после этой истории, становится единственным, что привязывает его к жизни. Странно, как подумаешь: гигант, кулаком быка зашибет — а вся жизнь его причудливо сосредоточилась в попискивающей комке мокрой шерсти, в крошечной собачонке, которая привязалась к нему намертво. Странно само это тяготение великого к малому, странна и эта немислимая, почти звериная доброта в глухонемом крестьянине, которого побаивается сам управ-

ляющий. Ничего нет удивительного в этой смертельной связке двух бесправнейших существ; но колоритно само сопоставление. Еще Пушкин в «Дубровском» заметил парадоксальную черту русского народа: необъяснимую жестокость, переходящую в такую же необъяснимую нежность. Один из крестьян Дубровского равнодушно и, пожалуй, даже со злорадством слушает крики судейских, запертых в горящем доме, — и тут же кидается спасать котенка, лепящегося к горячей крыше,

готового сверзиться вниз. Рискуя жизнью, лезет другой богатырь, вполне герасимского типа, на эту горящую кровлю и спасает бедную животную, не подумавши даже спасти судейских. Такое животноелюбие при звериной, неуправляемой природе русского бунта может радовать или удручать, но остается фактом нашей жизни и литературы: Шаламов писал о блатных, которые политическому запросто гвоздь в голову забьют, но кутенка приласкают (правда, потом и суп из него сварят). Удивительно, как Тургенев это почувствовал, сделав Муму единственным посредником между Герасимом и остальным миром. Тут все: и сентиментальность, и нежность, и самопожертвование — все, чем славен русский народ, известный ко всему прочему и неукротимостью в разрушении. Вот она, загадочная русская душа, гениально воплощенная в Муму, — бессловесная, повизгивающая, дрожащая, ютящаяся в каморке, загнанная в заветный уголок, крошечная, неопределимая: что это у тебя, мужичок? — Муму!

Вот это «Муму» — лучший ответ художника на невозможность определить русскую душу. Он ее определил двумя невнятными слогами, рвущимися из глухонемой, темной души. Вся нежность, вся боль, все русское отчаяние, — совесть нации: Муму! Судорожное движение горла, все, что можно выговорить оттуда, из темницы могучей плоти: кличка привязчивой собаки.

Вот это свое главное, единственное, русскую свою нежную душу вынужден был убить Герасим по приказу барыни. Ибо именно этой загадочной душой исключается всякое полное повиновение: куда у русского человека есть свое муму, подчинить его полностью невозможно. Муму подвигала на революцию, прогнала всех захватчиков, заставляла творить крайнее зло из соображений высшего добра: иррациональное начало, высокая и таинственная любовь, непобедимая людская природа, говорящая и в последних нелюдях. Пьяноватый невзрачный мужичишко у того же Тургенева поет соловьем, хоша двух слов связать не может; что поет в нем? — муму! Почему же Герасиму пришлось убить эту свою нежную, поскуливающую сущность, прежде чем стать окончательно свободным? — Да потому, что ради своего освобождения надобно бесповоротно убить в себе все человеческое.

Вот зачем Герасим утопил Муму, оборвав последнюю нитку, связывавшую его с жизнью.

Свобода — вещь жестокая, бесчеловечная, она только из несвободы представляется цветущим раем с бананами-апельсинами. Свобода требует последней трезвости и холода; свобода требует бесчеловечности. Чтобы раз навсегда порвать с прежней жизнью, недостает только одного: убить в себе прежнего человека. Не раба, нет, — Муму.

ОЛЕГ ГРАЧЕВ

Мы не пойдем этого парадокса, если не вспомним другой рассказ Тургенева — «Собаку». Этому гениальному рассказу — своеобразному ответу, зеркальному отражению «Муму» — повезло меньше: в хрестоматии не попадал, современникам не нравился, сподобился стишка Вейнберга. «Я прочитал твою «Собаку», и с этих пор в моем мозгу скребется что-то, как твой Трезор. Скребется днем, скребется ночью, не отстает. И очень странные вопросы мне задает: «Что значит русский литератор? Зачем, зачем по большей части он кончает черт знает чем?»

Издатель из «Будильника» понял в рассказе куда больше, чем кажется: он раскрыл самую его сущность. В сознании Тургенева, этого русского Стивена Кинга, жил один из самых страшных архетипов мировой литературы ужасов. Во многих его сочинениях (особенно отчетливо — в двух «Собаках», разделенных восьмью годами) возникает тема невидимого пса, скребущегося в мозгу. Что это?

Это Иррациональное Начало.

Вспомним: ведь в «Муму», в первую ночь после рокового знакомства с несчастной собакой, барыне все не спалось. Ей мерещился лай, чудилось поскуливание, поскребывание... Что это такое? Ведь Муму в эту ночь молчит! Это совесть. Или русская душа. Или непостижимая, таинственная сущность, которой и Мамай не съел. Но барыне это не дает покоя. Она не хозяйка своим людям, пока да в ее мозгу скребется эта собака.

Напомню сюжет «Собаки», куда менее известной. Некий помещик еженощно слышит под своей кроваткой поскреб, склеж, хлопанье ушей. Кто там хлопает ушами, никак собака? — Никакой собаки нет, ваше выскброе. Наконец старичок-старообрядец разъясняет герою, что это ему предупреждение: купи, мол, себе собаку, она жизнь тебе спасет. Купил. И что же? Год спустя бешеный пес кидается на нашего помещика, и Трезор, купленный на базаре за три целковых, гибнет сам, но спасает хозяина. Снова незримый пес, снова гибель, снова мистика. Кто спас барина? Муму!

Вспомним, сколько крестьян грабили помещичьи усадьбы, но сколько верных слуг спасали своих господ от неминуемой расправы в кромешном семнадцатом году? Сколько бешеных собак кидалось на людей — но сколько верных псов бросалось им наперерез! Сколько Шариковых — но и сколько верных Русланов, до которых в конце концов доходило? Вот эти два начала русской души и подметил Тургенев за полвека до революции: иррациональное бешенство и иррациональную любовь. Коллизия «Собаки» причудливо отыгралась после революции. Коллизия «Муму» отыгрывается сегодня.

Моей объективности хватает, чтобы понять всю обреченность русской души в ее традиционном понимании — в наши новорыночные времена. Разумеется, они

сулят нам свободу, но вместе с этой свободой в души незримо входит небывалый холод, сквозняк мировой пустоты. При всей нашей несвободе, при всех издержках общности как много по-человечески милого было в когдатонем стремлении жить миром, повязаться круговою порукой, помогать всем, даже когда не просят! Пришли новые времена: каждый сам за себя, у соседа соли не попросишь. Мы платим за свободу обрывом всех прежних связей: звонишь другу — занят НА ФИРМЕ, звонишь другому — на бирже, третий вообще не помнит, как тебя зовут, крутым сделался... Да и сам ты, друг ситный, вспомни, когда бескорыстно помогал ближнему? Когда задумывался о его душе? То-то: ты и о своей давно не думаешь. У тебя свобода. И обернулась твоя свобода битвой за выживание и тем ледяным рационализмом, без которого нынче сам утонешь, как Муму. Как легко в наше время пойти на дно — вы не замечали? Прежде какая-то пленка словно удерживала тебя — теперь же фигу. Еще и бульжники навязнут.

Мы утопили свою Муму.

Я не поклонник иррациональности и не фанат русской души: она, по-моему, ничем не лучше любой другой, а со звериной ее стороной мы все даже слишком знакомы. Но в том-то и ужас, что в современном мире мы самым решительным образом уничтожаем, топим то единственно ценное, что в этой нашей непостижимой душе было: нежность, sentimentalность, привязчивость, сострадательное отношение к человечеству.

Вот меня и мучает: с какой же легкостью мы истребили в себе то, чем только и можно было оправдать века нашего рабского существования? Да, покорность, да, тяга к ярму — но какие сказки, какие песни, какие слезливые и совестливые мужики! В один прекрасный момент перед таким мужиком начинает маячить призрак свободы. Прежде чем бежать от барыни, поджигать усадьбу, переходить на рыночные отношения — он бесспоротно истребляет в себе скучающую, жалостливую, ненужную душу. Топит собаку. И шагает в новую жизнь, сулящую ему избавление от всех проблем.

Так да не так: кто нас спасает на решительных поворотах истории? Кто кидается наперерез бешеной собаке, вылетающей из-за поворота с желтой пеной на кляках? Она же, спасительница Муму! Нас сегодня от полного озверения только и удерживает эта наша таинственная сущность. Соприродная бешенству. Другая его сторона — изнанка. Испанской породы песик, пятнистый сеттер, Трезор, друг человека.

«Утопив бедную Муму, он прибежал в свою каморку, проворно уложил койкакие пожитки... да и был таков... Он шел... с какой-то несокрушимой отвагой, с отчаянной и вместе радостной решимостью. Он шел; широко распахнулась его

грудь; глаза жадно и прямо уставились вперед». Ну, ясное дело: свобода! Ровно среднестатистический гражданин Отечества в первые годы перестройки.

Что происходит? Что, черт возьми, происходит?!

Где сентиментальность прежних мультиков, где школьные фильмы, где добрые сказки? Подите вон с вашими черепашками-ниндзя, им место в канализации! Где зайчики, белочки, добрые учителя и примерные дети? Где сказки о всеобщем добре, об устремленности мира к благу, о космосе и прогрессе? Где совместные гулянки, дружба с соседями, хождение друг к другу в гости? Где вера во что-нибудь хорошее — и откуда это априорное недоверие к любому бескорыстному порыву? Где то живое, что было в нашей жизни?

Неужели нельзя уйти от барыни, не утопив Муму?!

Я живу в глухонемой стране, которая, ко всему, утратила еще и душу.

«Но соседи заметили, что со времени своего возвращения из Москвы он совсем перестал водиться с женщинами, даже не глядит на них, и ни одной собаки у себя не держит».

Вы заметили, как странно теперь складываются наши отношения с женщинами? Нам надо от них только одного, и то — исключительно ради самоутверждения. Остальное — обременительно. Стоит ли, право, брать на себя проблемы другого существа, к тому же капризного и уязвимого? А собаки нам и совсем ни к чему. Они прозорливы.

Более того, все чаще я чувствую разлитую в воздухе опасность. У любого могут отказать тормоза. Но здесь — стоп. Ибо непостижимым образом Муму продолжает подавать голос, вовремя останавливая от ПОСЛЕДНЕЙ свободы.

Муму жива, и первое тому подтверждение — прежняя, неистребимая иррациональность русской души. Казалось бы, на что холодная и бездушная материя — бизнес; однако в русском бизнесе сильнее всего тяга к чудесному, вера в волшебство, прежнее иррациональное начало. Не случайно, думается, АО «МММ» по названию своему так похоже на Муму. Да и в остальном надежды на чудо куда больше, нежели расчета, и преступность при всем ее разгуле не захлестнула пока всех, и на всех бешеных псов нашего кофидового почвенничества находятся еще Трезоры здравого смысла.

На меня ли тебе обижаться?

Иль Герасим счастливей Муму?

Это время велит разбежаться

И спасать всем по одному.

Так спел Алексей Дидуров еще в начале восьмидесятых (откуда знал?!), и мы за ним подпевали, тогда еще сходясь попеть и выпить, но не вдумываясь толком в текст.

Теперь поняли. ■

Над романом «Ада» Набоков работал, уже покинув Америку и переселившись в Швейцарию, в Монтрё, во второй половине шестидесятых годов. Это едва ли не самый сложный и многозначный роман Набокова. Прежде всего он уникален по сложности языка — это своего рода языковая плазма, в которой переплавлены русские, французские, английские слова, цитаты из классиков и современников. «Ада» полностью увидит свет на русском языке только осенью этого года.

«Столица» уже публиковала отрывок из этого романа № 40, 1993) в переводе Сергея Таска. Андрей Гиривенко предоставил нам третью главу второй части романа.

Пусть читателя не удивляет набокowska свобода обращения с историей и географией. Действие «Ады» происходит на планете под названием Антитерра, где возможно

все, включая счастливую любовь. Не зря «Ада» открывается ироническим ответом Толстому: «Все несчастные семьи несчастны одинаково, всякая счастливая семья счастлива по-своему».

«Ада» — отнюдь не самый пуританский роман Набокова. Что-то в нем смутит русского читателя — даже после «Лолиты». Но приводимая глава, при всем ее смутном, болезненном эротизме (отчасти, несомненно, пародийном), не имеет никакого отношения к литературе для чтения под одеялом. Гибель эротической утопии здесь — крах мечты о счастливом мире, но еще и отголосок Серебряного века,пряного, полного соблазнов, разрешившегося катастрофой и пустотой.

Д.Б.

Владимир НАБОКОВ

Ада, или Страсть

Глава из романа

Весной 1869 года Дэвид ван Вин, богатый архитектор фламандского происхождения (никак не связанный с семейством Винов в нашем бессвязном романе), чудом уцелел, когда на пути из Канн в Кале на подмерзшей дороге передняя шина лопнула и его машина врезалась в мебельный фургон; дочь, сидевшая рядом с ним, погибла сразу: от удара чемодана, лежавшего сзади, у нее была сломана шея. В своей лондонской студии ее муж, неуравновешенный горе-художник (на десять лет старше своего тестя, которому он завидовал и которого презирал), застрелился, получив телеграмму из деревни в Нормандии, носящей ужасное название — Скорбь.

Полоса несчастий на этом не кончалась, ибо ничто не спасло Эрика, пятнадцатилетнего парнишку, окруженного заботой и обожанием своего деду, от капризов судьбы, странно похожей на судьбу его матери.

После того, как его перевели из Нота в маленькую частную школу в кантоне Во и прошло чахоточное лето в Приморских Альпах, его послали в Экс-ан-Вале, чей кристальный воздух, предполагалось, укрепит молодые легкие; вместо этого там случился жуткий ураган, разрушивший черепицу на крыше, и осколок фатально раздробил ему череп. Среди вещей, принадлежавших мальчику, Дэвид ван Вин нашел несколько стихов, набросок очерка, озаглавленного «Вилла Венера: Воссозданный сон». По сути дела, мальчик искал способы успокоить свои первые сексуальные томления, воображая и детализируя проект (вызревший из чтения многих эротических произведений, найденных в мебелированном доме, который его дедушка купил неподалеку от Венеции у графа Толстого, русского или поляка), а именно: цепь роскошных публичных домов, которые его наследство позволило бы открыть на «обоих полушариях нашего каллипигийского глобуса». Парнишке виделось это как разновидность фешенебельного клуба с отделениями, или, по его поэтическому выражению, — «флорамурами» в окрестностях городов и курортов. Членство лишь для знатных, «красивых и здоровых» в возрасте до пятидесяти (такая широта взглядов бедного ребенка заслуживает похвалы), с годовой платой в размере 3650 гиней, без стоимости букетов, драгоценностей и других галантных подношений. На местах женские врачи, хорошенькие и молодые («типа американских секретарш или ассистенток дантистов»), проводили бы интимную проверку физи-

ческого состояния «покровителей и покровительствуемых» (еще одно удачное выражение), равно как и свое собственное, если «надобность возникнет». Один из пунктов в Правилах Клуба, кажется, показывал, что Эрик, хотя и был стойким гетеросексуалом, уже успел насладиться нежными эрзацами немелкого обращения со своими сверстниками в Ноте (известная в этом отношении подготовительная школа); по крайней мере, двое из пятидесяти обитателей больших флорамуров могли быть красивыми мальчиками, которые носили бы налобные повязки и короткие курточки, не старше четырнадцати, если светленькие, и не старше двенадцати, если темненькие. Однако для того, чтобы исключить регулярный приток «закоренелых педерастов», мальчишечьей любовью баловался бы лишь пресыщенный гость между двумя заходами к трем девочкам, которых поимел за одну неделю, — такое вот довольно комичное, но предусмотрительное условие.

Кандидаты для каждого флорамура должны были отбираться неким Комитетом членов Клуба, которые бы учитывали годовые записи впечатлений и пожеланий, отмеченные гостями в специальной книге в розовом переплете. «Красота и нежность, грация и покорность» составляли главные качества, требуемые от девушек, возраст которых колебался от пятнадцати до двадцати пяти, если они были «стройные нордические куколочки», и от десяти до двадцати, если имели «роскошные южные прелести». Они бы прыгали и веселились в «будуарах и оранжереях», неизменно голенькие и готовые к любви; но это не относилось к обслуживающему персоналу, привлекательно одетым служанкам, более или менее экзотической наружности, и «недоступным для утех, кроме как по специальному разрешению Правления». Мой излюбленный пункт в Правилах (у меня имеется фотокопия рукописи бедного мальчика) гласил о том, что любая девушка в своем флорамуре могла стать Леди-Председательницей через общее одобрение во время ее менструального периода. (Это, конечно, не срабатывало, и Комитет шел на компромисс, делая главой персонала привлекательного женоподобного гомосексуала и вышибалу, необходимость которого Эрик проглядел.) Экцентричность — грандиозное лекарство грандиозного горя. Дедушка мальчика принялся тотчас же возводить в кирпиче и камне, цементе и мраморе, в шутку и всерьез фантазию Эрика. Он вознамерился первым опробовать

первую гурию, которую он наймет в свой последний дом, и с того времени будет жить в тягостном воздержании.

Это, должно быть, было трогательное и величественное зрелище — старый, но все еще энергичный голландец с шершавым, как у рептилии, лицом и седыми волосами с помощью декораторов левого толка проектировал тысячу и один мемориал флорамуров, которые он решил воздвигнуть по всему миру — возможно, даже в дикой Татарии, которая, как он полагал, управлялась «американизированными евреями», но затем «Искусство испустило грехи Политики» — глубоко оригинальные идеи, которые мы должны простить любвеобильному старому чудаку. Он начал с сельской Англии и прибрежной Америки и был увлечен стилем сооружений в духе Роберта Адама (грубо вспоминаемого местными лоботрясами как Дом мадам-Я-Адам) неподалеку от Ньюпорта; Род-Айленд в каком-то стариковском вкусе — с мраморными колоннами, выловленными в классических морях и до сих пор инкрустированными ракушками этрусских омаров — и вот он умер от удара, когда пытался подпереть арку. И это был всего лишь сотый дом!

Его племянник и наследник — честный, но поразительно щепетильный фабрикант-суконщик в Руинен (где-то возле Цволле) — с огромной семьей и скромной торговлей не поддался обману в миллион гульденов, о безрассудной трате которых он советовался со специалистами последней десяткой лет. Все сто флорамуров открылись одновременно 20 сентября 1875 года (и по причудливому совпадению старое русское слово, обозначающее сентябрь «гуиен», которое может писаться и как «guin»*, также эхом отозвалось в имени родного города иступленного нидерландца). С началом нового века годовые доходы Венеры увеличивались (по правде, это был их последний прилив). Бульварная газетенка-сплетница сообщила приблизительно в 1890 году, что из благодушия и любопытства «Вельветовый» Вин однажды, и лишь однажды, проследовал со своей семьей в ближайший флорамур — и в ней также говорилось, что Гильом де Монпарнас с негодованием отверг предложение Голливуда поставить пьесу об этой достойной и шумно-веселой экскурсии. Без сомнения, просто сплетни.

Сфера интересов дедушки Эрика была широкой — от додо до дада, от поздней Готики до высокого Модерна. В своих пародиях на рай он даже позволял себе, хотя бы несколько раз, выразить прямолинейный хаос Кубизма (с «абстрактным» в «конкретном»), подражая стилю, так хорошо отраженному в «Истории английской архитектуры» Валнера (в мягкой обложке), которую дал мне добрый доктор Лагос, а также ультраутилитарным ящикам из кирпичей типа *maisons closes*** Эль Фрейда Любеткине, Австрия, или домам острой надобности Дудока во Фрисланде.

Но в целом все, что он обожал, было идиллическим и романтическим. Английские джентльмены со способностями находили много удовольствий в Лечурд Лодж, честном сельском доме, перебинтованном балками, или в Итченор Чэт с его разбитыми зеркалами над каминами, фронтонами и коньками. Никто не мог оценить сноровку Дэвида ван Вина в создании его новехонького особняка в стиле эпохи регентства, напоминающего обновленный фермерский дом или строящийся, вновь созданный женский монастырь на небольшом острове в открытом море с таким восхитительным видом, что невозможно было отличить арабеску от земляничного дерева, рвение от искусства, рану от розы. Мы всегда будем помнить Малую Лемантри близ Рэнчестера или Псевдотерму в чудном *cu-de-sac**** на юге с виадуком сказочной Палермонтовии. Мы отдали должное его банальной эклектике местного значения (этот шато, окруженный орешником, этот кастелло, замок, окруженный кипарисами), тем интерьерным росписям, которые содержали всевозможные оргии и отражались в потолочных зеркалах, воссозданных эрогенетикой маленького Эрика. Наиболее эффектной, в функциональном смысле, была защита архитектурной изысканности его до-

мов от окружения. Гнездили ли дом в лесной ложбинке, или находился в огромном парке, или выглядывал на террасы из роц и садов, подход к Венере начинался с дороги в частном пользовании и проходил по лабиринту изгородей и стен с потайными дверями, ключи от которых были лишь у гостей и охранников. Хитро расположенные, условные обозначения указывали путь заблудившимся грандам (в масках и капюшонах) через темные лабиринты роц и подлесков; ибо одним из вообразаемых Эриком условий было то, при котором «каждое учреждение открывалось бы только с наступлением ночи и закрывалось бы с рассветом». Система звонков, которую выдумал сам Эрик (она была стара как *bautta** и *vyshibala*), предупреждала столкновение посетителей друг с другом в помещениях дома, так что не имело значения, сколько благородных господ ждали или распутничали в разных частях флорамура; всякий чувствовал себя единственным поваром в курятнике, потому что вышибала, молчаливый и услужливый человек, напоминающий манхаттанского зазывалу в магазине, конечно же никого не пересчитывал; порой вы видели его, когда возникали задержки в связи с удостоверениями или платежом, но он редко прибегал к грубой силе или звал помощника.

По плану Эрика, Консилиумы Старейшин несли ответственность за обучение девушек. Изысканно точеные пальцы рук и ног, хорошие зубы, безупречная эпидерма, некрашенные волосы, прекрасные ягоды и груди и неподдельная сила очевидно полового влечения являлись непреложными условиями, которые ставили как Старейшины, так и Эрик. В чести были лишь очень молоденькие целки. С другой стороны, ни одна женщина, которая родила ребенка (пусть даже в своем детстве), не могла быть принята, не важно, сколь бы безукоризненными были ее соски. Их социальный статус оставался неопределенным, но Комитеты были склонны изначально и теоретически вербовать девушек более или менее благородного происхождения. Дочерям художников отдавалось предпочтение в целом перед дочерьми ремесленников. Какое-то число среди них оказалось детьми капризных пэров, рожденных в холодных замках, или отпрысками разоренных баронесс, появившимися на свет в ветхих отелях. В списке было около двух тысяч женских особей, работающих во всех флорамурах на 1 января 1890 года (великий год в анналах виллы Венеры). Я насчитал двадцать две пары связанные с королевскими семействами Европы. Но, по крайней мере, одна четверть всех девушек принадлежала к плебейским слоям. Благодаря первичной *vstryaska* (встряске) в генетическом калейдоскопе, или простой покерной тусовке, или вообще по другим причинам дочери крестьян, строителей дорог или водопроводчиков были нередко более изысканными, чем их ровесницы из средне-средних или супервысших классов, — любопытный пункт, который позабавит моих читателей-неджентльменов, равно как и то, что служанки с «недостатком» Восточных прелестей (которые прислуживали в различных ритуалах с серебряными ваннами, расшитыми полотенцами, обворожительными улыбками и прищелкиваниями языком) нередко происходили из украшенных гербами королевских родов.

Отец Демона (и скоро сам Демон) и лорд Эрминин, и мистер Ритков, и граф Питер де Прей, и эсквайр Мир де Мир, и барон Азароскудо — все были членами первого Венерианского Совета Клуба; но именно визиты застенчивого, тучного, носатого мистера Риткова действительно пугали девушек, и окрестность кишела детективами, которые по долгу своей службы выполняли функции садовников, конюхов, лошадей, долговязых молочниц, новых статуй, старых пьяниц и так далее, в то время как Его Величество развлекался в специальном кресле, приспособленном под его вес и прихоти, с той или иной красоткой королевства — белой, черной или мулаткой.

Из-за особенности флорамура, который я посетил, впервые став членом Клуба Виллы Венеры (незадолго до моего второго лета с моей Адой под кронами Ардиса), сегодня, после многих

* Маска с капюшоном (ит.).

* Крушение (англ.).

** Домов терпимости (фр.).

*** Здесь — уголок (фр.).

превратностей, очаровательный сельский дом донна Чоуза, которого я уважаю вместе с его очаровательной семьей (очаровательную жену и троицу очаровательных двенадцатилетних дочурок: Алу, Лолу и Лалаж, особенно Лалаж), — я не могу назвать его, хотя мой дражайший читатель настаивает, чтобы я упомянул о нем где-нибудь раньше.

Я застал по борделям с шестнадцати лет, но, хотя отдельные из лучших, особенно во Франции и Ирландии, были отмечены тремя красными символами в путеводителе Нагга, ничто в них не предвещало роскоши и нежность моей первой Виллы Венеры. Это была разница между притоном и Эдемом.

Три египтянки с уточненными профилями (узкий янтарный глаз, мило вздернутый носик, перешнурованная черная грива, фараонская одежда с медовым отливом, тонкие янтарные руки, негритянские браслеты, массивные серьги из золота, рассеченные надвое складкой гривы, завязка на волосах, как у краснокожих индейцев, разукрашенный нагрудник) любовно заимствованы Эриком Вином с репродукции фивейской фрески (без сомнения, довольно обычной в 1420 году до н.э.), отпечатанной в Германии. *Kunstlerpostkarte** (№ 6034 — говорит циничный доктор Лагос), подготавливала меня к тому, что распаленный Эрик называл «тонкими манипуляциями определенных нервов, расположение и сила коих известна лишь немногим древним сексологам», сопровождаемыми не менее утонченным применением специальных масел, особо отмеченных в порнолоре Ориенталий Эрика, ибо это требовалось, когда поступала пугливая молоденькая девица, отпрыск ирландского короля, как Эрику было навеяно в последней дреме в Экс (Швейцария) мастером похоронных обрядов, но отнюдь не церемонией прелюбодейств.

Эти приготовления протекали в таком длительном, тягучезысканном ритме, что Эрик, умирая в своем сне, и Ван, трясущийся со своей паскудной жизнью в карете Рококо (три мили на юг от Бедфорда) не могли представить себе, как три эти юные леди, теперь внезапно освобожденные от облачений (хорошо известный прием снотолкования), могли умудриться растянуть прелюдию, которая продолжалась так долго и никак, казалось, не разрешалась. Я лежал на спине и чувствовал дважды свой размер (ненужную чепуху, нудит наука!), когда, наконец, шесть девичьих ручек попытались опустить *la gosse***, дрожащую Ададу, на ужасный инструмент. Глупая жалость — чувство, которое я редко испытываю, — побудила догасить мое желание, и я отослал ее на праздник персиковых тортов с кремом. Египтянки выглядели обескураженно, но вскоре воспряли духом. Я собрал вместе всех двадцать гетер дома (включая сладкогубых, с лоснящимися подбородками милашек) перед моим воскресшим обликом. После тщательного изучения, после долгого ласкания бедер и шей я выбрал золотистую Грэтхен, бледную андалузку, и черную красавицу из Нового Орлеана. Служанки носились возле них, как леопарды, и, приукрасив их с нескрываемым лесбиянским усердием, повернули лицом ко мне три меланхолических грации. Полотенце, что дали мне вытирать пот, выступивший на лице и щипавший глаза, могло бы быть и почище. Я повысил голос, и сопротивлявшиеся створки сами собой распахнулись. Грузовик застрял в грязи на закрытой и недостроенной дороге, и его стоны и усилия рассеивали странный мрак. Лишь одна из девушек поразила меня в самое сердце, но я прошелся по всем трем жестко и неторопливо, «меняя лошадей на переправе» (изобретение Эрика), перед тем как всякий раз кончал в зажиме страстной андалузки, которая сказала при прощании после последнего спазма (хотя неэротические разговоры были против правил), что ее отец построил плавательный бассейн в поместье кузена Демона Вина.

Теперь все было кончено. Грузовик уехал или утонул, а Эрик стал одним из скелетов в самом дорогостоящем уголке кладбища Экс («Впрочем, кладбища — экс», — заметил веселый «протестантский» священник), между безвестным альпинистом и

моей мертворожденной двойней.

Черри, единственный паренек в нашем следующем (американском) флорамуре, уроженец графства Шропшир, лет одиннадцати или двенадцати, выглядел таким забавным со своими локонами медного отлива, мечтательными глазами и девственным румянцем, что две спортивно сложенные куртизанки, развлекавшие Вана, настоятельно рекомендовали однажды ночью попробовать мальчика. Их совместными усилиями, однако, не удалось возбудить милого юнца, который уже был достаточно измучен недавними занятиями. Это печально подтверждали следы необузданных тисканий и вывертов на его девических ягодицах, но хуже всего, парнишка не мог скрыть черты наличия острого несварения, отмеченного неприятными дизентерическими симптомами, которые обложили любовную шахту горчицей и кровью, — результат, конечно, поедания большого количества зеленых яблок. В конце концов, и он должен был быть отстранен или брошен. Вообще говоря, использование мальчиков должно быть прекращено. Знаменитый французский флорамур уже таковым не был после того, как граф Лэндбери обнаружил там своего украденного сына, зеленоглазого тонкого фавна, которого обследовал некий ветеринар, его-то граф и застрелил по ошибке насмерть.

В 1905 году сверкающий взрыв отделил Виллу Венеры от другого квартала. Персонаж, которого мы назвали Ритков или Вротик, был принужден старческими немощами отказаться от своего попечительства. Однако однажды ночью он вдруг прибил, румяный, как библийское яблочко; но после того, как целый штат его любимого флоракура возле Бата проработал над ним напрасно до восхода иронического Геспера на молочном небосклоне, несчастный властелин половины земного шара потребовал Книгу в розовом переплете, записал в нее строку, однажды сочиненную Сенеккой: *subsidunt montes et juga celsa ruunt**, и уехал, рыдая. В то же время respectable лесбиянка, которая управляла Виллой Венеры при Сувенире, прекрасном курорте на Миссури, своими руками удушила (она была русской штангисткой) двух самых милых и ценных ею подопечных. Это все было так печально.

Когда началось разложение клуба, оно прогрессировало с поразительной быстротой по нескольким несвязанным линиям. Девушками с безупречной родословной, оказалось, полиция заинтересовалась как «марухами» бандитов с гротескными челюстями или просто как преступницами. Коррумпированные врачи пропускали увянувших блондинок, уже имевших по дюжине детей, уже готовых поступить в отдаленные флорамуры. Гениальные косметички восстанавливали сорокалетних матрон, придавая им вид и запах школьниц в поре их первого цветения. Высокопородные джентльмены, судьи неподкупной честности, ученые с мягкими манерами оказались такими зверскими совокупителями, что некоторых из молодых жертв приходилось госпитализировать и перемещать в обычные лупонарии. Анонимные защитники куртизанок подкупили медицинских инспекторов, а Раджа Кэчу (мошенник) был инфицирован венерической болезнью (настоящей) правнучкой внучатой племянницы императрицы Жозефины. Одновременно экономические напасти (вне финансовых или философических сфер неуязвимых Вана и Демона, однако поражающих многих людей их круга) привели к ограничению Эстетических кулуаров Виллы Венеры. Отвратительные сводники с подобострастными ухмылками, обнаруживающими недостаток рыжевато-коричневых зубов, внезапно выскакивали из розовых кустов с иллюстрированными памфлетами, и случились пожары и землетрясения, и внезапно из сотни настоящих палаццо лишь дюжина уцелела, и даже те быстро скатились до уровня вонючих публичных домов, и к 1910 году всех мертвецов английского кладбища в Эксе пришлось свезти в общую могилу.

Ван никогда не сожалел о посещении последней Виллы Венеры. Свеча с нагаром, похожим на цветную капусту, коптя, горела в жестяной кружке на подоконнике рядом с упакованными в

* Художественная открытка (нем.).

** Здесь — девчонка (фр.).

* Горы оседают, и высоко воздетые ярма опадают (лат.).

бумагу, как если бы то была гитара, длинными стеблями роз, для которых никто не побеспокоился найти вазу. На кровати, чуть поодаль, лежала беременная женщина, курила, поглядывая, как дым таял, соприкасаясь с тенями потолка, подняв одно колено, рукой задумчиво почесывая свой коричневый пах. Дальше за ней дверь была распахнута настежь, и открывалась луной освещенная галерея, на самом деле заброшенная, полуразрушенная просторная приемная с потресканной внешней стеной, зигзагообразными трещинами в полу и черным призраком отверстия большого рояля, издающего среди ночи, будто произвольно, глухие пугающие звуки. Через большую трещину выкрашенного под мрамор кирпича и штукатурки обнаженное море не было видно, но было слышно, как тяжело дышавшее пространство, отделенное от времени, тупо ударялось, тупо с обваливающимися звуками перекачивало в своей тарелке гальки, вялые порывы теплого ветра достигали лишенных стен комнат, нарушая тени под сводами над женщиной и островок грязноватого пушка, который сместился в низ бледного живота, и даже отражение свечи в треснутом стекле оконного переплета. Под ним, на скрипучей грубой кушетке, Ван прилеп, задумчиво надув губы, задумчиво ероша милую головку на своей груди, затопленной черными волосами гораздо более молодой сестры или кузины бедной флоринды на ввалившейся кровати. Глаза ребенка были закрыты, и лишь только он трогал поцелуем влажный контур ресниц, ритмичное движение ее неоформившихся грудей менялось или останавливалось и, наконец, вновь возобновлялось.

Его мучила жажда, но шампанское, что он принес с легко шелестящими розами, оставалось нераспечатанным, и он не смел побеспокоить шелковистую нежную головку на своей груди, чтобы начать трудиться над взрывчатой бутылкой. Он обласкал и осквернил ее много раз за истекшие последние десять дней, но сомневался, действительно ли ее звали Адора, как все утверждали — она и другая девочка, и третья (служанка, княжна Кашурина), которая, казалось, родилась в бессменном выцве-

тшем купальнике и в нем же умрет, нет сомнений, так и не достигнув совершеннолетия первой действительно холодной зимы на пляжном матрасике, на котором она сейчас продолжала стонать в своем замороженном изумлении. И если детку и вправду звали Адора, то кто она была? — ни румынка, ни далматинка, ни сицилийка, ни ирландка, хотя эхо провинциального ирландского акцента можно было различить в ее ломаном, не слишком иностранном английском. Ей было одиннадцать или четырнадцать, возможно, почти пятнадцать? У нее действительно был день рождения — то двадцать первое июля 1904-го, или 1908-го, или даже несколько лет спустя, на скалистом средиземноморском полуострове? Где-то очень далеко церковные часы — различимые лишь ночью — прозвонили дважды и добавили четверть.

«Smorchiamo la secandela»*, — пробормотала с кровати старая сводня на местном диалекте, который Ван понимал лучше, чем итальянский. Ребенок в его руках шевельнулся, и он натянул на нее свою накидку. В сально-дымной темноте образчик лунного света утвердился на каменном полу, возле его ноги в легкой бальной туфле. Это был не Ардис, это не была библиотека, даже не человеческая комната, но просто убогое место, где некогда спал вышибала перед тем, как вернуться назад к занятиям по регби в какой-нибудь английской публичной школе. Рояль где-то там, в обшарпанном зале, казалось, играл сам по себе, и его царапали крысы в поисках сочных отбросов, оставленных там служанкой, которая усаждала себя музыкой, когда ее тронутая раком матка поднимала ее с зарей первым знакомым уколом боли. Разрушенная Вилла более не напоминала «воссозданные мечтания» Эрика, но нежным существом в отчаянном вздохе Вана была Ада.

Перевод Андрея ГИРИВЕНКО

* Погаси свечку (ит.).

ДИКИЕ ЖИВОТНЫЕ СКАЗКИ

ДЕМОНСТРАЦИЯ МОДЕЛЕЙ

ЛЮДМИЛА ПЕТРУШЕВСКАЯ

Как-то раз паук Афанасий выпил лишнего с червем Феофаном и стал дружески его опекать: тут, говорит, дует, сошью тебе кое-что.

И в результате сплел ему накидку, увлекся, сплел колготки с капюшоном — да и застегнул все это мероприятие наглухо на застежку типа «молния», а сам отпрянул в угол как мастер и сидит ждет демонстрации моделей.

Червь Феофан очухался, ищет выпить рассольцу, а сам ничего не различает, молния застегнута, аут.

Ну и погнал он вперед как кот в мешке, вслепую.

Паук Афанасий до слез дошел, так хохотал, но беззвучно, корчился, отворачивался, ногами сучил, губы плотно сжавши, чтобы не обидеть товарища.

Надо сказать, что он всегда в подобных случаях сдерживал хохот, особенно когда речь шла о демонстрации моделей: серьезное ведь дело, мужики.

Однако же червь Феофан недолго думал, погнул застежку-молнию, похерил капюшон и ушел в глухой отказ — свалил, короче.

Хулиганье какое, думал паук Афанасий, а ведь идеальная модель, шестой рост, полнота икс.

Но где идеал, там всегда кто-нибудь его да и поперет.

ХА А. ЛУКЪ ЯНЧКОВ. ©

Предлагаем дорогие престижные земельные участки в водоохранной зоне Клязьминского водохранилища.
Тел.: 586-72-05, 926-05-85

Новый коттедж 420 кв. м, 5 км от МКАД, Можайское шоссе.
Тел.: 163-84-12, 450-92-40

«Стройдачкомплекс» предлагает:
— деревообработку, дачи-коттеджи под ключ
— кирпичную кладку печей и каминов
Приглашает на конкурсной основе высококвалифицированных специалистов-строителей.
Ул. Зорге, 7 «В»
Тел.: 943-21-67, 943-68-49

Со склада в Москве
уголок 25:100, швеллер 8:30,
оцинкованный лист и профнастил, арматура
12:22, стальной лист, труба.
Тел.: 261-39-16, 299-72-10, 299-98-54,
349-50-82

ТОО «ВЫБОР-Х» предлагает:
— складские услуги,
ответственное хранение.
Тел. 141-72-93

— обналечим любые суммы
— помещение под мелкооптовый магазин
— зубные щетки «Колгейт» — 40 центов.
Тел. 141-02-65

Некондиционная импортная
аудиоаппаратура
и ч/б телевизоры в рабочем состоянии.
Оптовые партии.
Тел.: 939-43-41, 939-43-45

Металлические двери, двери-решетки,
металлоконструкции
Решетки — стационарные, открывающиеся,
раздвижные
Ограждения — металлические; секции из
сетки рабицы.
Тел.: 127-40-43, 122-99-13, 256-66-54

Дилер продает автомобили УАЗ
и запчасти к ним.
Тел. 562-35-45

Установка импортных
автосигнализаций:
«AUDIOVOX» США — 160—210\$
«SIRIO—777» антисканер — 350\$
«SPY BALL» антисканер — 350\$
Пейджеры — 130\$
Тел. 487-20-01

Частная школа «СТУПЕНИ»
(лицензия № 642/165-Н)
Продолжает набор детей 5—16 лет.
Юридическая, экономическая
и гуманитарная специализация.
Японский, английский
и др. языки.
Доставка детей.
Тел.: 267-58-44, 143-51-80

ШКОЛА ШЕХТЕРА
Курсы эмоционально-смыслового обучения
языкам.
ИНОСТРАННЫЙ КАК РОДНОЙ!
Тел. 378-45-04

Ремонт импортных автомобилей
и установка дополнительного оборудования
в Финляндии.
Цены не выше российских.
Тел.: 230-76-52, 230-79-52

ВИСКАС, ПЕДИГРИ. Еда для домашних животных, минимальные цены. Проверьте!
Тел. 128-85-17

Добровольное пожарное общество окажет вам помощь в приобретении огнетушителей, пожарных рукавов и другого пожарнотехнического снаряжения.
Выполнит различные противопожарные работы.
Тел.: 231-92-31, 231-12-08
О пожаре звоните по телефону «01»

Агентство «Славянка» предлагает отдых:
ЯЛТА, СОЧИ, ПОДМОСКОВЬЕ, ГРЕЦИЯ,
БОЛГАРИЯ, ОБЪЕДИНЕННЫЕ АРАБСКИЕ
ЭМИРАТЫ

Шоп-туры: Польша,
Объединенные Арабские Эмираты,
Венгрия, Турция, Бразилия
(авиа).
(095) Тел./факс 481-11-45

КОМПАНИЯ «ГАММА»
КОСМЕТИКА ФИРМЫ «НЬЮОУЭЙС»
Самые последние открытия в области гигиены и здоровья!!!
Тел.: 924-83-89, 924-16-04, 214-35-80
ПЕТРОВКА, 8
(Издательство «Планета», 2-й этаж)

Ветчина, колбаса, бок, шейка, бекон, грудинка — в/к, в вакуумной упаковке.
Франция.
Тел. 209-42-69

Садовые участки дешево.
По Рижскому, Савеловскому,
Казанскому направлениям железной дороги, 110 км, картотека.
Тел.: 128-29-50, 128-99-34

ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА
— регистрация фирм с иностранными инвестициями
— оффшорные компании в различных странах мира быстро, недорого
— ведение арбитражных дел.
ЦЕНТР, метро «Кропоткинская»,
«Арбатская».
Тел.: 202-63-32, 973-21-94

ПРАГА: чешские замки — 235\$,
пивные туры — 125\$
Французский во Франции.
Тел.: 335-61-37, 915-69-81
Коктебель, Евпатория, Алушта, Кисловодск,
Сочи, Подмосковье.
Тел. 489-23-26, с 10 до 17 ч.

ПРОИЗВОДСТВЕННО-
КОММЕРЧЕСКАЯ
ФИРМА

КГК

Только у нас вы можете сразу купить

дешево

МЕБЕЛЬ ДЛЯ ОФИСА

ВЫСТАВОЧНЫЙ ЗАЛ
Делегатская, 7, м. "Цветной бульвар" (за театром кукол)

Тел. 973-90-57, 973-90-56.

Фирмы,

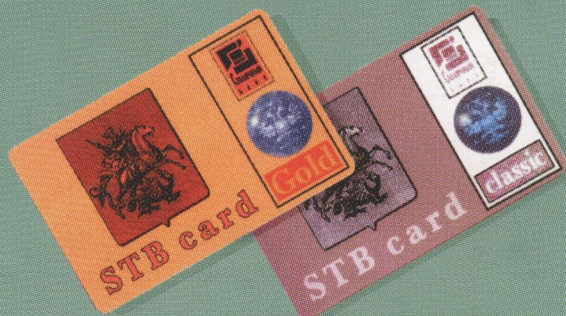
опубликовавшие свою рекламу
в этом номере:

PHILIPS	КГК
STB CARD	ПОД ЗНАКОМ ПИ
REEVOK	СТРОЙДАЧКОМПЛЕКС
ПЕРВАЯ ФИНАНСОВАЯ КОМПАНИЯ	ВЫБОР-Х
FINNAIR	ЧАСТНАЯ ШКОЛА «СТУПЕНИ»
RANK XEROX	ШКОЛА ШЕХТЕРА
IBERIA	АГЕНТСТВО «СЛАВЯНКА»
СМИРНОФФ	ГАММА
НИЗАР	

Наличные деньги могут остаться лишь на полотнах старых мастеров да в нашей памяти

Ведь теперь у нас есть банковские карточки STB-card

Адрес: Москва, 113095, ул. Пятницкая, 72.
Телефоны: (095) 236-81-80, 236-80-57. Факс: 236-83-20.
Телекс: 411913 SBANK SU. Телетайп: 114250 СМОЛЯК

Учредитель
"Гермес-Финанс"

Гарантии страхового
акционерного общества "ГЕФЕСТ"

Принимаем вклады
населения
с выплатой по договору
о совместном
инвестировании

1-АЯ ФИНАНСОВО
СТРОИТЕЛЬНАЯ
КОМПАНИЯ

до 1600% годовых в рублях

Минимальная сумма вклада -

100 тысяч рублей

Минимальный срок вклада - 3 месяца

Страхование вклада свыше 1.000.000 рублей за счет фирмы

Вклады принимаются по адресам:

Москва, 1-я Миусская ул., 24/22. Тел.: 250-2312, 258-3485

Москва, ст. м. «Кузнецкий мост», ул. Рождественка, 5/7. Тел.: 923-2287

Москва, Тверская ул., 28/2. Тел.: 357-5120, 374-8787, 350-2592, 531-1109